

ВЕСТНИК МГПУ.

СЕРИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ».

**MCU JOURNAL
OF LEGAL SCIENCES**

№ 4 (60)

Научный журнал / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2008
Quarterly**

**Москва
2025**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И. М. ректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор педагогических наук, доцент, председатель почетный работник общего образования Российской Федерации, член-корреспондент РАО

Геворкян Е. Н. первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, заместитель председателя доктор экономических наук, профессор, академик РАО

Агранат Д. Л. проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, заместитель председателя доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Пашенцев Д. А. доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (МГПУ)
главный редактор

Северухин В. А. кандидат юридических наук, профессор, зам. главного редактора заслуженный юрист РСФСР (МГПУ)

Беляева О. А. доктор юридических наук, профессор РАН (ИЗиСП)
Борисова Н. Е. доктор юридических наук, профессор (МГПУ)

Динориоев А. М. доктор юридических наук, профессор (Таджикский национальный университет)

Дорская А. А. доктор юридических наук, профессор (РГПУ им. А. И. Герцена)
Ефимова О. В. кандидат юридических наук, доцент (МГПУ)

Ибраева А. С. доктор юридических наук, профессор (Казахский национальный университет им. Аль-Фараби)

Илариа Претелли доктор права (Швейцарский институт сравнительного права)
Мартыненко И. Э. доктор юридических наук, профессор (Гродненский государственный университет им. Я. Купалы)

Мкртумян А. Ю. доктор юридических наук, заслуженный юрист Республики Армения (Кассационный суд Республики Армения)

Ростокинский А. В. доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
Рыбаков О. Ю. доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор (МГЮУ им. О. Е. Кутафина)

Сауляк О. П. доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
Серова О. А. доктор юридических наук, профессор (Псковский государственный университет)

Смирнов Л. Б. доктор юридических наук, профессор (РГПУ им. А. И. Герцена)
Черногор Н. Н. доктор юридических наук, профессор РАН (ИЗиСП)

Честнов И. Л. доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (СПбЮИ(ф)АГП)

Чурилов С. Н. доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (МГПУ)
Шевелева С. В. доктор юридических наук, профессор (ЮЗГУ)

Андреянова Н. Н. кандидат юридических наук (МГПУ)
ответственный редактор

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

ISSN 2076-9113

© ГАОУ ВО МГПУ, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Государство и право: теоретические и исторические аспекты

<i>Александрова А. В.</i> Правовые воззрения Иеремии Бентама и их влияние на британское пенсионное законодательство	7
<i>Бабаева Ю. Г.</i> Правовое взаимодействие государства и Русской православной церкви в Российской империи: доктринальные подходы	23
<i>Зудов Ю. В.</i> Патриотическая риторика как средство адаптации Русской православной церкви к новой политике в сфере правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР (1940–1970-е гг.)	29
<i>Метшин И. Р.</i> Роль губернской реформы 1775 г. в укреплении государственного единства Российской империи (к 250-летию губернской реформы)	44
<i>Николаев А. И.</i> Технологический фактор в развитии современного права	52

Публичное право

<i>Вяткин А. Н.</i> Установление и устранение причин и условий загрязнения природы: системный подход в криминалистической профилактике	59
<i>Васильев И. А.</i> Предупредительные меры защиты в спортивном праве	68
<i>Смирнов Л. Б.</i> Пенитенциарно-правовые основы воспитательной работы с осужденными в исправительных учреждениях	82
<i>Степанов М. М., Соловьев П. В., Шахновская И. В.</i> Совершенствование нормативного регулирования правотворческой деятельности в России в современных условиях	94

Образовательное право

- Овчинников А. В., Сорокин В. П. Политико-правовой процесс в российском общем образовании в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) (историко-педагогический контекст).....* 104

Критика. Рецензии. Библиография

- Мотова Е. А. Рецензия на книгу: Научно-практический комментарий к Водному кодексу Российской Федерации (постатейный) / О. А. Беляева, С. А. Боголюбов, Е. А. Галиновская [и др.]; отв. ред. Д. О. Сиваков; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Юридическая фирма «Контракт», 2025. 480 с* 113

Авторы «Вестника МГПУ. Серия «Юридические науки», 2025, № 4 (60)..... 121

- Требования к оформлению статей..... 125

CONTENTS

State and Law: Theoretical and Historical Aspects

<i>Aleksandrova A. V.</i> Jeremiah Bentham's Legal Views and Their Influence on British Pension Legislation	7
<i>Babayeva Yu. G.</i> Legal Interaction Between the State and the Russian Orthodox Church in the Russian Empire: Doctrinal Approaches	23
<i>Zudov Yu. V.</i> Patriotic Discourse as an Adaptive Mechanism: the Russian Orthodox Church within Soviet Legal Frameworks Governing State-religious Relations (1940s – 1970s).....	29
<i>Metshin I. R.</i> The Role of the Provincial Reform of 1775 in Strengthening the State Unity of the Russian Empire (on the 250th Anniversary of the Provincial Reform).....	44
<i>Nikolaev A. I.</i> The Technological Factor in the Development of Modern Law	52

Public Law

<i>Vyatkin A. N.</i> Establishment and Elimination of the Causes and Conditions of Natural Pollution: a Systematic Approach to Forensic Prevention.....	59
<i>Vasiliev I. A.</i> Preventive Protective Measures in Sports Law	68
<i>Smirnov L. B.</i> Penitentiary and Legal Bases of Educational Work with Convicts in Correctional Institutions	82
<i>Stepanov M. M., Solovyev P. V., Shakhnovskaya I. V.</i> Improvament of Normative Regulation of the Law-making Activities in Russia in Modern Condition	94

Educational Law

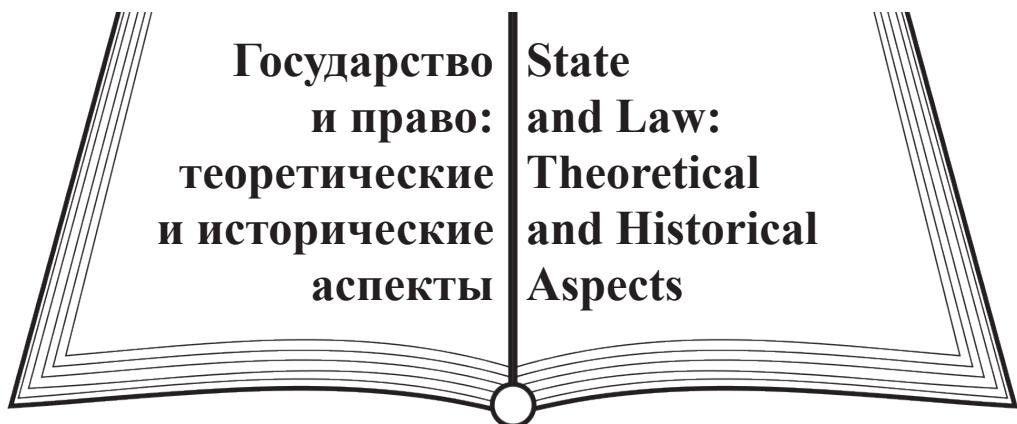
- Ovchinnikov A. V., Sorokin V. P. Political and Legal Process in Russian General Education During the Great Patriotic War (1941–1945) (Historical and Pedagogical Context).....* 104

Criticism. Reviews. Bibliography

- Motova E. A. Book Review: Scientific and Practical Commentary on the Water Code of the Russian Federation (article by article) / O. A. Belyaeva, S. A. Bogolyubov, E. A. Galinovskaya [et al.]; ed. by D. O. Sivakov; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Moscow: Juridical Kontrakt Company, 2025. 480 p.....* 113

Authors of the MCU Journal of Legal Sciences, 2025, № 4 (60)..... 121

- Requirements for Style Articles 125

УДК 340.12

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-460-7-22

А. В. Александрова

Пензенский государственный университет,
Пенза, Российская Федерация,
pgu-gpd@yandex.ru

ПРАВОВЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ ИЕРЕМИИ БЕНТАМА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА БРИТАНСКОЕ ПЕНСИОННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Аннотация. В работе исследуется теоретическое наследие Иеремии Бентама с точки зрения его значения для развития пенсионного законодательства Великобритании. За основу берется законодательство XIX в., также частично затрагиваются нормативные акты предыдущего и последующего веков. Проведенное исследование позволяет сделать выводы о существенном влиянии принципов, сформулированных Бентамом, на процессы разработки и применения так называемого нового законодательства о бедных (прежде всего акта 1834 г.), явившегося предтечей пенсионного закона 1908 г.

Ключевые слова: утилитаризм; полезность; бережливость; Иеремия Бентам; законы о бедных; социальная помощь; пенсионное законодательство.

UDC 340.12

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-460-7-22

A. V. Aleksandrova

Penza State University,
Penza, Russian Federation,
pgu-gpd@yandex.ru

JEREMIAH BENTHAM'S LEGAL VIEWS AND THEIR INFLUENCE ON BRITISH PENSION LEGISLATION

Abstract. The paper examines the theoretical legacy of Jeremy Bentham in terms of its significance for the development of pension legislation in the UK. The legislation of the 19th century is taken as a basis, and the normative acts of the previous and subsequent centuries are also partially affected. The conducted research allows us to draw conclusions about the significant influence of the principles formulated by Bentham on the processes of developing and applying the so-called new legislation on the poor (first of all the Act of 1834), which was the forerunner of the pension law of 1908.

Keywords: utilitarianism; utility; thrift; J. Bentham; Poor Laws; social assistance; pension legislation.

Введение

Актуальность исследования правовых воззрений Иеремии Бентама (1748–1832) с точки зрения их влияния на британское пенсионное законодательство обусловлена, с одной стороны, неоднозначным отношением к наследию этого ученого в отечественной науке, а с другой стороны, сменой концептуальной парадигмы пенсионного обеспечения, происходящей в настоящее время.

Проблема пенсионного (и более широко — социального) обеспечения населения в условиях цифрового общества и нестабильной занятости стоит весьма остро как для России, так и для большинства зарубежных стран. Сегодня общепризнанным является тот факт, что традиционные принципы трудового права и права социального обеспечения, к сожалению, не всегда применимы в условиях массовой самозанятости и глобальных социальных рисков. Зачастую приходится слышать (даже от специалистов, имеющих ученую степень в области юриспруденции) мнение о том, что «пенсии скоро отменят». Такая позиция отражает не только неуверенность человека в завтрашнем дне, являющуюся следствием общей социально-политической турбулентности, но и подсознательное ощущение происходящих глубинных изменений в экономике (по справедливому замечанию президента РФ, тектонических¹).

¹ Путин заявил о революционных изменениях в экономике // РИА Новости. 17 июня 2022 г.
URL: <https://ria.ru/20220617/putin-1796161979.html> (дата обращения: 19.09.2022).

По мнению автора данной статьи, в ближайшей перспективе пенсионное обеспечение как общественный институт, конечно, будет сохранено, но вопрос о том, каким оно будет в дальнейшем, остается открытым. В связи с этим вполне обоснованным и необходимым видится обращение к теоретическому наследию крупнейших мыслителей в области права и экономики, а также к имеющемуся опыту правового регулирования пенсионных отношений, в том числе в зарубежных странах.

В отношении значения теоретического наследия И. Бентама ведутся споры как в отечественной, так и в зарубежной науке. По-разному оценивается его влияние на развитие политической экономии и идеологии либерализма, роль в разработке реформ британской избирательной системы и социального законодательства, его позиция по отношению к теории общественного договора и естественных прав личности [4, с. 5–6]. Советские авторы резко критически отзывались о концепциях И. Бентама — это было связано как с негативной оценкой его трудов Карлом Марксом, так и с недостаточной информированностью о наследии знаменитого ученого [9, с. 31]. Тем не менее специалисты едины во мнении о том, что учение Бентама представляет собой масштабное явление, знаменовавшее новый этап в развитии общественных наук. А. В. Дайси назвал период с 1825 по 1870 г. в Великобритании периодом бентамизма [15, с. 184], поскольку судьи в эти годы руководствовались либеральной концепцией Бентама.

Таким образом, целью настоящего исследования выступает изучение теоретического наследия Иеремии Бентама с точки зрения его значения для развития пенсионного законодательства Великобритании (главным образом рассматривается законодательство XIX в., хотя также будет обращено внимание на отдельные нормативные акты предшествующего и последующего веков). Цель исследования обусловила постановку следующих задач: выявить основные постулаты концепции утилитаризма (полезности), разработанной И. Бентамом; обозначить этапы развития британского пенсионного законодательства во взаимосвязи с предпринимаемыми государством мерами по борьбе с бедностью; определить роль, которую учение И. Бентама сыграло в процессе разработки, принятия и применения соответствующих пенсионных законов; выявить значение теоретических разработок Бентама для формирования современной парадигмы развития пенсионного законодательства.

Методы исследования

Методология исследования включает комплекс традиционных методов: общенаучные (анализ, синтез, системно-структурный) и частнонаучные (историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический), а также широко применяемые в рамках постнеклассической научной

рациональности методы антропоцентризма и конструктивизма. При рассмотрении взаимосвязанных изменений экономических и правовых отношений на конкретных исторических этапах развития Великобритании автором были использованы основные постулаты теории технологических укладов [1, с. 9].

Степень научной разработанности темы

Учение Иеремии Бентама не одно столетие выступает объектом исследований отечественных и зарубежных ученых: оно изучается с точки зрения философии, политологии, экономической и социологической науки и, конечно же, правоведения. Признанной является его роль как основателя идеологии утилитаризма, разработчика основ либерализма, предложений по реформированию пенитенциарной системы, гражданского и уголовного законодательства, инициатора преобразований британской избирательной системы. Первая оценка концепции Бентама появилась в трудах его последователя Дж. С. Милля. Среди современных зарубежных ученых, исследовавших научное наследие Бентама, следует назвать таких авторов, как Д. Либерман, Р. Харрисон, Дж. Кримминс, Д. Лайонс. Широко известным и весьма популярным в научных и политических кругах было учение Бентама в дореволюционной России. Анализу его работ посвящены труды Б. Н. Чичерина, С. Н. Булгакова, П. А. Покровского и других. Советская наука, как отмечалось выше, уделяла недостаточное внимание изучению наследия И. Бентама. В 1970-е гг. В. К. Шрейбер подготовил диссертацию, посвященную философским основам учения Бентама, его взглядам на соотношение личности и общества [13]. Отдельные аспекты учения Бентама исследовались в работах по криминологии, уголовному праву, философии, истории политических и правовых учений². В большинстве из них преобладал критический подход к творчеству Бентама, обусловленный опорой на марксистско-ленинскую парадигму. В постсоветский период интерес к концепциям И. Бентама стал постепенно возрастать; появились публикации, нацеленные на всестороннее и объективное изучение его наследия³. В 2002 г. была защищена диссертация А. Н. Остроух на тему «Учение Бентама о праве» [10].

² См., например: История политических и правовых учений / под ред. С. Ф. Кечекьяна, Г. И. Федыкина. М.: Госюриздан, 1960. С. 437–439; Утевский Б. С. История науки уголовного права: учеб. пособие. М.: Тип. «Крас. звезда», 1948; Гернет М. Н. История царской тюрьмы: в 5 т. Т. 2. 1825–1870 гг. М.: Юрид. изд-во, 1946.

³ См., например: Конвей С. «Бентам проект» и изучение Бентама // История права: Англия и Россия. М.: Прогресс, 1990. С. 221–240; Барлова Ю. Е. «Надзор и прибыль»: общественное признание и социальная помощь в теоретических конструктах Иеремии Бентама // Диалог со временем. 2010. № 33. С. 166–186; Остроух А. Н. «Гений буржуазной тупости»: об изучении правового учения Бентама в советской юридической науке // Труды Института государства и права РАН. 2020. Т. 15. № 5. С. 31–51.

В то же время учение Иеремии Бентама с точки зрения его влияния на формирование пенсионного законодательства еще не становилось предметом самостоятельного исследования, что обуславливает новизну настоящей работы.

Основное исследование

Бентам широко известен в первую очередь как основатель концепции утилитаризма, основанной на принципе полезности. Полезность он характеризовал как «тот принцип, который одобряет или не одобряет какое бы то ни было действие, смотря по тому, имеет ли оно (как нам кажется) стремление увеличить или уменьшить счастье той стороны, об интересе которой идет дело, или, говоря то же самое другими словами, содействовать или препятствовать этому счастью» [4, с. 10]. Таким образом, оценивая полезность того или иного предмета или действия в зависимости от его способности содействовать счастью человека, Бентам сформулировал цель государственной политики: «Наибольшее счастье наивозможно большего числа членов общества: вот единственная цель, которую должно иметь правительство» [5, с. 321]. Для достижения главной цели необходимо последовательно выполнить четыре задачи — обеспечить наличие средств к существованию, довольство, равенство и безопасность. Соответственно, основные направления законодательной деятельности: «заботиться о средствах к существованию, — обеспечить довольство, — благоприятствовать равенству, — сохранить безопасность» [5, с. 322].

Известно, что Бентам выступал с критикой концепций естественного права и общественного договора. Вдумчивый анализ его суждений приводит к заключению, что многие из них справедливы. В частности, нельзя не согласиться с тем, что собственность не может быть признана естественным правом, поскольку «сама природа не устанавливает никакой собственности... собственность есть исключительно создание закона. <...> Отношение к предмету, образующему собственность, не может быть выражено никаким изображением, никакой краской — оно не материальное, а чисто метафизическое, есть исключительно создание ума» [5, с. 337]. Общественный договор Бентам рассматривал как фикцию, неспособную дать ответ на вопрос об основаниях и пределах государственной власти [7, с. 275]. Также он считал фикцией и естественное право — данное положение можно считать справедливым в том смысле, что, не будучи формально закреплено, а существуя только в сознании людей, естественное право представляет собой крайне субъективное явление и по своей сути может быть отнесено к правосознанию.

Заслуживает внимания, но представляется весьма спорной позиция И. Бентама относительно интереса общества как «суммы интересов отдельных членов, составляющих его» [4, с. 11]. Данная позиция, в частности, игнорирует

противоречие, объективно существующее между интересами общества (коллектива) и индивида (отдельной личности).

Следует отметить, что при жизни Бентама пенсионного законодательства в его современном понимании еще не существовало; не было ни страховых, ни универсальных социальных пенсий. Существовали лишь отдельные выплаты лицам, вышедшим в отставку с государственной службы, прежде всего военнослужащим и морякам. Поддержка пожилых и иных нетрудоспособных лиц в Великобритании регулировалась законодательством о бедных, которое уходит своими корнями в период Средневековья.

Таким образом, основные дискуссии в конце XVIII – начале XIX в. разворачивались по вопросу о реформировании системы помощи бедным, которая к этому времени оказалась в своего рода кризисе. Причинами кризиса послужили, с одной стороны, объективные изменения социально-экономической ситуации, а с другой — назревшая необходимость изменения подходов к оказанию помощи малоимущим лицам. В XVIII в. в Британии наблюдался рост численности населения: в течение столетия она увеличилась почти в два раза — с 8 до 15 миллионов человек [18, с. 93]. Этот рост сопровождался в том числе и увеличением количества нуждающихся. С точки зрения экономики XVIII в. стал периодом дальнейшего развития капиталистических отношений: в первой половине столетия ремесленное производство постепенно уступает место мануфактуре, а во второй — начинается переход к машинному производству. Главным социальным последствием происходящих изменений стало возникновение промышленного пролетариата, который «превратился в самый многочисленный и наиболее обездоленный класс английского общества» [8, с. 7]. В случае отсутствия работы маргинализированные, лишенные возможности заработать на жизнь сельскохозяйственным трудом пролетарии пополняли ряды пауперов и бродяг.

В XVIII в. юридическую основу помощи бедным в Англии составляло так называемое елизаветинское (или старое) законодательство, и прежде всего акт 1601 г.⁴ Оказание помощи было возложено на местные органы власти, обеспечивалось на уровне приходов; для его финансирования был установлен специальный налог. Таким образом, система оказания помощи бедным была децентрализована, отсутствовало единое управление, ведомство, которое решало бы унифицированно вопросы предоставления помощи. К XVIII в. в стране постепенно сложились две главные формы признания, основы которых были заложены еще в Средние века [2, с. 71]. Первую форму можно назвать открытым признанием, поскольку она не предполагала помещения получателя помощи в какое-либо специальное учреждение и ограничения свободы: нуждающиеся выплачивали пособие, обеспечивали питанием, оказывали иную помощь со стороны прихода. Вторая форма, закрытое признание, предусматривала

⁴ Act for the Relief of the Poor 1601. URL: <http://www.workhouses.org.uk/poorlaws/1601intro.shtml> (дата обращения: 19.08.2025).

помещение получателя в работный дом (в более ранние периоды — в госпиталь, богадельню и тому подобные учреждения). В таком учреждении нуждающийся получал некую помощь (питание, одежду), однако права его существенно ограничивались. Трудоспособные нищие, пребывающие в работных домах, обязаны были выполнять предлагаемую там работу. Работные дома возникли в Англии еще до XVIII в., однако именно в этом столетии они получили статус официального института, входившего в систему общественного признания. Этому способствовало принятие акта 1722 г.⁵ Указанный документ получил наименование «Акт о проверке работным домом», поскольку давал приходам возможность выбирать форму оказания помощи — открытую либо закрытую. Акт предписывал рассматривать помещение паупера в работный дом как критерий проверки его «честности»: согласие на жизнь в крайне дискомфортных условиях являлось основанием для признания факта действительной нужды [3, с. 28]. Отдельным положением акта 1722 г. приходам предоставлялось право формировать межприходские работные дома, то есть учреждать общие заведения для группы приходов; это позволяло приходам экономить свои материальные ресурсы. В то же время многие приходы предпочитали открытое признание, оказывая финансовую помощь нуждающимся и не помещая их в специальные учреждения. Следствием такой политики стало повышение затрат на систему помощи бедным и усиление налогового давления при одновременном замедлении темпов роста уровня жизни основной массы британцев.

Сторонником открытого признания выступал и британский премьер-министр Уильям Питт — младший (периоды премьерства: 1783–1801, 1804–1806 гг.). В 1797 г. он инициировал внесение в Палату общин проекта закона о помощи бедным, в рамках которого предполагалось установление фиксированных норм оплаты труда для малообеспеченных категорий граждан на период экономических кризисов. Проект вызвал серьезную критику в общественно-политических кругах; против него выступил сам Иеремия Бентам, явившийся весьма авторитетной фигурой. В результате через три года премьер-министр отозвал свой законопроект, пояснив, что «снимает свой проект, который он до сих пор находил хорошим, из почтения к мнению тех, чьи мнения он должен уважать» [14, с. 43–44].

Исследователи называют У. Питта — младшего последним министром, защищавшим старую систему и открытое признание [3, с. 29]. После его ухода в 1806 г. требования реформирования старой системы звучали все чаще и находили все больше сторонников.

Что касается Иеремии Бентама, то он считал вполне благополучным социально-экономическое положение современной ему Англии, даже называя его счастливым. Он утверждал, что Англия относится к числу тех стран,

⁵ An Act for Amending the Laws relating to the Settlement, Employment, and Relief of the Poor (The Poor Relief Act 1722. URL: <http://www.workhouses.org.uk/poorlaws/1722intro.shtml> (дата обращения: 19.08.2025).

которые «находятся вне опасности подвергнуться голоду», поскольку там «есть излишек и... управляет просвещенные правительства» [5, с. 325]. Весьма любопытно его суждение, что при свободном рынке даже производство предметов роскоши становится обеспечением от нужды: «безделушка, сама по себе бесполезная, получает цену, как средство к обмену на необходимое» [5, с. 328]. В этих словах, очевидно, находит свое выражение один из ключевых принципов либерализма — свобода экономической деятельности, невмешательство государства в социально-экономические отношения. Аналогичное отношение к производству предметов роскоши как к средству создания национального богатства и в конечном итоге противодействия нуждаемости мы находим в знаменитой «Басне о пчелах» Бернара Мандевиля (1670–1733), одного из идеологов английского Просвещения:

Здесь роскошь бедных выручала
Тем, что работу им давала⁶.

Выводы Мандевиля о роли человеческих пороков, неравенства, стремления к обогащению, сделанные им в «Басне о пчелах», неутешительны и во многом спорны. Тем не менее его произведение представляет значительный интерес благодаря точному выделению ключевых противоречий общественной жизни, анализ которых не утратил научной ценности за прошедшие три столетия:

Да будет всем глупцам известно,
Что улей жить не может честно.
В мирских удобствах пребывать,
Притом пороков избежать —
Нельзя; такое положенье
Возможно лишь в воображенье.
Нам — это все понять должны —
Тщеславье, роскошь, ложь нужны;
В делах нам будучи подмогой,
Они приносят выгод много.
Конечно, голод — это зло;
Но без него бы не могло
Раздобывать себе съестное,
Расти и крепнуть все живое⁷.

Позиция Мандевиля относительно экономического значения материальных интересов (и более конкретно — стремления к обогащению) в жизни людей разделялась и Адамом Смитом, которого традиционно называют среди ученых, стоявших у истоков либерализма [12, с. 139]. Смит, в частности, полагал, что «человек скорее достигнет своей цели, если обратится не к благожелательности других людей, а к их эгоизму, если он будет говорить не о своих нуждах, а об их выгодах» [8, с. 72].

⁶ Мандевиль Б. Басня о пчелах. URL: https://samlib.ru/k/kormin_m_w/opcelah.shtml (дата обращения: 19.09.2025).

⁷ Там же.

Бентам полагал, что в условиях рыночной экономики «бедные всегда более или менее участвуют в удовольствиях, выгодах, средствах цивилизованного общества. Производительность, труд делают их кандидатами на богатство. Они наслаждаются удовольствием приобретения, и надежда всегда сопутствует их труду» [5, с. 339].

Главными же, наиболее значимыми свойствами человеческой личности, позволяющими ей обеспечить себе безбедную старость, Бентам считал бережливость и предусмотрительность. Природа наделила человека этими свойствами: «Нужда, вооруженная всякого рода страданиями и даже смертью, побудила человека работать, вселила в него энергию, внущила предусмотрительность, развила все его способности» [5, с. 326]. Однако, в случае если личность не является достаточно предусмотрительной, законодатель должен нацелить ее на это посредством установления обязательных требований: «Закон делает то, чего естественные чувства не в состоянии сделать сами по себе... Только он один может поощрять людей работать более, чем сколько нужно для настоящего, работать ради плодов, пользование которыми возможно только в будущем» [5, с. 336].

Бентам считал, что если сделать помощь бедным болезненной, создать малоприятные условия в работном доме, то бедные от этого лишь выиграют, поскольку «будут стремиться сами поддерживать себя... и в дальнейшем это приведет их к наслаждению... Бедные перестанут быть паразитами. Им вернут их достоинство» [3, с. 29]. Известно, что в 1797 г. Бентам разработал собственную модель работного дома («Паноптикон»), позволяющую обеспечить повсеместный контроль и дисциплину среди лиц, пребывающих в нем.

Таким образом, в спорах о выборе подхода к обеспечению малоимущих (в том числе пожилых и иных нетрудоспособных) лиц в Англии на рубеже XVIII–XIX вв. столкнулись позиции сторонников либерального подхода (его авторами можно считать Б. Мандевиля, А. Смита, Д. Рикардо, И. Бентама) и защитников «старой системы» поддержки бедных, ориентированной преимущественно на открытое признание, помочь вне работного дома (в частности, помочь премьер-министру У. Питта — младшего).

В первые десятилетия XIX в. правительством Великобритании предпринимались меры для изучения ситуации с обеспечением нуждающихся, сложившейся в стране. Изначально был создан Избранный комитет Палаты общин по законодательству о бедных (1817 г.), а пятнадцатью годами позже — Королевская комиссия по изучению законодательства о бедных. Названная комиссия направила запросы в приходы Великобритании, призванные осуществлять помощь бедным. Анкеты были направлены в 15 000 приходов. Получив ответы лишь от 10 % адресатов, комиссия тем не менее сформулировала весьма жесткие выводы. Английское законодательство о бедных было признано несовершенным; постулировалось, что старая система отнюдь не мотивирует пауперов к труду на пользу общества, а лишь способствует возрастанию среди них иждивенческих настроений. Комиссия рекомендовала преобразовать систему помощи бедным

на основе принципов личной ответственности человека за свое материальное положение, опоры на закрытое признание и централизацию государственного управления в данной сфере. Стыд и боязнь перспективы помещения в работный дом должны были составить основу противодействия нищете. Бедность рассматривалась как следствие аморального, порочного образа жизни человека и отсутствия у него надлежащей предусмотрительности. Как видим, выводы комиссии вполне соответствовали идеям И. Бентама. Отчет комиссии, опубликованный в 1834 г., провозглашал, что «за исключением медицинской помощи... всякая помощь трудоспособным персонам или их семьям, если она оказывается не в хорошо регулируемых работных домах... должна быть признана незаконной и прекращена» [19, с. 77].

В 1834 г. был принят акт о поправках и лучшей организации законов в отношении бедных в Англии и Уэльсе⁸, воплотивший основные идеи Королевской комиссии. Для того чтобы сделать помощь бедным малопривлекательной для ее получателей, акт предусмотрел внедрение следующих принципов: во-первых, принципа меньшей приемлемости (эквивалент предоставляемой помощи должен был быть ниже уровня зарплаты самого низкооплачиваемого работника) и, во-вторых, принципа проверки работным домом (предоставление помощи исключительно в условиях работного дома).

Несмотря на жесткий характер вводимых правил, реформа несла в себе и позитивный момент, а именно централизацию системы помощи бедным. Впервые в истории на государственном уровне был учрежден специализированный государственный орган — Комиссия по соблюдению законодательства о бедных, находившаяся в подчинении Тайного совета. На локальном уровне полномочия по контролю за реализацией нового закона делегировались выборным советам попечителей. Другим проявлением политики централизации стало принудительное объединение приходов страны в 600 административных округов — «Союзов по законодательству о бедных» (Poor Law Unions), каждый из которых был обязан содержать собственный работный дом. Это облегчало задачи небольших приходов, которые были не в состоянии финансировать такое учреждение самостоятельно.

В первые десятилетия после принятия закона 1834 г. цель снижения числа получателей помощи, казалось бы, была достигнута. Если расходы на оказание помощи бедным в условиях действия старого законодательства (в 1834 г.) составляли 7 млн фунтов стерлингов, то после реализации реформы они сократились и к 1837 г. достигли 4 млн фунтов стерлингов (несмотря на растущую численность населения) [16, с. 466]. Тем не менее сокращение числа лиц, получавших официальную помощь, не свидетельствовало об уменьшении масштабов реальной нуждаемости. Более того, разразившийся в 1860-х гг. кризис, известный как Ланкаширский хлопковый голод (Lancashire Cotton

⁸ The Poor Law (Amendment) Act 1834 // URL: <https://education-uk.org/documents/acts/1834-poor-law-amendment-act.html> (дата обращения: 20.08.2025).

Famine), связанный с прекращением поставок хлопка для британской текстильной промышленности, потребовал от правительства активного вмешательства и массовой раздачи помощи вне работных домов [11, с. 72–73].

Изначально же реформа 1834 г. предусматривала оказание помощи вне работного дома только для пожилых и нетрудоспособных лиц. Согласно ст. 27 акта, «помощь должна быть предоставлена любому совершеннолетнему лицу, которое из-за старости или немощи тела будет полностью нетрудоспособным, без требования о том, чтобы такое лицо проживало в каком-либо работном доме...»⁹.

При этом практика реализации акта в первые годы свидетельствовала о достаточно широком применении открытого признания для пожилых лиц. Интересен тот факт, что, хотя законодательство этого периода и не проводило разделения пожилых получателей помощи на «достойных» и «недостойных» (deserving and undeserving poor), но такие попытки предпринимались на местах самими попечителями о бедных. По свидетельству В. А. Гагена, изначально центральная власть этому противодействовала [6, с. 356]. Однако впоследствии возобладала уже общепринятая позиция, получившая свое выражение в трудах Бентама, о том, что размер оказания помощи и ее форма должны зависеть от морального облика пожилого человека, наличия у него «склонности к бережливости». В частности, Бюро попечителей о бедных в Паддингтоне установило правило, согласно которому помощь на дому оказывалась тем пожилым и немощным лицам, которые отвечали пяти условиям: были лишены средств; «обнаруживали склонность к бережливости»; не имели родных, обязанных их содержать; не получали благотворительную помощь; желали жить вне работного дома и могли оставаться без присмотра [6, с. 357–358].

В период с 1871 по 1890 г. в Великобритании возобладала тенденция оказания помощи престарелым только в работном доме. По мнению должностных лиц (инспекторов совета местного управления), угроза помещения в работный дом должна была вынудить паупера копить средства на случай старости либо стимулировать его родственников оказывать ему помощь во избежание помещения человека в это учреждение.

Акт 1834 г. не устанавливал возрастную границу старости, в связи с чем данный вопрос решался по усмотрению местных попечителей о бедных. Центральные органы тоже не предпринимали действий по установлению возраста старости. Созданная изначально Комиссия по соблюдению законодательства о бедных (Poor Law Commission) была в 1847 г. преобразована в Совет по закону о бедных (Poor Law Board), а в 1871 г. его сменил Совет по местному управлению (Local Government Board). При рассмотрении вопроса о возрасте, по достижении которого лицо должно считаться престарелым, Совет уклонился от его разрешения, пояснив, что человек может быть трудоспособным в 70 лет и лишиться способности работать в 65 лет [6, с. 355]. Таким образом,

⁹ Poor Law (Amendment) Act 1834 // Education in the UK. URL: <https://education-uk.org/documents/acts/1834-poor-law-amendment-act.html> (дата обращения: 25.08.2025).

вопрос был отнесен на усмотрение местных властей, которые в каждом конкретном случае решали его по-разному.

Политика по проведению разграничения между пожилыми получателями помощи в зависимости от их прошлого и настоящего образа жизни, а также морального облика, была продолжена властями и на рубеже XIX–XX вв. В частности, в циркуляре от 4 августа 1900 г. Совет местного управления предписывал дифференцировать клиентов работного дома, достигших 65-летнего возраста. Тем пожилым лицам, которые были отнесены к категории «достойных» (old deserved poor) предоставлялся льготный режим пребывания в учреждении, выдавались дополнительно табак, чай, сахар и пр. [17, с. 168–169]. Кроме того, циркуляр 1900 г. свидетельствует о том, что совет косвенно установил возрастную границу (65 лет), начиная с которой лицо могло быть отнесено к категории престарелых.

На законодательном уровне положение о возрасте, являющем основанием для предоставления пенсии по старости (при одновременном наличии ряда других условий), появляется в акте 1908 г.¹⁰ Данный документ явился результатом долгих общественных дискуссий; на его разработку ушло не одно десятилетие. В нем также нашла отражение доктрина Бентами о предусмотриительности и бережливости, а также о воспитательном характере помощи (в данном случае — уже в виде пенсионных выплат), оказываемой гражданам со стороны государства. Согласно акту 1908 г., главными критериями выплаты пенсии выступали возраст, оседлость и нуждаемость. Порог пенсионного возраста был очень высоким — 70 лет (средняя продолжительность жизни в Великобритании в ту эпоху составляла около 45 лет¹¹). Значимым был и критерий оседлости — пенсионер должен был являться британским подданным и проживать в Соединенном Королевстве не менее 20 лет до получения пенсии. Кроме того, ежегодный доход лица, претендующего на получение пенсии, не должен был превышать 31 фунта стерлингов 10 шиллингов.

Согласно ст. 3.1 акта 1908 г., права на пенсию лишились получатели пособий для бедных, умалишенные, преступники, а также пожилые граждане, не работавшие перед выходом на пенсию «в соответствии со своей квалификацией, своими возможностями и нуждами» для содержания себя и зависимых от них лиц (либо не платившие регулярные взносы в добровольные страховые общества). Согласно ст. 3.3 акта, суд мог лишить права на пенсию лиц, злоупотреблявших алкоголем и приговоренных к изоляции (в соответствии с законом 1898 г. о борьбе с пьянством)¹². Благодаря наличию таких строгих критериев

¹⁰ Закон о пенсиях по старости 1 августа 1908 г. // Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки 1870–1914 / сост. П. И. Остриков, П. П. Вандель. М.: Высшая школа, 1989. С. 141–144.

¹¹ Ожидаемая продолжительность жизни в Соединенном Королевстве // Our World in Data. URL: <https://ourworldindata.org/grapher/life-expectancy?country=~GBR> (дата обращения: 25.08.2025).

¹² Закон о пенсиях по старости 1 августа 1908 г. // Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки 1870–1914 / сост. П. И. Остриков, П. П. Вандель. М.: Высшая школа, 1989. С. 142.

круг получателей пенсий оказался очень ограниченным — всего за 1908 г. было выдано 600 тысяч пенсий, то есть охвачен 1 % населения [11, с. 78].

Таким образом, первый общегосударственный закон, установивший пенсии по старости для британских граждан, отразил идеологические установки либерализма и утилитаризма, господствовавшие в английском обществе в течение XIX в. В то же время на него мало повлияло изменение политической ситуации в Великобритании, произошедшее на рубеже XIX–XX вв., связанное с усилением рабочего и социалистического движения, возникновением лейбористской партии и борьбой за голоса избирателей (круг которых существенно расширился благодаря избирательным реформам 1832, 1867, 1884–1885 гг.). Указанные тенденции получат свое отражение в более поздних законах, связанных с постепенным внедрением страховых начал в пенсионное законодательство и расширением круга охватываемых лиц.

Результаты исследования

Подводя итоги исследования, можно сделать следующие выводы. Доктрина полезности, разработанная Иеремией Бентамом, предполагала в качестве важнейшей цели государства обеспечение счастья для максимально возможного числа подданных. Важнейшими направлениями на пути достижения этой цели выступали обеспечение «довольства» и наличия средств к существованию. В первую очередь заботиться о накоплении средств к существованию в старости, по мнению Бентама, должен был сам человек: для этого он наделен природой соответствующими качествами, а именно бережливостью и предусмотрительностью. Отсутствие этих качеств у некоторых безответственных лиц государство должно компенсировать соответствующими законодательными требованиями. При этом помочь со стороны государства должна оказываться гражданину только в самом крайнем случае и в минимальном размере. Если сделать помочь болезненной, граждане от этого только выиграют, поскольку будут вынуждены сами заботиться о своем будущем и станут хозяевами своей судьбы.

Идеи Бентама оказались созвучны взглядам целого ряда мыслителей, творивших на рубеже XVIII–XIX вв. Они легли в основу концепций утилитаризма и либерализма, нашли отклик в позиции представителей государственной власти. Реформа законодательства о бедных, проведенная в Великобритании в 1834 г., воплотила идеи, высказанные Бентамом. При этом практика пошла даже дальше норм, установленных законодателем: в процессе оказания помощи бедным местные бюро попечителей все чаще стремились провести границу между «достойными» и «недостойными» пожилыми лицами, наделяя первых определенными льготами. В некоторых документах той эпохи даже встречается выражение «склонность к бережливости», столь характерное для произведений Бентама. Мысль о воспитательном характере пенсионных выплат

и их зависимости от образа жизни пенсионера получила свое выражение, хотя и в опосредованном виде, в британском пенсионном законе 1908 г.

С точки зрения значения идей Бентама для разработки современных концепций пенсионного обеспечения необходимо отметить следующее. Периодически в информационном поле появляются сообщения, явно или скрыто отражающие давно, казалось бы, изжитую позицию о том, что пенсионная выплата является некоей формой благотворительности и милостиво предоставляется со стороны государства гражданину, находящемуся на его иждивении. В связи с этим появляются предложения возложить бремя финансирования пенсий на родственников пенсионера¹³. Отражением позиции Бентама являются и идеи полного перехода на накопительную пенсию (столь популярные на рубеже XX–XXI вв.). Бережливость, накопительство, предусмотрительность — вот базовые начала для формирования такого рода пенсий. Однако вызовы, с которыми человечество столкнулось в 2020-е гг. (экологические, санитарно-эпидемиологические, военно-политические) свидетельствуют о том, что одной личности не под силу самостоятельно обеспечить собственное финансовое благополучие, поскольку в течение жизни она подвергается таким глобальным рискам, предусмотреть которые в принципе невозможно. Отсутствие доходов в период пандемии никак не было обусловлено наличием или отсутствием у граждан трудолюбия, бережливости и иных полезных качеств. Таким образом, современные формы поддержки пожилых лиц должны строиться не на идеях индивидуализма и накопительства, а на принципах солидарности, коллективного участия индивидов в формировании фондов, из которых будут финансироваться пенсионные выплаты. Основываясь на этом концептуальном подходе, необходимо будет разработать конкретные пути формирования фондов — за счет налогов, взносов, благотворительных поступлений и т. п.

Список источников

1. Абрамов Р. А., Пащенцев Д. А. Основные направления влияния современных технологий на развитие права // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2024. № 1 (53). С. 7–13.
2. Александрова А. В. Концептуальные основы пенсионного законодательства (опыт Великобритании, Франции и России). М.: Русайнс, 2022. 288 с.
3. Барлова Ю. Е. Английское законодательство о бедных в XVIII – первой половине XIX века // Ярославский педагогический вестник. 2010. Т. 1. № 3. С. 27–31.
4. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: Россспэн, 1998. 415 с.
5. Бентам И. Основные начала гражданского кодекса // Избранные сочинения Иеремии Бентама / пер. А. Н. Пыпина и А. Н. Неведомского. СПб.: Рус. книж. торговля, 1867. Т. 1. 678 с.

¹³ «Пусть сами решают — копить деньги или рожать детей». В России все чаще предлагают отменить пенсии // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/articles/2025/06/23/pensi/> (дата обращения: 23.08.2025).

6. Гаген В. А. Западноевропейский бедняк. Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1912. 736 с.
7. История политических и правовых учений / под ред. В. П. Малахова, Н. В. Михайловой. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 471 с.
8. Кузнецов В. Н., Meerovskiy B. V., Грязнов А. Ф. Западноевропейская философия XVIII века. М.: Высшая школа, 1986. 398 с.
9. Остроух А. Н. «Гений буржуазной тупости»: об изучении правового учения Бентама в советской юридической науке // Труды Института государства и права РАН. 2020. Т. 15. № 5. С. 31–51.
10. Остроух А. Н. Учение Бентама о праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 240 с.
11. Подольский В. А. Предпосылки формирования социального государства в Великобритании во второй половине XIX – начале XX вв. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 3. С. 67–84.
12. Сидорина Т. Ю. Два века социальной политики. М.: РГГУ, 2005. 441 с.
13. Шрейбер В. К. Личность и общество в английском утилитаризме (И. Бентам, Д. С. Милль): дис. ... канд. филос. наук. М., 1975. 171 с.
14. Bonar J. *Malthus and his work*. London: Macmillan, 1885. 452 p.
15. Dicey A. V. *Lectures on the Relation Between Law and Public Opinion in England During the nineteenth century*. London: Macmillan, 1962. 506 p.
16. Nichols G. *A history of the English poor law, in connexion with the legislation and other circumstances affecting the condition of the people: in 2 vv.* London: J. Murray, 1854. Vol. 2. 467 p.
17. Report of the Departmental Committee on Vagrancy. London: H.M.S.O., 1906. Vol. 1. 136 p.
18. The economic history of Britain since 1700: in 3 vv. Vol. 1: 1700–1860. R. Floud, D. McCloskey (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 484 p.
19. The Poor Law Report of 1834 / edited with an introduction by S. G. and E. O. A. Checkland. London: Penguin Books, 1974. 518 p.

References

1. Abramov R. A., Pashentsev D. A. Osnovnye napravleniya vliyaniya sovremennyh tehnologij na razvitiye prava // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2024. № 1 (53). S. 7–13.
2. Aleksandrova A. V. Kontseptualnye osnovy pensionnogo zakonodatelstva (opyt Velikobritanii, Frantsii i Rossii). M.: Rusajns, 2022. 288 s.
3. Barlova Yu. E. Anglijskoe zakonodatelstvo o bednyh v XVIII – pervoj polovine XIX veka // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2010. № 3. S. 27–31.
4. Bentam I. Vvedenie v osnovaniya nравствennosti i zakonodatelstva. M.: Rossppen, 1998. 415 s.
5. Bentam I. Osnovnye nachala grazhdanskogo kodeksa // Izbrannye sochineniya Ieremii Bentama / Per. A. N. Pypina i A. N. Nevedomskogo. SPb.: Rus. knizh. torgovlya, 1867. T. 1. 678 s.
6. Gagen V. A. Zapadnoevropejskij bednyak. Varshava: Tipogr. Varshavskogo uchebnogo okruga, 1912. 736 s.
7. Istoriya politicheskikh i pravovyh uchenij / pod red. V. P. Malahova, N. V. Mikhajlovoj. M.: YUNITI-DANA, 2010. 471 s.

8. Kuznetsov V. N., Meerovskij B. V., Gryaznov A. F. Zapadnoevropejskaya filosofiya XVIII veka. M.: Vysshaya shkola, 1986. 398 s.
9. Ostrouh A. N. «Genij burzhuaznoj tuposti»: ob izuchenii pravovogo ucheniya Bentama v sovetskoj yuridicheskoy nauke // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAS. 2020. T. 15. № 5. S. 31–51.
10. Ostrouh A. N. Uchenie Bentama o prave: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2002. 240 s.
11. Podolskij V. A. Predposylki formirovaniya sotsialnogo gosudarstva v Velikobritanii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. // Lokus: lyudi, obshchestvo, kultury, smysly. 2021. T. 12. № 3. S. 67–84.
12. Sidorina T. Yu. Dva veka sotsialnoj politiki. M.: RGGU, 2005. 441 s.
13. Shrejber V. K. Lichnost i obshhestvo v anglijskom utilitarizme (I. Bentam, D. S. Mill): dis. ... kand. filos. nauk. M., 1975. 171 s.
14. Bonar J. Malthus and his work. London: Macmillan, 1885. 452 p.
15. Dicey A. V. Lectures on the Relation Between Law and Public Opinion in England: During the nineteenth century. London: Macmillan, 1962. 506 p.
16. Nichols G. A history of the English poor law, in connexion with the legislation and other circumstances affecting the condition of the people: in 2 vv. London: J. Murray, 1854. Vol. 2. 467 p.
17. Report of the Departmental Committee on Vagrancy. Vol. 1. London: H.M.S.O., 1906. 136 p.
18. The economic history of Britain since 1700: in 3 vv. Vol. 1: 1700–1860. R. Floud, D. McCloskey (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 484 p.
19. The Poor Law Report of 1834 / edited with an introduction by S. G. and E. O. A. Checkland. London: Penguin Books, 1974. 518 p.

Статья поступила в редакцию: 18.07.2025;
одобрена после рецензирования: 18.08.2025;
принята к публикации: 05.09.2025.

The article was submitted: 18.07.2025;
approved after reviewing: 18.08.2025;
accepted for publication: 05.09.2025.

УДК 348.01

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-460-23-28

Ю. Г. Бабаева

Московский городской университет управления
Правительства Москвы им. Ю. М. Лужкова,
Москва, Российская Федерация,
babaevayg@ks.mos.ru

ПРАВОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ

Аннотация. В статье рассматриваются основные позиции, представленные в отечественной историко-правовой литературе относительно взаимодействия церкви и государства в Российской империи в сфере права. На основе проведенного исследования выделены три главных направления: место православной церкви в государственном механизме; влияние церковных норм на развитие отраслей права; роль церкви в формировании правовой традиции. Подчеркивается, что православие выступало как часть государственного механизма, а его концептуальные установки влияли на развитие государственного, семейного, гражданского, уголовного и процессуального права в имперский период. Определяется роль православия в формировании ценностных оснований российской правовой традиции.

Ключевые слова: Российская империя; Русская православная церковь; государственно-церковные отношения; правовая традиция; отрасль права.

UDC 348.01

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-460-23-28

Yu. G. Babayeva

Yu. M. Luzhkov Moscow City University of Management
of the Moscow Government,
Moscow, Russian Federation,
babaevayg@ks.mos.ru

LEGAL INTERACTION BETWEEN THE STATE AND THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE RUSSIAN EMPIRE: DOCTRINAL APPROACHES

Abstract. The article examines the main positions presented in the Russian historical and legal literature regarding the interaction of church and state in the Russian Empire in the field of law. Based on the conducted research, three main directions are identified: the place of the Orthodox Church in the state mechanism; the influence of church norms

on the development of branches of law; the role of the church in the formation of legal tradition. It is emphasized that Orthodoxy acted as part of the state mechanism, and its conceptual attitudes influenced the development of state, family, civil, criminal, and procedural law during the imperial period. The role of Orthodoxy in the formation of the value foundations of the Russian legal tradition is determined.

Keywords: Russian Empire; Russian Orthodox Church; state-church relations; legal tradition; branch of law.

Введение

Российская Федерация является светским государством. В то же время взаимодействие государственной власти и Русской православной церкви имеет большое значение для социального, культурного, духовного развития страны, для противостояния современным глобальным угрозам. На повестке дня стоит задача, связанная с выработкой оптимальной модели такого взаимодействия, учитывающей как исторический опыт, так и многонациональный состав населения России. При этом важное значение имеют те правовые механизмы, с помощью которых будет решаться данная задача. В период Российской империи был накоплен богатый опыт государственно-церковного взаимодействия. Исследование этого опыта может оказаться полезным и сегодня. При этом стоит учитывать, что многие аспекты данной проблематики достаточно подробно изучены отечественными историками права. С другой стороны, доктринальные подходы ученых к историческому опыту взаимодействия государства и Русской православной церкви в имперский период требуют обобщения и систематизации.

Методы исследования

Взаимодействие государства и церкви исследуется с помощью законов диалектики, с применением общенаучных методов анализа и синтеза. Необходимость обращения к законодательству Российской империи определяет использование формально-юридического метода. Изучение исторического прошлого подразумевает использование историко-правового метода.

Основное исследование

Анализ отечественной научной литературы по различным аспектам взаимодействия государства и церкви в Российской империи позволяет выделить три блока проблем, интересующих современных ученых — историков права.

Первый блок можно условно охарактеризовать как государственно-правовой. Он связан с местом церкви в системе государственной власти, с правовыми основами взаимодействия государственных органов и церковных структур

в империи. Ученые, занимающиеся данной проблематикой, отмечают следующие основные факторы, повлиявшие на взаимодействие церкви и государства.

Во-первых, подавляющее большинство населения Российской империи, от представителей правящей династии до крестьян, исповедовали православие; иные вероисповедания занимали относительно небольшое место в религиозной структуре. Мусульманами (представителями второй по численности веры), по данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г., считали себя 14 миллионов человек, то есть примерно 10 % всего населения [6, с. 989]. Без учета таких регионов, как Польша, Финляндия, Средняя Азия и т. д., находящихся далеко от центра империи, доля православного населения в Центральной России и на Русском Севере составляла более 90 %.

Во-вторых, в результате реформ Петра I православная церковь была подчинена государству и поставлена под контроль Святейшего синода, который возглавлял назначаемый императором обер-прокурор. Это означало государственное финансирование церквей, монастырей, духовных учебных заведений; контроль над деятельностью церкви со стороны государства; принятие законодательных норм для регулирования отношений в сфере государственно-церковного взаимодействия.

В-третьих, в имперский период Русская православная церковь представляла собой развитую систему, обладавшую огромной сетью приходов, монастырей, школ, братств и т. д., а также «разветвленной системой управления, множеством всевозможных комиссий, комитетов и контор по различным направлениям церковной жизни: миссионерской, учебной, благотворительной, хозяйственной, статистической, церковно-археологической, причем как на уровне центрального управления, так и в епархиях» [8, с. 151].

В-четвертых, духовенство занимало особое место в обществе — оно являлось сословием, которое можно отнести к числу привилегированных. Об этом свидетельствовало наличие важных льгот: освобождение от воинской повинности, телесных наказаний, личных податей, поземельного сбора, городских повинностей и т. д.

В-пятых, церковь выполняла важные функции, которые были делегированы ей государством. Прежде всего, это относилось к сфере брачно-семейных отношений (заключение браков, условия разводов), а также записи актов гражданского состояния (учет населения). В этой области влияние церкви и ее установлений было почти безусловным.

Казалось бы, полученные церковью от государства привилегии в ответ на ее огосударствление укрепили позиции православия, поставленного под правовую защиту. В частности, был установлен законодательный запрет на переход православных в другие вероисповедания, а также некоторые иные ограничения. Но ученые, глубоко исследующие данную проблематику, полагают, что «огосударствление» православной церкви в XIX веке не укрепило, а ослабило ее позиции. «Союз православия и самодержавия обусловил связь революционно-демократического движения с распространением антицерковного, антирелигиозного движений» [8, с. 153]. Во второй половине XIX века наблюдалось постепенное ослабление влияния православия на духовно-нравственное состояние российского

общества [7], что можно оценить как негативную для государства тенденцию. Поэтому все выступления, направленные против самодержавия, были одновременно и против церкви, что проявилось в ходе революционных событий 1905–1907 и 1917 гг.

Второй блок проблем, относящихся к государственно-церковной проблематике, связан с понятием церковного права и его места в правовой системе Российской империи. Наиболее подробно данный вопрос рассмотрен в работах А. А. Дорской. В его рамках можно выделить три подвопроса: соотношение церковного и канонического права; взаимодействие церковного и светского права; влияние церковных норм на развитие отраслей права. Отвечая на данные вопросы, А. А. Дорская предлагает различать церковное и каноническое право и формулирует собственное определение церковного права как совокупности установленных и защищаемых государством норм, «определяющих структуру и деятельность Церкви» [1, с. 20]. В то же время исследовательница полагает, что «церковное право РПЦ регулировало жизнь не только духовенства и православных верующих, но в силу государственного положения православия — жизнь и деятельность абсолютно всех слоев российского населения» [2, с. 246]. Отсюда делается вывод, что церковное право можно рассматривать как отрасль права в системе права Российской империи, со своими предметом и методом регулирования.

Вопросам взаимодействия церковного и светского права, проявлявшегося во влиянии первого на развитие отраслей права в Российской империи, посвящена отдельная монография А. А. Дорской. На основе тщательного анализа автор убедительно показывает, что нормы церковного права влияли на уголовное, гражданское (в части регулирования имущественных отношений), семейное и процессуальное право. Подчеркивается взаимовлияние государственного и церковного права. Влияние церковного права проявлялось в роли вероисповедания при определении правового статуса подданных Российской империи. Государственное право повлияло на право церковное в таких аспектах, как приведение церковных норм и правил в соответствие со Сводом законов Российской империи, защита церкви от противоправных посягательств уголовно-правовыми средствами [1, с. 131]. Конкретизируя эти положения применительно к полицейскому праву, А. А. Дорская отмечает, что церковь играла важную роль в увеличении общественного благосостояния в Российской империи и потому находилась под защитой наравне с такими субъектами, как государство и общество. «В связи с этим в функции полиции входила охрана церковных канонов и правил различных конфессий, получивших государственную поддержку. Полицейское право помогало реализации норм церковного права в таких сферах, как отправление богослужения, общественное признание, благотворительность и образование» [3, с. 183].

Третий блок — роль церковного права в формировании отечественной правовой традиции. В научной литературе сформированы различные подходы к пониманию правовой традиции, которая рассматривается и в узком, и в широком смысле. При этом не вызывает сомнений, что правовая традиция имеет ценностное содержание, которое в Российской империи во многом определялось православной

верой и церковью как ее носителем [4, с. 142]. Как отмечает Д. А. Пашенцев, «правовая традиция — это исторически сложившаяся и развивающаяся совокупность принципов построения правовой системы, которая выражается в нормах, правовых обычаях, понятиях, ценностях и представлениях» [5, с. 169]. Автор отмечает особую роль религии в формировании правовой традиции, так как именно религия в течение тысячелетий оказывала воздействие на мировоззрение и поведение человека, создавая мотивацию для его поступков, в том числе и в правовой среде. Роль религии в развитии и сакрализации права невозможно переоценить. Без учета религиозного фактора понять правовую традицию невозможно.

Что касается православия и его влияния на российскую правовую традицию, по мнению Д. А. Пашенцева, «воздействие идеалов православия на национальное правосознание сформировало такую его черту, как этикоцентричность, превалирование этических начал над правовыми» [5, с. 172]. После того как в имперский период православная церковь стала частью государственного аппарата, ее влияние на правовую традицию стало непосредственным. Речь идет о том воздействии, которое религиозные нормы оказывали на нормы правовые, что наиболее ярко проявлялось в отношении семейного и отчасти уголовного права, а также и иных отраслей, о чем было сказано выше.

В целом роль православия проявилась в нравственном наполнении российской правовой традиции, это происходило как в доимперскую, так и в имперскую эпоху. Нравственные идеалы, присутствовавшие в правовых нормах дореволюционной России, формировались именно под влиянием церкви, под воздействием религиозных норм и установок. Прямое внедрение целого ряда церковных норм и правил в Свод законов Российской империи, наиболее отчетливо проявившееся в брачно-семейном праве, определило многие его черты. И неслучайно после принятия Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви первым кодексом, принятым советской властью, стал именно Кодекс законов о записи актов гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. Отказ от церковных норм привел к настоящей революции в сфере регулирования брачно-семейных отношений.

Результаты исследования

Вопросы взаимодействия государства и Русской православной церкви в период Российской империи привлекают внимание ученых — историков права, которые активно изучают вопрос, какое место церковь занимала в механизме государственной власти; какие функции государство делегировало церкви. Особое внимание исследователи обращают на роль церковных норм в развитии отраслей российского права и формировании отечественной правовой традиции. Отдельные аспекты данной проблематики достаточно подробно разработаны отечественными правоведами. Показана значительная роль православия в становлении и развитии российского дореволюционного законодательства

и практики его применения. Тем самым создана серьезная основа для подготовки обобщающих трудов, в которых предстоит комплексно осмыслить историю государственно-церковного взаимодействия как фактор развития отечественной правовой системы, выявить те особенности, которые сохраняют свое значение и сегодня, несмотря на светский характер российской государственности.

Список источников

1. Дорская А. А. Влияние церковно-правовых норм на развитие отраслей российского права. СПб.: Астерион, 2007. 158 с.
2. Дорская А. А. Место церковного права в системе права Российской империи // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2006. № 4 (267). С. 237–248.
3. Дорская А. А. Соотношение полицейского (административного) и церковного права в Российской империи // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 72. С. 175–184.
4. Пашенцев Д. А. Российские правовые традиции в социальной сфере (историко-правовой аспект) // Вестник СПбГУ. Право. 2018. Т. 9. Вып. 2. С. 139–156.
5. Пашенцев Д. А. Роль религии в формировании российской правовой традиции // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2010. № 6 (293). С. 168–173.
6. Редкозубов А. Д. Ислам в Российской империи // Гуманитарное пространство. 2015. Т. 4. № 5. С. 987–993.
7. Семашко А. Г. Секулярная Русская православная церковь XIX века (историко-правовой аспект). М.: РГСУ, 2009. 188 с.
8. Семашко А. Г. Синодальный XIX век в истории отношений государства и РПЦ // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 2. С. 150–154.

References

1. Dorskaya A. A. Vliyanie tserkovno-pravovyh norm na razvitiye otrraslej rossijskogo prava. SPb.: Asterion, 2007. 158 s.
2. Dorskaya A. A. Mesto tserkovnogo prava v sisteme prava Rossijskoj imperii // Izvestiya vysshix uchebnyh zavedenij. Pravovedenie. 2006. № 4 (267). S. 237–248.
3. Dorskaya A. A. Sootnoshenie politsejskogo (administrativnogo) i cerkovnogo prava v Rossijskoj imperii // Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena. 2008. № 72. S. 175–184.
4. Pashentsev D. A. Rossijskie pravovye traditsii v sotsialnoj sfere (istoriko-pravovoj aspekt) // Vestnik SPbGU. Pravo. 2018. T. 9. Vyp. 2. S. 139–156.
5. Pashentsev D. A. Rol religii v formirovaniy rossijskoj pravovoj traditsii // Izvestiya vysshyyh uchebnyh zavedenij. Pravovedenie. 2010. № 6 (293). S. 168–173.
6. Redkozubov A.D. Islam v Rossijskoj imperii // Gumanitarnoe prostranstvo. 2015. T. 4. № 5. S. 987–993.
7. Semashko A. G. Sekulyarnaya Russkaya pravoslavnaya cerkov' XIX veka (istoriko-pravovoj aspekt). M.: RGSU, 2009. 188 s.
8. Semashko A. G. Sinodalnyj XIX vek v istorii otnoshenij gosudarstva i RPC // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2007. № 2. S. 150–154.

УДК 340

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-460-29-43

Ю. В. Зудов

Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА),
Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН,
Москва, Российская Федерация,
yury.zudov@mail.ru

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ РИТОРИКА КАК СРЕДСТВО АДАПТАЦИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ К НОВОЙ ПОЛИТИКЕ В СФЕРЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО- РЕЛИГИОЗНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СССР (1940–1970-е гг.)

Аннотация. В статье рассматривается один из компонентов процесса формирования правосознания и институциональной адаптации Русской православной церкви к советской политико-правовой системе эпохи позднего сталинизма и последующих десятилетий. Исследуется формирование одного из аспектов когнитивной рамки РПЦ как института, отраженного в трансформации языка официальных церковных публикаций и публичной риторике на общественно-политические и правовые темы. В статье проанализированы механизмы взаимодействия церкви и государства в ситуации правовой неопределенности и дефицита информации о регулировании государственно-религиозных отношений.

Делается вывод, что патриотическая риторика являлась инструментом самозащиты и адаптации РПЦ как возрождаемого в период зрелого сталинизма института.

Ключевые слова: государственно-религиозные отношения в СССР; советское право; история правового регулирования; Русская православная церковь; неформальные правила и практики.

UDC 340

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-460-29-43

Yu. V. Zudov

Kutafin Moscow State Law University,
Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation,
yury.zudov@mail.ru

PATRIOTIC DISCOURSE AS AN ADAPTIVE MECHANISM: THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH WITHIN SOVIET LEGAL FRAMEWORKS GOVERNING STATE-RELIGIOUS RELATIONS (1940s – 1970s)

Abstract. The article examines one of the components of the process of forming the legal consciousness and institutional adaptation of the Russian Orthodox Church to the Soviet political and legal system of the late Stalinist era and subsequent decades. The article examines the formation of one of the aspects of the intellectual framework of the Russian Orthodox Church as an institution, reflected in the transformation of the language of official church publications and public rhetoric on socio-political and legal topics. The article analyzes the mechanisms of interaction between church and state in a situation of legal uncertainty and lack of information on the regulation of state-religious relations.

It is concluded that patriotic rhetoric was an instrument of self-defense and adaptation of the Russian Orthodox Church as an institution revived during the period of mature Stalinism.

Keywords: state-religious relations in the USSR; Soviet law; history of legal regulation; Russian Orthodox Church; informal rules and practices.

Введение

Российские и зарубежные историки права отмечают, что специфика советской правовой системы состояла в ее прерогативном характере, под которым обычно понимается исключительное право государственных органов или должностных лиц действовать по своему усмотрению, не ограничиваясь рамками законодательства [28; 34].

Так, ст. 124 сталинской Конституции 1936 г.¹ официально провозглашала свободу совести и свободу отправления религиозных культов. Однако реальное правовое регулирование вопросов религии осуществлялось путем издания различных секретных приказов и инструкций, которые не были известны верующим, но при этом самым существенным образом влияли на рамки дозволенного для религиозных организаций.

Возникает закономерный вопрос: каким образом такое положение дел влияло на правосознание высшей иерархии Русской православной церкви,

¹ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.). М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1937.

а также рядового духовенства и мирян? Для ответа необходимо, прежде всего, обратиться к изучению официального церковного языка.

Особенностью публичной риторики РПЦ в 1940–1970-е гг. было провозглашение лояльности советской власти и обилие патриотических высказываний. Конечно, официальные похвалы православных иерархов советским вождям могут представляться дипломатической хитростью, позволяющей институту церкви выжить, но такое объяснение оставляет за скобками субъектность РПЦ как самостоятельного актора в специфической советской модели взаимодействия двух важнейших социальных институтов — государства и церкви.

Предметом изучения данного исследования является формирование одного из аспектов мыслительной, когнитивной рамки РПЦ как института, отраженного в трансформации языка официальных церковных публикаций и публичной риторики на общественно-политические и правовые темы.

Цель работы — анализ механизмов взаимодействия Русской православной церкви и государства в ситуации правовой неопределенности и дефицита информации о регулировании государственно-религиозных отношений в 1940–1970-е гг.

Для этого необходимо сформулировать особенности государственного дискурса по вопросу соблюдения прав верующих в СССР; осветить представленность этих сюжетов в церковных периодических изданиях и официальных выступлениях иерархов; сделать выводы, как понимание своих прав (или отсутствие такового) влияло на мыслительную рамку церкви как института, на правосознание его членов.

Методы исследования

Исследование будет опираться на новый методологический подход, названный нами *историко-правовым неоинституционализмом*, который базируется на неоинституциональной теории Дугласа Норта (Douglass North, 1920–2015), институциональной теории права и антропологической версии институционального анализа Мэри Дуглас (Mary Douglas, 1921–2007). Кроме того, для прояснения роли церковного патриотического дискурса как части процесса неформальных институциональных взаимодействий мы будем использовать элементы методологии кембриджской школы интеллектуальной истории и акторно-ориентированного анализа².

Хронологические рамки охватывают период 1940–1970-х гг. Последнее советское десятилетие в силу его специфики (в том числе начало перестройки,

² Акторно-ориентированный анализ основывается на акторно-сетевой теории, в рамках которой социальные процессы рассматриваются не только как результаты человеческих действий, но и как взаимодействие различных акторов (людей, организаций, технологий и пр.). Теория показывает, как эти акторы объединяются в сети, формируя и преобразуя социальную реальность [12].

празднование 1000-летия крещения Руси и т. д.) требует отдельного исследования.

В качестве основного источника будут взяты публикации единственного официального периодического издания РПЦ в тот период — «Журнала Московской патриархии» (ЖМП), проанализированные в интересующем нас аспекте.

Журнал, переучрежденный в 1943 г. и ставший одним из символов нового этапа государственно-религиозных отношений, формировал новые правила официального церковного языка, официальный образ церкви, задавал рамки, в которых РПЦ могла позиционировать себя как часть советского общества. Следует оговориться, что выпуск журнала осуществлялся в условиях жесткой государственной цензуры.

Гипотеза исследования состоит в том, что, с одной стороны, государство при осуществлении религиозной политики использовало правовую риторику, декларируя обеспечение религиозных свобод в соответствии со сталинской конституцией (прежде всего при реализации внешнеполитических инициатив). С другой стороны, в ситуации тотальной засекреченности законодательства о культурах (особенно в сталинские и хрущевские годы) церковь как институт была слабо информирована в отношении правовых вопросов, а следовательно, не могла полноценно доводить их и до церковной общественности. Поэтому, не имея возможности продемонстрировать поддержку государственной политики через соблюдение законодательства или опереться на нормативные акты для отстаивания своих прав, она взамен обращалась к патриотической риторике и таким образом не просто подтверждала свою лояльность, но и стремилась расширить границы дозволенного ей государством.

Степень научной разработанности темы

Количество работ, посвященных правовому регулированию государственно-религиозных отношений в СССР в целом, в настоящее время достаточно велико [3; 4; 7; 13; 17; 19; 20; 23; 24]. Все они едины в констатации активной патриотической позиции РПЦ в годы Великой Отечественной войны и считают этот факт одной из причин смены вектора государственной политики в 1943 г. При этом, по мнению Питера Дункана, и советское государство, и РПЦ нередко вкладывали в понятие «патриотизм» и долю националистического дискурса [26].

Очевидно, можно согласиться с Роджером Ризом, который полагает, что руководство РПЦ осознанно стремилось использовать ситуацию для возвращения значимости церкви в жизни общества и укрепления ее легитимности [32].

Отметим, что часть выполненных в классическом нарративном ключе работ почти целиком посвящены пересказу обнаруженных архивных документов. По замечанию Николая Митрохина*, в таких работах сохранились черты «советского наследия — писать только о том, что было прочитано в документах,

* — внесен Минюстом России в реестр иностранных агентов.

найденных желательно в надежных государственных архивах» [14, с. 505–506]. Этим они существенно отличаются от принятых в научном сообществе современных подходов, для которых характерно изложение идей в проблемном ключе, что позволяет ставить и решать вопросы концептуального плана, не ограничиваясь лишь описательными рамками.

Политический язык как явление рассматривает в своих работах О. Хархордин, поясняющий важность культурного и языкового контекстов для понимания различий в политической мысли разных стран [21], Т. Атнашев и М. Велижев, которые предлагают аналитическую оптику кембриджской школы интеллектуальной истории для описания истории русских общественно-политических языков [2].

Что касается попытки рассматривать специфику языка религиозных институтов и его влияния на мышление верующих, И. Давыдов и И. Фадеев используют в этих целях идеи Мэри Дуглас. Церкви «мыслят сакрализованными мифами», излагая их языком догматических формул для «высокостатусных посвященных», а «массе» (периферии мыслящего сообщества) — на понятном для нее языке обрядов. Таким образом формируется общая идентичность верующих [5, с. 228–229]. Эта важная работа тем не менее касается именно внутрицерковного дискурса и языка, но не обращается к особенностям политической риторики РПЦ как средства адаптации церкви к системе правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР.

Ограничением большинства известных работ по рассматриваемой тематике можно назвать, с одной стороны, акцент на изучении формальных правил и рассекреченной части документов архива Совета по делам религий (в ущерб неформальным правилам и практикам государственно-церковного взаимодействия)³, а с другой стороны, недостаточно разработанную институциональную составляющую этих правоотношений. Кроме того, не анализируется роль официального языка РПЦ в процессе кооптации церковью советской системы правового регулирования сферы религии.

Методы исследования

При изучении вопросов, связанных с правовым регулированием государственно-религиозных отношений в СССР, во-первых, важно рассматривать его комплексно, прежде всего пытаясь выявить реальные, не записанные на бумаге механизмы институциональных взаимодействий. Во-вторых, следует исходить

³ *Формальные правила* представляют собой официально закрепленные или зафиксированные правила, процедуры и нормы, которые создаются, распространяются и соблюдаются с помощью каналов, признаваемых официальными (избирательные системы, конституции, законы, договоры, уставы партий, правила и контракты и пр.). В противоположность им неформальные правила — это принятые в обществе, обычно неписанные правила, которые создаются, становятся известными и насаждаются вне официально санкционированных каналов. Разделение правил регулирования на формальные и неформальные характерно для институциональной и неинституциональной методологии. См. об этом: [22, с. 9–11].

из того, что Русская православная церковь также была полноценным субъектом этих взаимоотношений.

Этим задачам отвечает использование в исследованиях истории правового регулирования отношений советского государства и РПЦ институционального и неоинституционального подходов [22].

При изучении официальных текстов также представляется необходимым опереться на подходы кембриджской школы интеллектуальной истории, которая предлагает рассматривать религиозные институты и их политический язык как инструменты воздействия авторов на аудиторию в рамках общего конвенционального поля⁴.

Кроме того, в рамках обсуждения вопросов влияния политического языка на формирование институтов важно учитывать положения работ Мэри Дуглас⁵. Она, в частности, обращается к понятию «коллективных представлений», или, иначе, «мыслительного коллектива» и его «стиля мышления», которые направляют восприятие и создают запас знаний [8, с. 68].

Для нас важно, что институты фиксируют идентичность (индивидуальную и групповую) своих членов, обеспечивают их мышление категориями, «закрепляют социальную систему взглядов путем сакрализации принципов справедливости» [8, с. 207]. В итоге важные решения принимаются индивидами исключительно в рамках созданных ими институтов [8, с. 229].

Применение метода акторно-ориентированного анализа поможет нам ответить на вопрос, как используемый язык может выступать средством адаптации политического актора (в нашем случае речь идет о патриотической риторике РПЦ в 1940–1970-е гг.) к государственной системе в условиях дефицита (правовой) информации, запуская процесс институциональных изменений.

В исследованиях, посвященных изучению структурных факторов в возникновении и доминировании неформальных институтов (неформальных регуляторов общественных отношений), отмечается, что политическая система находится в равновесном состоянии до тех пор, пока экзогенные причины не приведут к институциональным изменениям [25].

Дуглас Норт говорит о том, что пересмотр «правил игры» («условий контракта») невозможен без изменения набора правил более высокого порядка [15, с. 112]. При этом, утверждает Владимир Гельман, рациональность действий политических акторов зависит от полноты имеющейся у них информации, их возможностей предсказать последствия институционального строительства [27, с. 1026–1027].

⁴ См., например, работы Квентина Скиннера [33], Джона Покока [31] и др. В этой парадигме анализируются: общий язык, определяющий границы высказываний и ограничивающий круг тем; речь самих акторов; наконец, контекст политической коммуникации в конкретный исторический период. «Описав структуру публичной сферы и локализовав в ней конкретное высказывание, мы сможем лучше представить себе смысл осуществляемого им политического действия» [2, с. 121–123].

⁵ На работы Мэри Дуглас «чаще ссылаются, чем опираются» (см. послесловие русского переводчика: [8, с. 231]).

В ситуации неопределенности возникает дефицит информации, и это может приводить к нерациональным действиям. Политические акторы нуждаются в фильтре для сортировки информации. Этим фильтром выступает идеология, понимаемая не как набор политических доктрин, а как когнитивная схема восприятия («ментальная модель») [27, с. 1027]. Таким образом, В. Гельман объясняет цикл институциональных изменений как результат взаимодействия интересов, идеологий и дефицита информации [27, с. 1027].

В этом ключе мы и рассмотрим Русскую православную церковь как субъект государственно-религиозных отношений, имеющий свои интересы, оперирующий определенной «ментальной моделью» и существующий в условиях дефицита правовой информации.

Непубличность правового регулирования вопросов религии в СССР

Процесс нормотворчества в СССР имел выраженные особенности, которые не ускользали от внимания зарубежных исследователей. Юджин Хаски в 1990 г. отмечал, что советская нормотворческая деятельность «примечательна своим масштабом, секретностью и нежеланием соблюдать основные принципы рациональности — такие, как иерархия и дифференциация» [29, с. 419].

Политика информационной закрытости «была нацелена на установление тотального контроля над информационным полем, что должно было обеспечиваться избыточной секретностью, цензурой и жестким контролем над распространением информации» [18, с. 125–126].

Секретность правотворчества искажала правовые отношения как между гражданином и государством, так и внутри самого государства, а также способствовала расширению дискреционных полномочий представителей власти. Правовое регулирование вопросов религии не являлось исключением. Большинство правовых актов, инструкций и т. п. носили секретный характер и не были известны общественности.

Откуда советский верующий человек мог узнать нюансы законодательства о религии? Пожалуй, единственным источником для него являлась Конституция СССР с ее декларативными нормами о религиозной свободе.

Помимо этого, отдельные редкие упоминания правового статуса религиозных объединений присутствовали в многочисленной атеистической литературе (пропагандистского характера), доступ же к конкретным правовым актам для большинства граждан был закрыт. Увидевшая свет в 1971 г. брошюра под редакцией председателя Совета по делам религий В. А. Куроедова [9] имела ограничительную пометку «для служебного пользования» и не была доступна обычным гражданам.

Нужно отметить, что степень готовности советского государства рассекретить законодательство о религии различалась в зависимости от колебаний

государственной политики в этой сфере. Обращает на себя внимание обилие правовых актов, инструкций и разъяснений о религии и церкви, изданных Советским государством до 1929 г. Этот «поток юридического творчества» полностью иссяк после выхода постановления ВЦИК и Совнаркома «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. [1, с. 25–26].

После 1943 г., когда советская власть шла навстречу многим пожеланиям церкви и даже предупреждала некоторые из них (например, касающиеся материального положения РПЦ), вопросы доступности нормативно-правовой базы в сфере государственно-религиозных отношений для заинтересованной стороны (церковных иерархов и обычных верующих), практически не поднимались. Впрочем, и после ужесточения религиозной политики в эпоху Н. Хрущева в публичных конфликтах РПЦ и верующие не могли опираться на какие-либо правовые акты, кроме самой Конституции.

В брежневский период ситуация несколько изменилась (хотя и не кардинально). Если не сами правовые акты, то хотя бы трактовка советского законодательства была представлена в нескольких книгах Куроедова [11], а также в различной антирелигиозной литературе, которая была призвана очистить от «буржуазной клеветы» государственную политику в этой сфере.

Священнослужители РПЦ с точки зрения информированности о законодательстве находились в чуть лучшем положении. В духовных школах подробно изучали Конституцию СССР в целях «усиления воспитательной работы в духе советского патриотизма, уважения к советским законам, высокой гражданственности»⁶.

Но полноценного представления о нормативно-правовой базе, регулирующей деятельность церкви, не имело даже высшее церковное руководство. Пояснения по отдельным аспектам законодательства давались духовенству через совет. Так, первый председатель совета Г. Г. Карповставил патриарха Сергея (Страгородского) в известность о постановлении Совнаркома, определявшего порядок открытия церквей [16, с. 646].

Епархиальное духовенство, в свою очередь, информировали региональные уполномоченные совета. Именно в ходе личных коммуникаций с представителями власти духовенство и активные члены православных общин формировали свое понимание советского законодательства о религии.

В результате церковные наблюдатели констатировали, что источником церковного права становилось «советское законодательство о религиозных культурах в истолковании уполномоченных» [1, с. 62].

При этом на «внешнем контуре» государство активно убеждало международную общественность в наличии в СССР религиозной свободы теми же ссылками на положения конституции, заявляло о свободе религии и отсутствии

⁶ Отчет уполномоченного Совета по делам религий по Московской области А. А. Трушина от 21 сентября 1972 г. № 21/134 «О состоянии контроля за деятельностью духовных учебных заведений в РПЦ» // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 474. Л. 52–55.

преследований верующих в СССР, а в качестве орудия пропаганды использовало в первую очередь самих представителей РПЦ.

Таким образом, для советской власти было важно декларировать соблюдение конституционного принципа религиозной свободы на внешнюю аудиторию. При этом аудитория внутренняя (в полном соответствии с общими установками советского законотворчества) не рассматривалась властями как адресат: никто, включая самих представителей РПЦ, не знал всего массива правовых актов в этой сфере.

Официальный язык «советской» церкви

Формат советской церковной прессы не предполагал возможности обсуждения ни насущных внутрицерковных проблем, ни даже малейшего выражения несогласия с политическим режимом. Но тем не менее в ЖМП публиковались решения Священного синода РПЦ (хотя о причинах принятия тех или иных управленческих решений, конечно же, не сообщалось), поэтому можно было бы ожидать, что официальный церковный журнал будет информировать верующих и об отдельных элементах советского права. В какой же мере в нем освещались вопросы законодательства в сфере государственно-религиозных отношений?

Обязательный раздел «Официальная часть» в начале каждого номера ЖМП был явно адресован представителям власти и цензорам. Государственно-религиозные отношения в СССР в нем всегда характеризовались наивысшими эпитетами.

Журнал постоянно подчеркивал соблюдение прав человека, уникальную религиозную свободу в СССР и отсутствие гонений на верующих. «Нет во всем мире более благоприятных условий для расцвета деятельности церкви, чем в Советской стране», — писал в 1949 г. священник М. Зернов. По его словам, советское государство, «ничего не требуя от церкви», демонстрирует «полное невмешательство» в ее внутреннюю жизнь, окружает церковь вниманием и заботой, в том числе с точки зрения восполнения материальных нужд⁷.

Во множестве публикаций присутствуют дифирамбы в адрес всего советского; отмечается, как гражданам СССР повезло дожить до гарантированных государством прав и свобод. В публикациях, связанных с праздником 8 Марта, подчеркивается, что советская конституция подняла «авторитет русской женщины на один уровень с мужчиной»⁸.

Акцент на конституционных нормах, полагают В. Дегоев и В. Эйриян, был связан с желанием подчеркнуть признание авторитета советской власти

⁷ Журнал Московской патриархии. 1946. № 1. С. 30–31.

⁸ Колоколов М. О русской женщине // Журнал Московской патриархии. 1946. № 3. С. 32–34.

[6, с. 40]. Но, учитывая, что тираж ЖМП распространялся и за границей, можно предположить, что эти статьи также были ориентированы на иностранных читателей.

По сути, аналогичными пассажами и ограничивался круг правовых вопросов, которые освещались на страницах ЖМП. Зная специфику правового регулирования в СССР (его секретность), мы можем понять, почему других сведений о законодательстве в сфере религии в журнале быть не могло. Кроме того, рискнем предположить, что многие верующие, лишенные доступа к документам советской власти по вопросам государственно-религиозных отношений, могли искренне полагать, что ст. 124 Конституции СССР, формально имеющая прямое действие, подтверждает тезис государственной пропаганды о религиозной свободе в Советском Союзе (хотя она и нарушается на практике государственными органами), а значит, имеются основания отстаивать перед властями этот конституционный принцип.

Что касается особого «патриотического языка» церковных публикаций, общим местом в них в первые послевоенные годы стало утверждение, что «любой христианин по умолчанию является патриотом, чья задача — внести свой вклад в построение счастливого будущего и создание общего блага» [6, с. 35–36].

Отдельной сквозной темой публикаций ЖМП в сталинский период, конечно же, являлся образ самого «Вождя, Учителя и Друга трудящихся»⁹. Зарубежные исследователи, комментируя беспрецедентные похвалы «богоподобной» фигуры Сталина на страницах журнала, отмечают, что ни один другой коммунистический лидер не привлекал такого внимания РПЦ [30].

Верность курсу советского правительства демонстрировалась и через со-лидаризование с «глубоко честной» внешней политикой СССР, которая противостояла «приспешникам США, реваншистам и аденауэрам», которые «опьяняли от жажды крови и захлебываются от злобы»¹⁰.

Этим РПЦ вносила свой вклад в формирование общего советского мифа, который конструировался коммунистической идеологией [10, с. 136].

Таким образом, рассматривая официальный язык РПЦ, нашедший свое отражение в церковной периодике и выступлениях иерархов в 1940–1970-е гг., через оптику институционального анализа, мы можем предположить, что широкое использование патриотических нарративов выполняло функцию адаптации церкви к ситуации правовой неопределенности. Этот используемый церковным руководством язык становился в некотором смысле частью церковной традиции и транслировался на уровень рядового духовенства и верующих, которые усваивали его основные конструкции и смыслы.

⁹ Приветственный адрес от духовенства и мирян Русской Православной Церкви Вождю народов СССР Генералиссимусу И. В. Сталину в день его семидесятилетия // ЖМП. 1949. № 12. С. 5–11.

¹⁰ Лука (Войно-Ясенецкий). Размышление о правде и лжи (К первой сессии Всемирного Совета мира) // ЖМП. 1951. № 5. С. 8–11.

Результаты исследования

Процесс конструирования элементов когнитивной рамки, общих подходов, отражающих собственное «мышление» института РПЦ, и встраивания этого института в советскую политico-правовую систему в период зрелого сталинизма и последующие десятилетия, отразился в языке официальных церковных документов и публичной риторики в 1940–1970-е гг. Для официального языка церкви этих эпох характерен феномен умолчания в сфере правовых вопросов и нарастающий вал патриотической риторики.

Причинами этих явлений являлись: доминирование прерогативного права, специфическая культура секретности и значительный дефицит информации о правовом регулировании государственно-религиозных отношений. Принимая правила игры, РПЦ стремилась уменьшить неопределенность (и, как следствие, сложности с предсказанием последствий тех или иных действий государства), чтобы снизить возможные политические риски, сочетая реальную патриотическую деятельность с кооптацией соответствующих нарративов в церковный коммуникативный дискурс.

Штампы и когнитивные конструкты советской идеологии постепенно усваивали и представители духовенства, и миряне, а церковь таким образом становилась частью системы государственной идеологической политики, обеспечивая фундамент для легитимизации образа советской власти и формирования национальной идентичности верующих наряду с церковной.

РПЦ в качестве политического актора и субъекта государственно-религиозных отношений решала одновременно две задачи: с одной стороны, подтверждала лояльность государственной власти, а с другой — пыталась через адаптацию к советской правовой системе расширить границы дозволенного в условиях новой правовой и социальной реальности. Это не могло не отразиться на особенностях правосознания церкви, соединившей религиозную идентичность с послушанием государственной власти.

В результате именно эти факторы — дефицит информации о своем правовом статусе и призванный его отчасти нивелировать патриотический дискурс, а также осознание необходимости защиты своих интересов и прав — создавали в рамках сложной системы государственно-религиозного взаимодействия новые неформальные институты («правила игры»), которые, помимо прочих обстоятельств, в итоге способствовали фактической подмене формальных правил неформальными договоренностями и специфическими практиками. Эти правила и практики не только действовали на протяжении всего советского периода, но и были позже во многом унаследованы Российской Федерацией.

Список источников

1. Адельгейм П. Своими глазами. Повесть в трех частях. М.: Крестовоздвиженское малое православное братство, 2010. 312 с.

2. Атнашев Т. М., Велижев М. Б. История политических языков в России: к методологии исследовательской программы // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 2. № 3. С. 107–137.
3. Беглов А. Л. В поисках «безгрешных катакомб»: церковное подполье в СССР. М.: Россспэн, 2018. 350 с.
4. Васильева О. Ю. Русская православная церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2001. 214 с.
5. Давыдов И. П., Фадеев И. А. Как мыслят церковные институты: механизмы формирования этноконфессиональной идентичности // Диалог со временем. 2024. Вып. 89. С. 220–231.
6. Дегоев В. В., Эйриян В. А. «Мы будем оправдывать доверие Правительства»: участие РПЦ в советских идеологических кампаниях в 1945–1953 гг. // Россия XXI. 2024. № 2. С. 32–53.
7. Дорская А. А. Влияние церковно-правовых норм на развитие отраслей российского права. СПб.: Астерион, 2007. 158 с.
8. Дуглас М. Как мыслят институты / пер. с англ. А. Корбута. М.: Элементарные формы, 2010. 250 с.
9. Законодательство о религиозных культурах: сб. материалов и документов / под ред.: В. А. Куроедова, А. С. Панкратова. М.: Юридическая литература, 1971. 335 с.
10. Кимерлинг А. С. Выполнять и лукавить. Политические кампании поздней сталинской эпохи. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 210 с.
11. Куроедов В. А. Религия и церковь в советском обществе. М.: Политиздат, 1984. 256 с.
12. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
13. Марченко А. Н. «Хрущевская церковная реформа»: очерки церковно-государственных отношений (1958–1964 гг.): по материалам архивов Уральского региона. Пермь: Ред.-изд. отдел Пермского гос. ун-та, 2007. 198 с.
14. Митрохин Н.* Болезнь под названием «фонд уполномоченного», или несколько страниц об актуальных проблемах изучения религиозности в СССР // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4 (30). С. 505–511.
15. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А. Н. Нестеренко. М.: Начала, 1997. 180 с.
16. Одинцов М. И. Крестный путь патриарха. Жизнь и церковное служение патриарха Московского и всея Руси Сергия (Страгородского). 1867–1944. М.: АФК «Система»; Политическая энциклопедия, 2022. 727 с.
17. Одинцов М. И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма, 1917–1953 гг. М.: РОССПЭН, 2014. 421 с.
18. Парамонов В. Н. Секретность в советском обществе в 1920–1940-х гг. // Вестник СамГУ. 2012. № 2/2 (93). С. 125–133.
19. Пашенцев Д. А. Роль религии в формировании российской правовой традиции // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2010. № 6 (293). С. 168–173.
20. Петюкова О. Н. Правовые формы отношений советского государства и Русской православной церкви в 1917–1945 годах. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 352 с.
21. Хархордин О. В. Основные понятия российской политики. М.: Новое лит. обозрение, 2011. 321 с.

22. Четвернин В. А., Яковлев А. В. Институциональная теория права. М.: ВШЭ, 2009. 25 с.
23. Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь и верующие. 1941–1961 гг. М.: АИРО-XX, 1999. 246 с.
24. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече, Лепта, 2010. 478 с.
25. Coleman J. A Rational Choice Perspective on Economic Sociology // The Handbook of Economic Sociology / ed. by N. Smelser and R. Swedberg. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1994. P. 166–180.
26. Duncan P. J. S. Orthodoxy and Russian Nationalism in the USSR, 1917–1988 // Church, Nation and State in Russia and Ukraine (Studies in Russia and East Europe) / ed. by Geoffrey A. Hosking. L.: Palgrave Macmillan, 1991. P. 312–332. DOI: 10.1007/978-1-349-21566-9_18
27. Gelman V. The unrule of law in the making: The politics of informal institution building in Russia // Europe – Asia Studies. 2004. Vol. 56. № 7. P. 1021–1040. DOI: 10.1080/1465342042000294347
28. Huskey E. A Framework for the Analysis of Soviet Law // The Russian Review. 1991. Vol. 50. No. 1. P. 53–70.
29. Huskey E. Government Rulemaking as a Brake on Perestroika // Law & Social Inquiry. 1990. Vol. 15. Issue 3. P. 419–432. DOI: 10.1111/j.1747-4469.1990.tb00377.x
30. Pawełczyk-Dura K. Powojenna metafora «bogostalina» w świetle «Żurnału Moskowskoj Patriarchii» // Studia Religiologica. 2014. T. 47. No. 1. S. 67–75. DOI: 10.4467/20844077SR.14.005.2378
31. Pocock J. G. A. On the Unglobality of Contexts: Cambridge Methods and the History of Political Thought // Global Intellectual History. 2019. Vol. 4. Issue 1. P. 1–14. DOI: 10.1080/23801883.2018.1523997
32. Reese R. The Russian Orthodox Church and "Patriotic" Support for the Stalinist Regime during the Great Patriotic War // War & Society. 2014. Vol. 33. Issue 2. P. 131–153. DOI: 10.1179/0729247314Z.00000000035
33. Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas // History and Theory. 1969. Vol. 8. No 1. P. 3–53.
34. Solomon P. H. Law in Public Administration: How Russia Differs // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2008. Vol. 24. Issue 1. P. 115–135.

References

1. Adelheim P. Svoimi glazami. Povest' v treh chastiah. M.: Krestovozdvizhenskoe maloe pravoslavnoe bratstvo, 2010. 312 s.
2. Atnashev T. M., Velizhev M. B. Iстория политических языков в России: к методологии исследовательской программы // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 2. № 3. P. 107–137.
3. Beglov A. L. V poiskah «bezgreshnyh katakomb»: tserkovnoe podpol'e v SSSR. Moscow: Rosspen, 2018. 350 s.
4. Vasil'eva O. Yu. Russkaya pravoslavnaya tserkov' v politike sovetskogo gosudarstva v 1943–1948 gg.. M., In-t ros. istorii RAN, 2001. 214 s.
5. Davydov I. P., Fadeev I. A. Kak myslyat tserkovnye instituty. Mekhanizmy formirovaniya etnokonfessional'noi identichnosti // Dialog so vremenem. 2024. Vyp. 89. S. 220–231.

6. Degoev V. V., Eiryan V. A. «My budem opravdyvat' doverie Pravitel'stva»: uchastie RPTs v sovetskyh ideologicheskikh kampaniiah v 1945–1953 gg. // Rossiiia XXI. 2024. № 2. S. 32–53.
7. Dorskaya A. A. Vliyanie tserkovno-pravovyh norm na razvitiye otrazheniya rossiiskogo prava. SPb.: Asterion, 2007. 158 s.
8. Douglas M. Kak myslyat instituti / per. s angl. A. Korbut. M.: Elementarnie formi, 2010. 250 s.
9. Zakonodatel'stvo o religioznyh kul'tah: sb. materialov i dokumentov / pod red. V. A. Kuroedova, A. S. Pankratova. M.: Yuridicheskaya literatura, 1971. 335 s.
10. Kimerling A. S. Vypolnyat' i lukavit': politicheskie kampanii pozdnestalinskoi epohi. M.: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2017. 210 s.
11. Kuroedov V. A. Religii i tserkov' v sovetskem obshchestve. M., Politizdat, 1984. 256 s.
12. Latour B. Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu. M.: Izd. dom Vysshej shkoly' ekonomiki, 2014. 384 s.
13. Marchenko A. N. «Khrushchevskaya tserkovnaya reforma»: ocherki tserkovno-gosudarstvennykh otnoshenii (1958–1964 gg.): po materialam arkhivov Ural'skogo regiona. Perm: Editorial and Publishing Department of Perm State University, 2007. 198 s.
14. Mitrokhin N.* Bolezn' pod nazvaniem «fond upolnomochennogo» ili neskol'ko stranits ob aktual'nyh problemah izucheniya religioznosti v SSSR // Gosudarstvo, religii, tserkov' v Rossii i za rubezhom. 2012. No. 3–4 (30). S. 505–511.
15. North D. Instituty, institutsional'nie izmeneniya i funktsionirovaniye ekonomiki / per. s angl. A. N. Nesterenko. M.: Nachala, 1997. 180 s.
16. Odintsov M. I. Krestnyi put' patriarkha. Zhizn' i tserkovnoe sluzhenie patriarkha Moskovskogo i vseia Rusi Sergiia (Stragorodskogo). 1867–1944. M.: AFK «Sistema»; Politicheskaya entsiklopediya, 2022. 727 s.
17. Odintsov M. I. Russkaya pravoslavnaya tserkov' nakanune i v epokhu stalinskogo sotsializma, 1917–1953 gg. M.: ROSSPEN, 2014. 421 s.
18. Paramonov V. N. Sekretnost' v sovetskem obshchestve v 1920–1940-kh gg. // Vestnik SamGU. 2012. № 2/2 (93). S. 125–133.
19. Pashentsev D. A. Rol' religii v formirovaniye rossiiskoi pravovoi traditsii // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenii. Pravovedenie. 2010. № 6 (293). S. 168–173.
20. Petyukova O. N. Pravovye formy otnoshenii Sovetskogo gosudarstva i Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v 1917–1945 godah. M.: UNITY-DANA, 2012. 352 s.
21. Kharkhordin O. V. Osnovnye ponyatiya rossiiskoi politiki. M.: Novoe lit. obozrenie, 2011. 321 s.
22. Chetverin V. A., Yakovlev A. V. Institutsionalnaya teoriya prava. M.: Vysshaya shkola ekonomiki, 2009. 25 s.
23. Chumachenko T. A. Gosudarstvo, pravoslavnaya tserkov' i veruyushchie. 1941–1961 gg. M.: AIRO-XX, 1999. 246 s.
24. Shkarovskii M. V. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v XX veke. M., 2010. 478 s.
25. Coleman J. A Rational Choice Perspective on Economic Sociology // The Handbook of Economic Sociology / ed. by N. Smelser and R. Swedberg. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1994. P. 166–180.
26. Duncan P. J. S. Orthodoxy and Russian Nationalism in the USSR, 1917–1988 // Church, Nation and State in Russia and Ukraine (Studies in Russia and East Europe) / ed. by Geoffrey A. Hosking. L.: Palgrave Macmillan, 1991. P. 312–332. DOI: 10.1007/978-1-349-21566-9_18

27. Gelman V. The unrule of law in the making: The politics of informal institution building in Russia // Europe – Asia Studies. 2004. Vol. 56. № 7. P. 1021–1040. DOI: 10.1080/1465342042000294347
28. Huskey E. A Framework for the Analysis of Soviet Law // The Russian Review. 1991. Vol. 50. No. 1. P. 53–70.
29. Huskey E. Government Rulemaking as a Brake on Perestroika // Law & Social Inquiry. 1990. Vol. 15. Issue 3. P. 419–432. DOI:10.1111/j.1747-4469.1990.tb00377.x
30. Pawełczyk-Dura K. Powojenna metafora «bogostalina» w świetle «Żurnału Moskowskoj Patriarchi» // Studia Religiologica. 2014. T. 47. No. 1. S. 67–75. DOI: 10.4467/20844077SR.14.005.2378
31. Pocock J. G. A. On the Unglobality of Contexts: Cambridge Methods and the History of Political Thought // Global Intellectual History. 2019. Vol. 4. Issue 1. P. 1–14. DOI: 10.1080/23801883.2018.1523997
32. Reese R. The Russian Orthodox Church and "Patriotic" Support for the Stalinist Regime during the Great Patriotic War // War & Society. 2014. Vol. 33. Issue 2. P. 131–153. DOI: 10.1179/0729247314Z.00000000035
33. Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas // History and Theory. 1969. Vol. 8. No 1. P. 3–53.
34. Solomon P. H. Law in Public Administration: How Russia Differs // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2008. Vol. 24. Issue 1. P. 115–135.

Статья поступила в редакцию: 18.07.2025; The article was submitted: 18.07.2025;
одобрена после рецензирования: 18.08.2025; approved after reviewing: 18.08.2025;
принята к публикации: 05.09.2025. accepted for publication: 05.09.2025.

УДК 340

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-460-44-51

И. Р. Метшин

Мэрия города Казани,
Казань, Российская Федерация,
gorduma.kazan@tatar.ru

РОЛЬ ГУБЕРНСКОЙ РЕФОРМЫ 1775 г. В УКРЕПЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЕДИНСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (К 250-ЛЕТИЮ ГУБЕРНСКОЙ РЕФОРМЫ)

Аннотация. В статье рассматривается губернская реформа Екатерины II и ее значение для укрепления государственного единства Российской империи. Данная реформа проводилась в контексте общего правительственный курса на совершенствование системы центрального и местного управления, преобразования судебной системы государства. Показана взаимосвязь между местным управлением и укреплением государственного единства. Сделан вывод, что предпринятые преобразования объективно были направлены на укрепление государственного единства за счет улучшения системы управления, выстраивания властной вертикали, более четкого разграничения полномочий между местными чиновниками. В то же время в полной мере реформа своих целей не достигла. Местное управление сохраняло сословный характер, а также зависимость от личных качеств местных властей и чиновниччьего аппарата.

Ключевые слова: губернская реформа; Екатерина II; Российская империя; государственное единство; местное управление.

UDC 340

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-460-44-51

I. R. Metshin

The City Hall of Kazan,
Kazan, Russian Federation,
gorduma.kazan@tatar.ru

THE ROLE OF THE PROVINCIAL REFORM OF 1775 IN STRENGTHENING THE STATE UNITY OF THE RUSSIAN EMPIRE (ON THE 250th ANNIVERSARY OF THE PROVINCIAL REFORM)

Abstract. The article examines the provincial reform of Catherine II and its importance for strengthening the state unity of the Russian Empire. This reform was carried out in the context of a general government policy to improve the system of central and local government, and to transform the judicial system of the state. The interrelation between local

government and the strengthening of state unity is shown. It is concluded that the transformations undertaken were objectively aimed at strengthening the state unity of the country by improving the management system, building a vertical of power, and more clearly delineating powers between local officials. At the same time, the reform has not fully achieved its goals. Local government maintained a class character, as well as dependence on the personal qualities of local authorities and the bureaucratic apparatus.

Keywords: provincial reform; Catherine II; Russian Empire; state unity; local government.

Введение

Обеспечение государственного единства представляет собой комплексную деятельность, направленную на совершенствование всех сторон управления в государстве, включая местное управление. В условиях Российской империи, которая являлась многонациональным и огромным по территории государством, к тому же постоянно расширявшимся, эффективность местного управления имела важное значение для сохранения и укрепления государственного единства. Большие пространства и отсутствие дорог не позволяли оперативно управлять регионами из центра, особенно отдаленными окраинами. Справиться с этим могла только местная власть, которая при этом должна была беспрекословно подчиняться центру, сохранять ему лояльность, пресекать любые попытки сепаратизма. Кроме того, в задачу местной власти входили заботы о повышении уровня жизни населения как основы государственного единства, развитие судебной и фискальной систем, формирование единого правового пространства. В этом отношении изучение опыта губернской реформы 1775 г. помогает извлечь важные для современности уроки из исторического опыта выстраивания системы управления в обширном многонациональном государстве.

Методы исследования

Для проведения исследования использованы общенаучные методы анализа и синтеза. Эволюция системы губернского управления в Российской империи рассмотрена на основе принципов и законов диалектики. Законодательство, на базе которого проводилась губернская реформа, исследовано с помощью формально-юридического метода. Обращение к историческому опыту определило использование историко-правового метода.

Основное исследование

Губернское деление было введено в Российской империи указом от 18 декабря 1708 г. [18]. Это был логичный шаг в контексте тех преобразований, которые проводил император Петр I, чтобы привести страну в соответствие

с требованиями времени, создать более эффективную, чем ранее, систему управления [15]. Наряду с другими преобразованиями своего времени губернская реформа была направлена на решение сразу нескольких задач: повышение эффективности фискальной системы, модернизация системы военного управления, повышение социальной активности населения [12, с. 10]. Принципиальным образом изменялась система назначения на должности местных властей, что подразумевало больший, чем прежде, контроль за ними со стороны центральной власти.

В период правления Екатерины II, также ознаменованный рядом крупных преобразований, закономерно возник вопрос о недостаточной эффективности той системы губернского управления, которая была введена Петром I. Губернии и уезды отличались друг от друга размерами и количеством населения; их возглавляли чиновники разного уровня. Фактически унификация местного управления отсутствовала. В целях дальнейшего укрепления государственного единства необходимо было упорядочить систему губернского управления, ввести унификацию при разделении империи на губернии и более мелкие территориальные единицы. Требовалась определенная децентрализация управления при сохранении жесткойластной вертикали, абсолютного начала самодержавия как той силы, которая обеспечивала единство государства.

Восстание Е. Пугачева, явившееся прямой угрозой российской монархии, также могло сыграть свою роль в вопросе инициирования губернских преобразований, хотя в научной литературе высказывается и противоположная позиция [14, с. 267]. Также вопросы реформирования системы местного управления поднимались в работе Учрежденной комиссии, которая была создана для составления проекта нового уложения, но так и не решила данной задачи [8, с. 424].

7 ноября 1775 г. Екатерина II подписала нормативный акт, который стал правовой основой губернской реформы, — «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» [17]. Так началась губернская реформа, которую можно считать одним из самых масштабных и важных по последствиям преобразований периода правления «просвещенной императрицы».

Манифест, сопровождавший обнародование закона 7 ноября 1775 г., четко продемонстрировал, какие недостатки сложившегося областного аппарата принимаемый закон призван был исправить. Губернии представляли собой огромные административно-территориальные единицы, управлять ими становилось все сложнее и сложнее (к 1775 г. число губерний увеличилось до 23¹). Данные административные единицы обладали недостаточно большим штатом чиновниччьего аппарата; различные ведомства местного управления часто пересекались в своих функциях и ветвях власти, они одновременно могли вести и административные, и судебные, и финансовые дела [9, с. 106].

¹ Каменский А. Б., Ланина С. Г. Губерния // Большая российская энциклопедия. Т. 8. М.: 2007. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/1934383 (дата обращения: 15.05.2025).

Согласно «Учреждениям», территориально-управленческое устройство Российской империи было унифицировано на основе равного числа жителей: государство разделялось на губернии с числом мужского населения в 300–400 тысяч человек и уезды до 30 тысяч человек каждый [10, с. 49]. Принцип более дробного деления земель («к концу царствования Екатерины II территория России была поделена на 50 наместничеств, 3 губернии (Санкт-Петербургскую, Московскую и Псковскую) и 1 область (Таврическую)» [6, с. 9]) на основе равного количества населения на единицу территории был взят из подготовительного этапа губернской реформы Екатерины Великой [5, с. 183, 195]. Система управления губерний была организована следующим образом: главными фигурами стали генерал-губернатор (наместник), стоящий во главе двух-трех губерний, и губернатор (правитель наместничества). «Учреждения» приравнивали понятия «губерния» и «наместничество», соответственно и должности генерал-губернатора и наместника были формально равны, но в реальности все обстояло иначе — наместник становился связующим звеном между губернским управлением и императрицей [4, с. 197]. Ситуация в сфере управления осложнялась тем, что, по словам историка права Г. В. Вернадского, генерал-губернатор вмешивался в сферу деятельности губернатора, будучи во главе губернского собрания [2, с. 100–101]. Губернское управление ведало административными делами губернии, фактически являясь высшим исполнительным органом местного управления. Финансовыми делами в губернии занималась Казенная палата, на уездном уровне финансы оберегал уездный казначей; высшее управление уезда регулировал городничий [3, с. 12–13].

Судебная власть на местном уровне была трехуровневой: 1) палаты гражданского и уголовного судов; 2) Верхний земский суд и Верхняя расправа; 3) Нижний земский суд, Нижняя расправа, уездный суд [16, с. 119]. Эта система была организована по сословному принципу. Четкая компетенция судов законодательно закреплена не была, в значительной мере она зависела от цены иска.

Организация эффективной работы судебной системы играет важную роль в формировании единого правового пространства как одного из главных факторов укрепления государственного единства. В ходе губернской реформы 1775 г. эта задача в полной мере не была решена. Судопроизводство в основном оставалось запутанным, медленным, порой недоступным для населения. В то же время были предприняты шаги, направленные на повышение законности выносимых судебных решений. Отметим также, что судебные преобразования проводились не только в ходе данной реформы, они сопровождали почти весь период правления Екатерины II [7, с. 125].

Взаимодействие наместника и судебной власти было сложным. С одной стороны, «государев наместник не есть судья» [1, с. 149] — так говорилось в «Учреждении губерний». С другой стороны, генерал-губернатор как лицо, обладающее широкими компетенциями (будучи в статусе главнокомандующего, он возглавлял все войска на территории губернии, руководил полицией, отменял любые решения губернаторов, надзирал за соблюдением законов),

вмешивался в судебную сферу: имел право возбуждать судебные преследования и утверждать уголовные приговоры, связанные с лишением жизни и чести. Генерал-губернатор мог наложить вето на решение суда и обжаловать его — при рассмотрении Сената или самой государыни [11, с. 76–77].

Наличие указанных противоречий и необходимость установить разделение обязанностей наместника и правителя наместничества привели к принятию новых нормативных актов, относившихся к губернскому управлению. Указ от 13 июня 1781 г. «О новом расписании губерний, с означением генерал-губернаторов» распределил все губернии по наместничествам, при этом в одном наместничестве так и осталось 2–3 губернии. В результате принятия данного указа губернаторы стали более сфокусированы на местном управлении, а должность наместника была отдалена от губернского устройства [13, с. 66–67].

В целом губернская реформа Екатерины II была порождена петровскими начинаниями и необходимостью продолжать их в русле дальнейшего усовершенствования системы губернского и уездного управления. При этом главные начала, введенные Петром I, такие как: должность генерал-губернатора, универсальные управленческие полномочия губернатора, деление страны не по этническому, а по территориальному принципу, создание административной вертикали [13, с. 80], — оставались незыблемы. Но целый ряд параметров управленческой системы был усовершенствован: статус генерал-губернаторов и губернаторов был унифицирован законодательством; территории губерний и уездов поделены в соответствии с численностью населения; установлено более грамотное распределение обязанностей между местными чинами. В то же время губернская реформа 1775 г. породила ряд проблем: на практике разделение полномочий местных чинов не соблюдалось; деление губерний в ряде случаев оставалось надуманным, не соответствовало конкретным условиям; на местах оставались прежние чиновники, не брезговавшие взятками; степень контроля Сената как коллегиального органа за губернским управлением значительно снизилась.

Совершенствование системы губернского управления продолжилось при последующих монархах Российского государства. Губернская реформа «как итог, высшая точка длительного развития русского общества, направленного на создание единого социального пространства, на преодоление областной обособленности... должна была решить единственный вопрос — рациональной и удобной организации местной власти» [19, с. 704]. В полной мере она с этой задачей не справилась, что можно рассматривать как негативный фактор для укрепления государственного единства.

Результаты исследования

Губернская реформа 1775 г. стала закономерным шагом, направленным на совершенствование административно-территориального деления империи

и повышение эффективности местного управления. Контуры реформы определялись как предшествующими преобразованиями в данной сфере, которые во многом сохранили свои незыблевые основы, так и систематически проявлявшимися недостатками существовавшего устройства. Объективно реформа была направлена на укрепление государственного единства за счет улучшения системы управления, выстраиванияластной вертикали, более четкого разграничения полномочий между местными чиновниками. В то же время в полной мере реформа своих целей не достигла. В системе местного управления Российской империи, а также в неразрывно связанной с ней судебной системе сохранялись такие явления, которые снижали эффективность местного управления. Несмотря на более четкое структурирование данной системы, управление сохраняло сословный характер и зависимость от личных качеств местных властей и чиновничьего аппарата. Это снижало позитивное воздействие преобразований на укрепление государственного единства в Российской империи.

Список источников

1. Блинов И. А. Губернаторы: историко-юридический очерк. СПб.: Типо-лит. К. Л. Пентковского, 1905. 360 с.
2. Вернадский Г. В. Очерки истории права Русского Государства XVIII–XIX вв. (период империи). М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 1998. 174 с.
3. Вицын А. И. Краткий очерк управления в России от Петра Великого до издания Общего учреждения министерств. Казань: И. В. Дубровин, 1855. 299 с.
4. Гогенко Л. А. Губернские реформы и губернаторское управление в России в XVIII в. // Вестник ТГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2011. №7 (99). С. 193–199.
5. Григорьев В. А. Реформа местного управления при Екатерине Второй (Учреждение о губерниях 7 ноября 1775 г.). СПб.: Русская Скоропечатня, 1910. 387 с.
6. Злобин Ю. П. Институт генерал-губернаторов в России в XVIII веке: становление и развитие // Вестник ОГУ. 2010. № 4 (110). С. 4–11.
7. Ильина Т. Н. Верховное правосудие в России во второй половине XVIII века: попытка реформирования // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2023. № 4. С. 124–131.
8. Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века: опыт целостного анализа. М.: РГГУ, 1999. 575 с.
9. Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. 5. Курс русской истории. М.: Мысль, 1989. 476 с.
10. Лохвицкий А. В. Губерния, ее земские и правительственные учреждения. Ч. 1. СПб.: тип. И. Бочкарева, 1864. 224 с.
11. Лысенко Л. М. Губернаторы и генерал-губернаторы в системе власти дореволюционной России: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. 515 с.
12. Михеева Ц. Ц. Становление института губернатора в период петровских реформ // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2011. № 4. С. 7–18.
13. Михеева Ц. Ц. Эволюция института губернаторства в Российской империи (историко-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 190 с.
14. Омельченко О. А. «Законная монархия» Екатерины Второй: просвещенный абсолютизм в России. М.: Юрист, 1993. 428 с.

15. Пашенцев Д. А. Государственные преобразования петровского времени через призму историко-антропологической теории права (к 300-летию провозглашения Российской империи) // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2021. № 1 (41). С. 27–34.
16. Петров К. В. Правовые механизмы обеспечения эффективности судебных ор-ганов Российской империи в законе от 7 ноября 1775 г. «Учреждения для управления губерний» // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 4. С. 118–123.
17. Учреждения для управления губерний Всероссийской империи от 7 ноября 1775 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XX. № 14392.
18. Указ об учреждении губерний и о росписании к ним городов // ПСЗРИ. Т. IV. СПб., 1830. С. 436–437.
19. Хитров Д. А. Губернская реформа Екатерины II: изменение внутренних границ и организация пространства государства: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2025. 803 с.

References

1. Blinov I. A. Gubernatory: istoriko-juridicheskij ocherk. SPb.: Tipo-lit. K. L. Pentkovskogo, 1905. 360 s.
2. Vernadskij G. V. Ocherki istorii prava Russkogo gosudarstva XVIII–XIX vv. (period imperii). M.: Gos. publ. ist. b-ka Rossii, 1998. 174 s.
3. Vitsyn A. I. Kratkij ocherk upravlenija v Rossii ot Petra Velikogo do izdanija Obshhego uchrezhdenija ministerstv. Kazan: I. V. Dubrovin, 1855. 299 s.
4. Gogenko L. A. Gubernskie reformy i gubernatorskoe upravlenie v Rossii v XVIII v. // Vestnik TGU. Seria: Gumanitarnie nauki. 2011. № 7 (99). S. 193–199.
5. Grigor'ev V. A. Reforma mestnogo upravlenija pri Ekaterine Vtoroj (Uchrezhdenie o gubernijah 7 nojabrja 1775 g.). SPb.: Russkaja Skoropechatnja, 1910. 387 s.
6. Zlobin Ju. P. Institut general-gubernatorov v Rossii v XVIII veke: stanovlenie i razvitiye // Vestnik OGU. 2010. № 4 (110). S. 4–11.
7. Il'ina T. N. Verhovnoe pravosudie v Rossii vo vtoroj polovine XVIII veka: popytka reformirovaniya // Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs. 2023. № 4. S. 124–131.
8. Kamenskij A. B. Ot Petra I do Pavla I. Reformy v Rossii XVIII veka: opyt tselostnogo analiza. M.: RGGU, 2001. 575 s.
9. Klyuchevskij V. O. Sochineniya: v 9 t. T. 5. Kurs russkoj istorii. M.: Mysl, 1989. 476 s.
10. Lohvitskij A. V. Gubernija, ee zemskie i pravitel'stvennye uchrezhdenija. Ch. 1. SPb.: tip. I. Bochkareva, 1864. 224 s.
11. Lysenko L. M. Gubernatory i general-gubernatory v sisteme vlasti dorevolucionnoj Rossii: dis. ... d-ra ist. nauk. M., 2001. 515 s.
12. Miheeva C. C. Stanovlenie instituta gubernatora v period petrovskih reform // Vestnik RUDN. Serija: Juridicheskie nauki. 2011. № 4. S. 7–18.
13. Miheeva C. C. Jevoljucija instituta gubernatorstva v Rossijskoj imperii (istoriko-pravovoij aspekt): dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2006. 190 s.
14. Omel'chenko O. A. «Zakonnaja monarhija» Ekateriny Vtoroj: prosveshhennyj absolutizm v Rossii. M.: Jurist, 1993. 428 s.
15. Pashenctsev D. A. Gosudarstvennye preobrazovaniya petrovskogo vremeni cherez prizmu istoriko-antropologicheskoy teorii prava (k 300-letiju provozglenija Rossijskoj imperii) // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2021. № 1 (41). S. 27–34.

16. Petrov K. V. Pravovye mehanizmy obespechenija jeffektivnosti sudebnyh organov Rossijskoj imperii v zakone ot 7 nojabrja 1775 g. «Uchrezhdenija dlja upravlenija gubernij» // Leningradskij juridicheskij zhurnal. 2008. № 4. S. 118–123.
17. Uchrezhdenija dlja upravlenija gubernij Vserossijskoj imperii ot 7 nojabrja 1775 g. // PSZRI. Sобр. 2. Т. XX. № 14392.
18. Ukaz ob uchrezhdenii gubernij i rospisanii k nim gorodov // PSZRI. Т. IV. SPb., 1830. S. 436–437.
19. Hitrov D. A. Gubernskaja reforma Ekateriny II: izmenenie vnutrennih granic i organizacija prostranstva gosudarstva: dis. ... d-ra ist. nauk. M., 2025. 803 s.

Статья поступила в редакцию: 18.07.2025; The article was submitted: 18.07.2025;
одобрена после рецензирования: 18.08.2025; approved after reviewing: 18.08.2025;
принята к публикации: 05.09.2025. accepted for publication: 05.09.2025.

УДК 340.113
DOI: 10.24412/2076-9113-2025-460-52-58

А. И. Николаев

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация,
nikolaevai@mgpu.ru

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА

Аннотация. В статье рассматривается круг вопросов, связанных с выявлением и обоснованием влияния технологических факторов на современное правовое развитие. Технологии, характерные для нового технологического уклада, приводят к расширению пространства социального взаимодействия, ускоряют темпы общественного развития, что определяет новые требования к правовому регулированию. В настоящее время, учитывая новые условия, наблюдается недостаточная эффективность существующего механизма правотворчества. Для улучшения ситуации следует шире использовать прогнозирование и моделирование в сфере права, опираться на передовые теоретические разработки. Выводы исследования: адекватное и дозированное использование современных технологий для развития права может способствовать повышению эффективности правового регулирования, сохранению роли права в качестве ведущего регулятора общественных отношений.

Ключевые слова: технологический уклад; правовое регулирование; цифровые технологии; система права; конвергенция в праве; правотворчество.

UDC 340.113
DOI: 10.24412/2076-9113-2025-460-52-58

A. I. Nikolaev

Moscow City University,
Moscow, Russian Federation,
nikolaevai@mgpu.ru

THE TECHNOLOGICAL FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF MODERN LAW

Abstract. The article discusses a range of issues related to the identification and justification of the influence of technological factors on modern legal development. Technologies characteristic of the new technological order lead to the expansion of the space of social interaction, accelerate the pace of social development, which determines new requirements for legal regulation. Currently, given the new conditions, there is an insufficient effectiveness of the existing law-making mechanism. To improve the situation, forecasting and modeling in the field of law should be used more widely, relying on advanced theoretical developments. The conclusions of the study: the adequate and dosed use of modern technologies

for the development of law can contribute to improving the effectiveness of legal regulation, preserving the role of law as the leading regulator of public relations.

Keywords: technological structure; legal regulation; digital technologies; legal system; convergence in law; lawmaking.

Введение

Право регулирует общественные отношения, находится с ними в неразрывной связи и реагирует на их трансформацию. Вслед за изменениями, происходящими в обществе, в сфере права появляются новые нормы, институты и даже отрасли. Так, со временем появления марксистской теории считалось, что одним из наиболее значимых факторов общественного развития является экономический фактор. В современных условиях ученые-правоведы все чаще говорят о технологическом факторе, подчеркивая его усиливающееся воздействие на динамику социальных отношений [2]. Введены в научный оборот понятия «конвергентные технологии», «цифровое государство» и «цифровая правовая среда». Получает справедливую оценку методологическое значение теории технологических укладов [7]. Все это определяет потребность в анализе того влияния, которое технологическое развитие оказывает на право. Представляется важным выявить основные направления влияния новых технологий на правовое развитие, обозначить дальнейшие перспективы эволюции правовой среды в высокотехнологичном обществе.

Методы исследования

Важное методологическое значение для разработки тематики исследования имеет теория технологических укладов. Также были использованы общенаучные методы анализа и синтеза. Обращение к российскому законодательству обусловило использование формально-юридического метода. Исследование отечественной юридической доктрины определило потребность в использовании метода контент-анализа.

Основное исследование

Теория технологических укладов, разработанная представителями экономической науки, все шире применяется в юридических исследованиях, так как позволяет выявить и обосновать существующую зависимость между развитием новых, критически важных для общества технологий и эволюцией права. Сегодня в экономике России существует сразу несколько укладов; при этом технологии, характерные для появляющегося шестого уклада, стремительно преобразуют разные стороны общественной жизни, вторгаются не только

в производство, но даже в межличностные отношения. К числу технологий, определяющих сущность нового уклада и влияющих на правовое регулирование, стоит отнести искусственный интеллект (ИИ), интернет вещей, блокчейн, 3D-печать, геномные и иные передовые биотехнологии, нанотехнологии, квантовые технологии, когнитивные технологии, беспроводную передачу энергии и др.

Изменение общественных отношений, которое происходит под воздействием технологического развития, связано с появлением новых сфер, прежде всего отношений в виртуальном пространстве с участием ИИ; с применением новых форм экономического взаимодействия в рамках смарт-контрактов, обмена криптовалют и т. д. [3]. Возникают острые вопросы защиты персональных данных в интернете, сохранения тайны, предотвращения мошеннических действий в сети, включая дипфейки и т. д. [6]. В итоге право как регулятор общественных отношений оказалось перед лицом новых вызовов, инициирующих масштабные изменения в механизме правового регулирования, требующих от права серьезной динамики, прежде всего в качественном отношении.

Ученые-правоведы, исследующие процессы современной правовой динамики, отмечают, что новый технологический уклад уже повлиял на систему права [9, с. 33–34], в которой наблюдается появление новых, в значительной мере нетипичных элементов, не укладывающихся в классические теоретико-правовые представления. В частности, к ним относятся циклические правовые массивы, одним из которых является цифровой массив [1]. Его формирование вызвано насущными потребностями быстро формирующейся цифровой среды. Эти новые отношения нуждаются в эффективном правовом регулировании, которое не может осуществляться старыми нормами. В силу этого наблюдается активизация правотворческой деятельности применительно к цифровым технологиям и порождаемым ими отношениям [7]. Цифровые нормы не создают новой отрасли права, они органично включаются в уже существующие отрасли: гражданское, финансовое, процессуальное право, законодательство о государственной службе и т. д.

Изменения, происходящие в системе права, позволяют поставить вопрос о том, что существующие в теоретико-правовой науке представления во многом уже не отвечают складывающейся реальности [9, с. 33]. Возникает необходимость новых исследований, касающихся системы и структуры права, критерии правootраслевого деления, целесообразности выделения комплексных отраслей права, соотношения публичного и частного права.

Под влиянием новых технологий, прежде всего цифровых, неизбежно происходит глобализация общественных отношений, одним из последствий которой выступает конвергенция правовых систем. Этот процесс характеризуется не только открывающимися возможностями для унификации законодательства (которая происходит, например, в рамках Таможенного союза ЕАЭС), но и более сложными процессами, связанными со сближением правовых институтов, изначально принадлежавших к различным правовым семьям. В данном ключе стоит отметить и сближение источников права, что связано, в частности, с проникновением элементов прецедентного права в страны континентальной

правовой семьи. В качестве примера можно назвать попытку внедрения ограниченного судебного прецедента в правовую систему Армении, а также создание прецедентного правосудия в рамках Международного финансового центра в Казахстане. В Российской Федерации продолжаются дискуссии о прецедентном правосудии. Существует позиция, что решения Конституционного суда можно отнести к числу прецедентов, так как они непосредственно влияют на правотворчество. В то же время Конституционный суд не относится к числу правотворческих органов, сам не принимает новых правовых норм, поэтому под классическое определение прецедента его решения не подпадают. Данный вопрос также требует углубленной теоретико-правовой проработки с учетом имеющегося опыта развития системы правосудия.

В российской правовой системе, подобно правовым системам стран романо-германской правовой семьи, существует разделение права на частное и публичное, при этом в наших реалиях публично-правовая составляющая явно преобладает [8, с. 64]. Публичное право регулирует отношения с участием государства и затрагивающие интересы государства, при этом предполагается неравный статус участников. Оно характеризуется большим количеством императивных норм, преобладанием обязываний и запретов. В то же время ученые все чаще пишут о таком явлении, как конвергенция частного и публичного права. Одним из первых разносторонне исследовал данный вопрос Н. М. Коршунов [5]. Сегодня можно наблюдать, что в публичное право проникают элементы частноправового регулирования [8, с. 65]. При этом для России характерно отсутствие дуализма частного права, что проявляется в регулировании торговых отношений с помощью не торгового, а гражданского права. В этой связи продолжаются закономерные дискуссии о предпринимательском праве, которое во многом связано с государственным регулированием экономической деятельности и в некоторой степени конкурирует с гражданским правом. Наблюдаемые тенденции, порожденные технологическим развитием, позволяет предположить дальнейшее проникновение элементов частного права в регулирование предпринимательской деятельности. Развитие современной высокотехнологичной экономики возможно при усилении диспозитивности правового регулирования, при большей свободе для участников экономических отношений избирать модели взаимодействия на основе взаимных договоренностей. Это повышает значимость частноправового метода регулирования общественных отношений.

В то же время наблюдаемая в мире тенденция к дальнейшей бюрократизации государственного управления, в том числе в сфере экономики, приводит к усилению публично-правовых начал и большей жесткости в правовом регулировании. В итоге возникает целая группа противоречий, для разрешения которых в правотворчестве требуется предварительное глубокое научное осмысление происходящих процессов, предполагающее широкое использование правового прогнозирования. Такое прогнозирование можно осуществлять с применением современных технологий, в том числе ИИ. Это позволит построить модели социально-экономического развития, учитывающие перспективы дальнейших

технологических новаций, и определить оптимальные механизмы правового регулирования тех отношений, которые сегодня только зарождаются, но уже в близкой перспективе могут стать повседневной реальностью.

Также стоит отметить, что в высокотехнологичном обществе имеющаяся правотворческая деятельность оказалась малоэффективной и отстающей от темпов общественного развития [7, с. 32]. Количество ежегодно принимаемых законов велико, изменения во многие акты вносятся постоянно, но ситуация в экономике и других сферах меняется еще быстрее. Если значительная часть общественных отношений, которые следует урегулировать правом, осуществляется в виртуальной среде и приобретает цифровые формы, то логично предположить, что право также должно приобретать цифровые формы. В связи с этим в научной литературе активно дискутируются вопросы, связанные с электронным нормативным актом, машиночитаемым правом, цифровым законом [4]. Внедрение данных форм несет определенные сложности как теоретического, так и практического характера. Их обсуждение приводит к формированию отдельного научного направления в рамках юриспруденции. Ситуация осложняется еще и тем, что юристы в большинстве своем имеют недостаточно полное и верное представление о сущности и особенностях применения современных технологий, а сотрудничество с представителями «мира техники» осложнено в силу различий используемого профессионального языка и разного стиля мышления. Тем не менее именно такое сотрудничество может дать необходимые результаты, позитивно влияющие на совершенствование правотворческой деятельности с помощью технологических инноваций.

Еще один блок вопросов, которые предстоит уже в ближайшее время решать юридической науке, связан с биотехнологиями. Эти вопросы имеют не только правовое, но и нравственное содержание. Они нуждаются как в правовой, так и в моральной оценке. Например, технология клонирования вызвала бурные дискуссии в обществе, что привело фактически к ее запрету в ряде стран. 12 января 1998 г. в Париже был подписан Протокол о запрете клонирования людей¹. В Российской Федерации принят Федеральный закон от 20.05.2002 № 54-ФЗ (действует в ред. от 29.03.2010) «О временном запрете на клонирование человека». Действительно, возможное клонирование человека порождает такие юридические проблемы, как определение отцовства и материнства, вопросы наследования и брака. Помимо этого, возникают многочисленные проблемы религиозного и нравственного характера, пока не находящие своего разрешения, что также влияет на правовое регулирование. Учитывая временный характер принятого в России соответствующего закона, вопрос о клонировании и его регулировании отложен, но не разрешен окончательно. Юристам предстоит серьезная работа по осмыслению большого круга вопросов, возникающих в связи с современными биотехнологиями и далеко не исчерпывающихся темой клонирования.

¹ Почему запретили клонирование человека // Парламентская газета. 12 янв. 2021. URL: <https://www.pnp.ru/social/pochemu-zapretili-klonirovaniye-cheloveka.html> (дата обращения: 15.06.2025).

Результаты исследования

Проведенное исследование показывает, что технологическое развитие в современных условиях становится одним из наиболее значимых факторов, влияющих на развитие права в силу воздействия на общественные отношения. Переход к новому технологическому укладу заставляет правоведов изучать и решать важные вопросы, связанные с теорией системы права и его источников, с совершенствованием правотворчества с целью повышения его эффективности, а также с распространением правового регулирования на возникающие новые сферы общественных отношений, включая отношения в виртуальном пространстве. Практическое решение этих и иных вопросов стоит осуществлять с помощью самих новых технологий, прежде всего цифровых. Их адекватное и дозированное использование может способствовать повышению эффективности правового регулирования, сохранению роли права в качестве ведущего регулятора общественных отношений. При этом внедрение новых технологий в правовую сферу возможно только на основе глубокого теоретического осмысливания существующих проблемных аспектов и построения перспективных моделей, позволяющих получить представление о последствиях и ожидаемых эффектах в общественном развитии.

Список источников

1. Абдиева Д. А. Циклические правовые массивы как нетипичные образования в системе права шестого технологического уклада // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2024. № 2 (54). С. 68–77.
2. Абрамов Р. А., Пашенцев Д. А. Основные направления влияния современных технологий на развитие права // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2024. № 1 (53). С. 7–13. DOI: 10.25688/2076-9113.2024.53.1.01
3. Абрамов Р. А., Пашенцев Д. А. Развитие цифровой экономики как фактор динамики правового регулирования общественных отношений // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2023. № 4 (52). С. 7–14. DOI: 10.25688/2076-9113.2023.52.4.01
4. Гуляева П. С. Применение генеративных языковых моделей в условиях цифровизации нормотворчества // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2023. № 3 (51). С. 126–137.
5. Коршунов Н. М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2011. 238 с.
6. Николаев А. И. Вопросы цифровизации права в современной юридической доктрине // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2024. № 1 (53). С. 38–44.
7. Пашенцев Д. А. Основные направления и особенности развития законодательства в условиях цифровизации и перехода к новому технологическому укладу // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2021. № 3 (43). С. 31–39.
8. Пашенцев Д. А. Роль частного права в формировании институтов гражданского общества // Вестник Академии права и управления. 2014. № 36. С. 63–68.
9. Пашенцев Д. А. Система права в условиях перехода к новому технологическому укладу // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2020. № 4 (40). С. 32–38. DOI: 10.25688/2076-9113.2020.40.4.03

References

1. Abdieva D. A. Tsiklicheskie pravovye massivy kak netipichnye obrazovanija v sisteme prava shestogo tehnologicheskogo uklada // Vestnik MGPU. Serija «Juridicheskie nauki». 2024. № 2 (54). S. 68–77.
2. Abramov R. A., Pashentsev D. A. Osnovnye napravlenija vlijaniya tsifrovych tehnologij na razvitiye prava // Vestnik MGPU. Serija «Juridicheskie nauki». 2024. № 1 (53). S. 7–13. DOI: 10.25688/2076-9113.2024.53.1.01
3. Abramov R. A., Pashentsev D. A. Razvitiye tsifrovoj ekonomiki kak faktor dinamiki pravovogo regulirovaniya obshhestvennyh otnoshenij // Vestnik MGPU. Serija «Juridicheskie nauki». 2023. № 4 (52). S. 7–14. DOI: 10.25688/2076-9113.2023.52.4.01
4. Guljaeva P. S. Primenenie generativnyh jazykovyh modelej v uslovijah tsifrovizatsii normotvorchestva // Vestnik MGPU. Serija «Juridicheskie nauki». 2023. № 3 (51). S. 126–137.
5. Korshunov N. M. Konvergentsija chastnogo i publichnogo prava: problemy teorii i praktiki. M.: NORMA: INFRA-M, 2011. 238 s.
6. Nikolaev A. I. Voprosy tsifrovizacii prava v sovremennoj juridicheskoy doktrine // Vestnik MGPU. Serija «Juridicheskie nauki». 2024. № 1 (53). S. 38–44.
7. Pashentsev D. A. Osnovnye napravlenija i osobennosti razvitiya zakonodatel'stva v uslovijah tsifrovizatsii i perehoda k novomu tehnologicheskому ukladu // Vestnik MGPU. Serija «Juridicheskie nauki». 2021. № 3 (43). S. 31–39.
8. Pashentsev D. A. Rol' chastnogo prava v formirovaniy institutov grazhdanskogo obshhestva // Vestnik Akademii prava i upravlenija. 2014. № 36. S. 63–68.
9. Pashentsev D. A. Sistema prava v uslovijah perehoda k novomu tehnologicheskому ukladu // Vestnik MGPU. Serija «Juridicheskie nauki». 2020. № 4 (40). S. 32–38. DOI: 10.25688/2076-9113.2020.40.4.03

Статья поступила в редакцию: 18.07.2025;
одобрена после рецензирования: 18.08.2025;
принята к публикации: 05.09.2025.

The article was submitted: 18.07.2025;
approved after reviewing: 18.08.2025;
accepted for publication: 05.09.2025.

УДК 343.9
DOI: 10.24412/2076-9113-2025-460-59-67

А. Н. Вяткин

Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Российская Федерация,
van-88888@yandex.ru

УСТАНОВЛЕНИЕ И УСТРАНЕНИЕ ПРИЧИН И УСЛОВИЙ ЗАГРЯЗНЕНИЯ ПРИРОДЫ: СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКЕ

Аннотация. В статье обсуждаются актуальные вопросы профилактики преступлений, роли органов расследования в криминалистической профилактике. В результате проведенного комплексного анализа делается вывод о важности применения скоординированных, целенаправленных мер профилактики уголовно-наказуемого загрязнения окружающей природной среды. Также на основе складывающейся следственной практики необходимо обобщение сведений о причинах и условиях преступлений для дальнейшего использования в целях выработки и реализации мер общей превенции иными органами профилактики. Предлагается система тактических и стратегических мер профилактики для реализации уголовного судопроизводства на досудебной стадии.

Ключевые слова: преступление; расследование; криминалистика; профилактика; комплексный подход; система.

UDC 343.9

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-460-59-67

A. N. Vyatkin

Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russian Federation,
van-88888@yandex.ru

ESTABLISHMENT AND ELIMINATION OF THE CAUSES AND CONDITIONS OF NATURAL POLLUTION: A SYSTEMATIC APPROACH TO FORENSIC PREVENTION

Abstract. The article discusses current issues of crime prevention, the role of investigative bodies in criminalistic prevention. As a result of the comprehensive analysis, it is concluded that it is important to apply coordinated, targeted measures to prevent criminally punishable environmental pollution. Also, based on the emerging investigative practice, it is necessary to summarize information about the causes and conditions for further use in order to develop and implement general prevention measures by other preventive authorities. A system of tactical and strategic preventive measures is proposed for the implementation of criminal proceedings at the pre-trial stage.

Keywords: crime; investigation; forensics; prevention; comprehensive approach; system.

Введение

Поле для исследования в вопросах профилактики преступлений, криминалистической профилактики очень широко, и решение этих проблем объективно необходимо в условиях существования преступности и неэффективности ее профилактики, несмотря на уже предпринятые меры на законодательном уровне и в правоприменении [14, с. 68].

Так, на основе положений Конституции Российской Федерации (далее — РФ), Федерального закона «Об основах системы профилактики в Российской Федерации» (далее — ФЗ) и Уголовно-процессуального кодекса РФ разработан ряд ведомственных нормативных актов органов расследования и прокуратуры РФ, обязывающих сотрудников ведомств принимать исчерпывающие меры к установлению причин и условий преступления, принимать профилактические меры¹.

¹ См.: Приказ МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений (вместе с «Инструкцией о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений»)». URL: <https://rulaws.ru/acts/Prikaz-MVD-Rossii-ot17.01.2006-N-19/> (дата обращения: 01.03.2025); Приказ СК РФ от 12 июля 2011 г. № 109 «О мерах по противодействию экстремистской деятельности». URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-sledstvennogo-komiteta-rf-ot-12072011-n/> (дата обращения: 01.03.2025); приказ Генпрокуратуры России от 16 января 2012 г. № 7 (ред. от 25.11.2022) «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности». URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuraturyrossii-ot-16012012-n-7/> (дата обращения: 01.03.2025).

Значительное внимание уделяется вопросам профилактики преступлений в научной среде как профильными учеными-криминологами, так и представителями смежных и иных отраслей (уголовного права, процесса и криминалистики; психологии, социологии, философии и др.) [3; 12]. Так, М. В. Жерновой отмечает значительную роль экспертов в профилактике преступлений в целом [6, с. 25]. Роль криминалистов подчеркивают: Т. А. Мещерякова (в профилактике дорожно-транспортных происшествий [10, с. 157]), М. М. Милованова (при подделке документов [11, с. 258]), М. А. Базанина (при проявлениях экстремизма [2, с. 21], Ю. Н. Аксенова-Торохтей (в подростковой преступности [1, с. 125]). И. И. Иванов считает необходимым включить криминалистическую профилактику в систему криминалистики [8, с. 27], в то время как Р. И. Зайнуллин выступает категорически против [7, с. 55].

Между тем наличие нормативной базы и значимых результатов ряда научных исследований не оказали ощутимого влияния на эффективность мер профилактики. Помимо прочего, это подтверждается стабильным уровнем повторной преступности в России, который на протяжении ряда лет неизменно составляет около 60 %². Полагаем, что внедрение системного подхода в планирование и реализацию органами расследования мер профилактики будет способствовать реальному снижению уровня преступности, в том числе в экологической сфере; позволит вместо подсчета ущерба принять исчерпывающие меры к сохранению почвы, вод и атмосферы — в целом бесценной для человечества совокупности природных богатств, являющихся «основой устойчивого развития, жизни и деятельности народов, проживающих на территории Российской Федерации»³. Потенциал органов расследования в установлении и устраниении причин загрязнения природы следует рассматривать в качестве важнейшего инструмента профилактики преступлений.

Основное исследование

Обобщение эмпирической базы позволяет утверждать, что причины загрязнения природы коррелируют с особенностями личности типичного преступника, — это руководитель промышленного предприятия, оказывающего антропогенное воздействие на окружающую среду. Достаточно высокий социальный статус руководителя предполагает наличие соответствующего уровня образования и общего развития, позволяющего осознавать пагубные последствия сбросов загрязняющих веществ. Но руководитель пренебрегает этическими и правовыми нормами и исходит из экономических соображений — минимизации производственных затрат. Другими словами, для типичного преступника

² МВД Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/57279296/> (дата обращения: 01.03.2025).

³ Федеральный закон от 10.01.2002. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823 (дата обращения: 07.03.2024).

по делам рассматриваемого вида преступлений прибыль приоритетнее заботы об окружающей среде. В этом проявляется его социальная незрелость, низкий уровень правосознания.

Практика успешного расследования загрязнения природы представлена относительно небольшим количеством уголовных дел, возбуждаемых, как правило, при наличии общественного резонанса. Отсутствие стремления к выявлению таких преступлений обусловлено недооценкой степени их общественной опасности.

Таким образом, условия загрязнения природы возникают при совокупности факторов, помимо обстановки совершения преступления:

- низкий уровень правосознания преступника и должностных лиц органов государственного экологического контроля, расследования;
- неэффективный механизм правового регулирования охраны окружающей среды;
- коррумпированность сферы экологического контроля [5, с. 163].

Потенциал криминалистической профилактики, устранения причин и условий загрязнения природы состоит в мерах тактического и стратегического характера.

Тактические меры криминалистической профилактики загрязнения природы

В качестве тактических мер предлагается использовать следующие:

1. На этапе оперативной разработки, в координации которой рекомендуется участвовать прокурору и следователю (ему предстоит в дальнейшем принятие к производству дела, возбужденного на основе оперативных материалов): опираясь на методику расследования фактов загрязнения природы, использовать рекомендации по выявлению коррупционных связей преступника и должностных лиц органов экологического контроля. Их пресечение в ходе дальнейшего расследования, в качестве устраниния одного из условий загрязнения природы, объективно способствует снижению количества и масштабов экологических преступлений.

2. На этапе процессуальной проверки, а также расследования: незамедлительно вносить представления руководителю органа государственного экологического контроля о выявлении фактов как активного, так и пассивного противодействия расследованию со стороны его представителей (например, отрицание наличия экологического вреда при его очевидности, подтверждении иными доказательствами).

3. На этапе планирования расследования: обязательное включение в расследование версии о наличии коррупционных связей преступника и должностных лиц органов экологического контроля.

4. На этапе расследования: направление руководителю органа дознания поручения об отработке оперативным путем версии о наличии коррупционных связей преступника и должностных лиц органов экологического контроля.

5. Индивидуальная разъяснительная работа по правовому просвещению участников судопроизводства по делу, являющаяся одновременно тактическим и профилактическим средством при допросе подозреваемого (обвиняемого), свидетелей, представителей органов государственного экологического контроля.

6. Внесение представления по итогам расследования при установлении бездействия сотрудников органа экологического контроля, способствующего совершению загрязнения природы либо увеличению его масштабов.

Перечисленные меры создают условия реализации принципа неотвратимости наказания как важного фактора частной и общей превенции.

Стратегические меры криминалистической профилактики загрязнения природы

На стратегическом уровне потенциал органа расследования в вопросах профилактики загрязнения природы представляется возможным реализовать следующим образом:

1. Разъяснение законодательства на различных информационных площадках с акцентированием внимания аудитории на экологических последствиях загрязнения природы, видах наказания, установленных законом, с подкреплением конкретными примерами. Органы Следственного комитета РФ в настоящее время активно участвуют в правовом просвещении населения⁴, используя богатый практический опыт расследования и действуя в русле политики руководства, отраженной в ряде ведомственных приказов⁵. Следует отметить, однако, что тематика загрязнения природы занимает в них незначительную долю.

2. Участие в разработке и реализации законодательной инициативы в целях устранения пробелов и повышения эффективности правового регулирования сферы охраны природы уголовно-правовыми средствами. Фактической основой может служить обобщенная практика расследования⁶.

3. Внесение в адрес руководителей министерств, ведомств сферы экологического контроля федерального уровня обобщенных представлений о выявленных причинах и условиях, способствующих загрязнению природы; участие

⁴ См., например: Ответственность за нарушения природоохранного законодательства // Следственное управление СК России по Ленинградской области [сайт]. URL: https://lenobl.sledcom.ru/law_info/item/1702608/ (дата обращения: 01.03.2025).

⁵ См, например: Приказ Следственного комитета России от 02.09.2011. «О взаимодействии с ветеранами Следственного комитета Российской Федерации» отмечает в преамбуле вклад ветеранов в «пропаганду правовых знаний среди населения». URL: <https://sledcom.ru/upload/site1/iblock/c99/134-11.pdf> (дата обращения: 01.03.2025).

⁶ Полномочия СК России в сфере нормотворчества предусмотрены ст. 10 Федерального закона от 28.12.2010. № 403-ФЗ (ред. от 14.10.2024) «О Следственном комитете Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108565/ (дата обращения: 01.03.2025).

в их рассмотрении и осуществлении контроля за реализацией мер к устраниению таких причин и условий.

4. Активное участие в координации борьбы с преступностью посредством проведения на систематической основе глубокого комплексного анализа следственной и судебной практики по делам о загрязнении природы; формирование соответствующих выводов и конкретных обоснованных предложений, адресованных иным участникам координационного совещания руководителей правоохранительных органов соответствующего уровня (федерального и регионального).

5. Взаимодействие с научным сообществом посредством участия в научно-практических мероприятиях, включения его представителей в совещательные органы (рабочие группы), что позволит вырабатывать более эффективные предложения по совершенствованию законодательства и практики расследования.

6. Обобщение практики использования криминалистической техники в расследовании загрязнения природы, дающей основания для выработки рекомендаций по использованию наиболее эффективных технических средств в рамках профилактики рассматриваемого вида преступлений. Например, успешное применение беспилотных воздушных средств для отбора проб загрязненного воздуха позволяет систематически проводить мониторинг в промышленных зонах.

А. Ю. Хейло совершенно справедливо обозначает оперативный контроль в качестве эффективного инструмента для решения стратегической задачи по защите воздуха от загрязненности. В контексте данной работы его следует рассматривать как инструмент профилактики, подлежащий применению как при расследовании загрязнения природы, так и для предотвращения подобных преступлений в дальнейшем. А. Ю. Хейло предлагает использовать для мониторинга беспилотный летательный комплекс, включающий автоматизированные пробоотборники сравнимо небольшого веса и массы [15, с. 92].

В. Ф. Второй поддерживает и развивает эту идею применительно к сельскохозяйственному производству, отмечая его потенциальное антропогенное воздействие на компоненты окружающей природной среды — воздух, почву и воды. В комплекс предлагаемых им мер входят беспилотные воздушные средства, оснащенные тепловизионными, мультиспектральными камерами, датчиками оперативного определения концентрации вредных веществ [4, с. 125].

Важность и результативность применения современных средств для диагностики состояния природы на постоянной основе отстаивает А. В. Свецкий. В числе комплекса мер по их внедрению он отмечает нормативное регулирование, в настоящее время довольно устаревшее в сравнении с масштабами и темпами загрязнения окружающей среды [13, с. 26].

Особый интерес вызывают перспективы применения экологического атласа России, идею которого в числе других поддерживает В. И. Кравцова [9, с. 18]. Очевидно, что в настоящее время наиболее высоким потенциалом для оперативного обнаружения фактов загрязнения природы и выявления их источников являются расположенные на спутниках комплексы, позволяющие делать фотоснимки высокого разрешения в различных спектральных диапазонах.

Результаты исследования

Выстроенная на системной, комплексной основе мер тактического и стратегического уровня профилактика уголовно-наказуемого загрязнения природы на этапе расследования фактов загрязнения природы, в сочетании с дальнейшим широким использованием его результатов в рамках взаимодействия органов профилактики при наблюдении за состоянием окружающей среды в динамике, способна оказать позитивное влияние как на частную, так и на общую превенцию преступности в рассматриваемой сфере.

Список источников

1. Аксенова-Сорохтей Ю. Н. Криминалистическая профилактика преступлений несовершеннолетних. М.: Юрлитинформ, 2012. 150 с.
2. Базанина М. А. К вопросу о криминалистической профилактике преступлений, совершаемых религиозными и общественными организациями, склонными к проявлению экстремизма // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб. науч. тр. Вып. 6. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2015. С. 16–21.
3. Валеев М. Т. К вопросу о криминологической обоснованности санкции в виде лишения свободы за получение коммерческого подкупа // Уголовная юстиция. 2024. № 24. С. 16-19. DOI: 10.17223/2308451/24/3
4. Вторый В. Ф., Вторый С. В. Экологический мониторинг животноводческих объектов беспилотными летательными аппаратами // АгроЭкоИнженерия. 2021. № 2 (107). С. 125–137.
5. Вяткин А. Н. Некоторые вопросы криминалистической характеристики загрязнения вод // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 4 (78). С. 163–170. DOI: 10.33184/pravgos-2024.4.18
6. Жерновой М. В. Особенности деятельности экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел в сфере профилактики правонарушений // Российский следователь. 2008. № 7. С. 23–25.
7. Зайнуллин Р. И. Криминалистическая профилактика — миф или реальность? // Криминалистика. 2023. № 4 (45). С. 53–58.
8. Иванов И. И. Криминалистическая профилактика в системе отечественной криминастики // История государства и права. 2004. № 1. С. 25–27.
9. Кравцова В. И. Космические снимки в экологическом атласе России // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2018. Т. 24. № 2. С. 18–26.
10. Мещерякова Т. А. Сущность и значение криминалистической профилактики дорожно-транспортных преступлений // Достижения вузовской науки. 2013. № 5. С. 153–157.
11. Милованова М. М. Криминалистическая профилактика преступлений, совершенных с использованием поддельных документов // Политика, экономика и право в социальной системе общества: новые вызовы и перспективы: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Феодосия, 4–6 мая 2016 года). М.: Научный консультант, 2016. С. 255–259.
12. Полстовалов О. В. Математическое моделирование на основе теории причинности в приложении к криминалистической характеристике и профилактике преступлений // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 4-1 (62). С. 152–160.

13. Свецкий А. В. Применение современных технологий в охране окружающей среды: некоторые проблемы правового регулирования // Экологическое право. 2024. № 5. С. 23–26.
14. Тарайко В. И. Экологическая преступность в России: причины, условия, профилактика. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный ун-т, 2011. 131 с.
15. Хейло А. Ю., Хаустов И. А., Рылев С. С. Разработка программно-технического компонента геоинформационной системы для мониторинга экологичности воздушно-го пространства // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2018. Т. 80. № 3 (77). С. 92–96.

References

1. Aksanova-Sorokhtey Yu. N. Kriminalisticheskaya profilaktika prestuplenij nesovershennoletnih. M.: Yurlitinform, 2012. 150 s.
2. Bazanina M. A. K voprosu o kriminalisticheskoy profilaktike prestuplenij, sovershaemyh religioznyimi i obshhestvenny'mi organizatsiyami, sklonnymi k proyavleniyu ekstremizma // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra: sb. nauch. tr. Vyp. 6. Irkutsk: Vostochno-Sibirskij institut MVD Rossii, 2015. S. 16–21.
3. Valeev M. T. K voprosu o kriminologicheskoy obosnovnosti sankcii v vide lishe-niya svobody' za poluchenie kommercheskogo podkupa // Ugolovnaya yusticiya. 2024. № 24. S. 16–19. DOI: 10.17223/23088451/24/3
4. Vtorij V. F., Vtorij S. V. Ekologicheskij monitoring zhivotnovodcheskih ob'ektov bespilotnymi letatel'nymi apparatami // AgroEkoInzheneriya. 2021. № 2 (107). S. 125–137.
5. Vyatkin A. N. Nekotorye voprosy kriminalisticheskoy xarakteristiki zagryazneniya vod // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. 2024. № 4 (78). S. 163–170. DOI: 10.33184/pravgos-2024.4.18
6. Zhernovoi M. V. Osobennosti deyatel'nosti ekspertno-kriminalisticheskikh podraz-delenij organov vnutrennyh del v sfere profilaktiki pravonarushenij // Rossijskij sledovatel. 2008. № 7. S. 23–25.
7. Zainullin R. I. Kriminalisticheskaya profilaktika — mif ili real'nost? // Kriminalist. 2023. № 4 (45). S. 53–58.
8. Ivanov I. I. Kriminalisticheskaya profilaktika v sisteme otechestvennoj kriminalisti-ki // Istorya gosudarstva i prava. 2004. № 1. S. 25–27.
9. Kravtsova V. I. Kosmicheskie snimki v ekologicheskem atlase Rossii // InterKarto. InterGIS. 2018. T. 24. № 2. S. 18–26.
10. Meshcheryakova T. A. Sushhnost' i znachenie kriminalisticheskoy profilak-tiki dorozhno-transportnyh prestuplenij // Dostizheniya vuzovskoj nauki. 2013. № 5. S. 153–157.
11. Milovanova M. M. Kriminalisticheskaya profilaktika prestuplenij, sovershaemyh s ispolzovaniem poddelnyh dokumentov // Politika, ekonomika i pravo v sotsialnoj sisteme obshhestva: novye vyzovy i perspektivy: materialy' mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Feodo-siya, 4–6 maya 2016 goda). M.: Nauchnyj konsul'tant, 2016. S. 255–259.
12. Polstovalov O. V. Matematicheskoe modelirovaniye na osnove teorii prichinnosti v prilozhenii k kriminalisticheskoy xarakteristike i profilaktike prestuplenij // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. 2020. № 4-1 (62). S. 152–160.
13. Svetsky A. V. Primenenie sovremennyh texnologij v ohrane okruzhayushhej sredy: nekotorye problemy pravovogo regulirovaniya // Ekologicheskoe pravo. 2024. № 5. S. 23–26.

14. Tarayko V. I. Ekologicheskaya prestupnost' v Rossii: prichiny, usloviya, profilaktika. Arhangelsk: Severnyj (Arkticheskij) federalnyj un-t, 2011. 131 s.

15. Kheilo A. Yu. Razrabotka programmno-texnicheskogo komponenta geoinformacionnoj sistemy dlya monitoringa ekologichnosti vozдушnogo prostranstva // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta inzhenernyh tehnologij. 2018. T. 80. № 3 (77). S. 92–96.

Статья поступила в редакцию: 18.07.2025; The article was submitted: 18.07.2025;
одобрена после рецензирования: 18.08.2025; approved after reviewing: 18.08.2025;
принята к публикации: 05.09.2025. accepted for publication: 05.09.2025.

УДК 340.142, 342.97
DOI: 10.24412/2076-9113-2025-460-68-81

И. А. Васильев

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация,
i.vasilev@spbu.ru

ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ЗАЩИТЫ В СПОРТИВНОМ ПРАВЕ

Аннотация. Выделение мер защиты в теории права и государства и гражданском праве состоялось относительно давно. Выделение среди мер защиты предупредительных и правовосстановительных мер представляет собой ценный доктринальный подход для спортивного права, основываясь на котором возможно переосмыслить и пересмотреть идею правового принуждения, применяемого на основании регламентирующих норм спортивных федераций, лиг и других спортивных организаций. В статье предпринимается попытка разобраться с неопределенностью существования предупредительных мер в регламентирующих нормах в сфере физической культуры и спорта.

Ключевые слова: правовое принуждение; меры защиты; предупредительные меры; регламентирующие нормы в спорте; спортивные санкции; спортивная ответственность; предупредительная функция наказания; спортивные федерации; спортивные лиги; субъекты спорта.

UDC 340.142, 342.97
DOI: 10.24412/2076-9113-2025-460-68-81

I. A. Vasiliev

Saint Petersburg State University,
St. Petersburg, Russian Federation,
i.vasilev@spbu.ru

PREVENTIVE PROTECTIVE MEASURES IN SPORTS LAW

Abstract. The allocation of protective measures in the theory of law and the state and civil law took place relatively long ago. Highlighting preventive and remedial measures among the protection measures is a valuable doctrinal approach for sports law, based on which it is possible to rethink and revise the idea of legal coercion applied on the basis of the regulatory norms of sports federations, leagues and other sports organizations. The article attempts to deal with the uncertainty of the existence of preventive measures in the regulatory norms in the field of physical culture and sports.

Keywords: legal coercion; protective measures; preventive measures; regulatory norms in sports; sports sanctions; sports responsibility; preventive function of punishment; sports federations; sports leagues; sports subjects.

Введение

В одной из предыдущих публикаций [2] мы определили предупредительные (превентивные) меры как форму принудительной правовой реализации актуальных для спортивной юриспруденции принципов (фундаментальных принципов права и отраслевых принципов спортивного права (*лат. lex sportiva*)), препятствующей возникновению нарушений и негативных последствий для субъектов спорта. В данной работе мы расширим границы этого понятия.

Основное исследование

Нераспространенность предупредительных (превентивных) мер в нормах спортивных организаций-регуляторов¹ обуславливается тремя причинами. Первая и самая очевидная: отсутствие доктрины правового принуждения применительно к спортивным правоотношениям, имеющим специфику в зависимости от вида спорта. Вторая причина вытекает из первой: для спортивных регуляторов пока неочевидно, в чем должны выражаться превентивные меры и почему следует отказаться в их пользу от ряда мер спортивной ответственности. Третья причина: если некоторые или все меры спортивной ответственности (в терминологии спортивных организаций — спортивные санкции) направлены на достижение также превентивной функции, то необходимы ли отдельные предупредительные меры? Наконец, в чем особенности предупредительных мер в сравнении с другими регулятивными мерами? Дать ответы на поставленные вопросы действительно представляется нетривиальной задачей.

Меры спортивной ответственности — предупредительная цель

Некоторые исследователи понимают превенцию в качестве деятельности, направленной на предупреждение проступков, а значит, более узкую по смыслу категорию в сравнении с профилактикой [12, с. 39]. С данным мнением трудно не согласиться: применение наказания, имеющего предупредительную цель, должно включаться в профилактические меры, тогда как сами профилактические меры этим не ограничиваются. Тем не менее в доктрине спортивного права и в спортивном правосудии неоправданно редко обсуждается вопрос о предупредительной цели спортивной ответственности.

На первый взгляд, в правоприменительной практике присутствует понимание необходимости учитывать эту цель. К примеру, в одном из решений Спортивного арбитражного суда (*англ. Court of Arbitration for Sport, CAS*) отмечалась

¹ Спортивные федерации, спортивные лиги, антидопинговые организации, организации олимпийского и паралимпийского движений.

выраженная превентивная функция в определенных мерах спортивной ответственности: «Запрет на участие в любой связанной с футболом деятельности представляется уместным ввиду присущего превентивного характера такой санкции с точки зрения возможного последующего неправомерного поведения обвиняемого с целью защиты организованного футбола от дальнейшего причинения ему ущерба»² (пер. мой — *I. B.*). При этом названная в позиции CAS «санкция»³ Международной федерации футбола (ФИФА) представляет собой классическую меру спортивной ответственности, и рассмотрение предупреждения в «санкциях» лишь подтверждает отсутствие разграничения нескольких терминов: спортивных санкций как родового понятия, предупредительных мер (варианта защитных мер в терминологии гражданского права) и мер ответственности как видовых терминов. Однако предупредительной может быть не только какая-либо мера ответственности, но и одна из ее целей, наряду с карательной [4].

Как показывает проведенный выборочный анализ регламентирующих норм спортивных организаций⁴, частный и общий характер предупреждения в спортивной ответственности может приобретать две формы выражения. Первая: сама мера имеет превентивную направленность, как в приведенном выше запрете ФИФА на участие в любой связанной с конкретным видом спорта деятельности. Вторая: среди целей спортивной ответственности *de jure* признается предупреждение, отражается на нормативном уровне при помощи закрепления в регламентирующем акте диапазона ее назначения и (или) учитывается в процессе правоприменительной деятельности через фундаментальный принцип соразмерности негативных последствий противоправному поступку (*англ. proportionality*). Возможно и сочетание обеих форм, поскольку мера ответственности превентивного характера в любом случае должна соответствовать требованию соразмерности — недвусмысленно отвечать на вопрос, каким образом ее применение предупреждает последующие проступки как самого нарушителя, так и других субъектов спорта.

Классификация мер ответственности на «предупредительную» и «иные» направленности, не имеющая формального закрепления в регламентирующих нормах спортивных организаций, но используемая *de facto* в спортивном правосудии, оставляет пространство для дискуссии.

² Arbitration CAS 2016/A/4501 Joseph S. Blatter v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA), award of 5 December 2016, para. 19: «A ban on taking part in any football-related activity therefore appears appropriate on account of the inherent, preventive character of such a sanction in terms of potential subsequent misconduct by the accused, in order to protect organised football against further damage caused by him». URL: <https://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/4501.pdf> (дата обращения: 03.09.2025).

³ Спортивные организации используют термин «санкции» в качестве синонима понятия «меры спортивной ответственности», игнорируя тем самым его родовую функцию в классификации правового принуждения по отношению к ответственности. Поэтому здесь и далее по тексту мы будем брать слово «санкция» в кавычки, когда используется такое ограниченное значение.

⁴ Под регламентирующими нормами здесь и далее мы понимаем нормы уставов, регламентов и положений, утверждаемые спортивными организациями и являющиеся обязательными для признающих их субъектов соответствующего вида спорта.

В первую очередь необходимо понять, как спортивной организации и далее правоприменителю разграничить меры ответственности на превентивные и карательные? Приведенный выше пример нормы ФИФА о запрете на участие в любой связанной с футболом деятельности не позволяет однозначно ответить на этот вопрос. В случае, если лишение субъекта права является предупреждением, (1) спортивное соревнование (соревнования) и (2) ценности вида спорта и репутация спортивной организации (организаций) защищены от возможного рецидива лица, претерпевающего меру ответственности⁵. Но существуют ли в таком случае меры спортивной ответственности, которые не носят предупредительного характера? Разве присутствующие в положениях ст. 7 Кодекса этики ФИФА⁶, (который фигурировал в ранее приведенном решении CAS) другие запреты (на участие в футбольном матче; нахождение в раздевалках и/или на скамейке запасных команды; посещение стадиона) не имеют выраженной предупредительной направленности? Тем более что выраженный превентивный характер присутствует в предупреждении (*англ. warning*) и замечании (*англ. reprimand*).

Мы считаем, что существующие в спортивном правосудии попытки выделить чистые предупредительные «санкции» направляют доктрину и практику по опасному пути. Следование разграничению на предупредительные и карательные меры сводит процесс привлечения к спортивной ответственности к разрешению дилеммы: наказать (серьезные карательные санкции) или пожалеть (легкие предупредительные санкции). При этом игнорируется основание прекращения дисциплинарного производства или освобождения от спортивной ответственности. В действительности оба варианта плохи, поскольку как самые строгие, так и мягкие меры ответственности должны включать превентивный эффект воздействия на нарушителя. В ином случае субъекты спорта получат неправильный сигнал: можно не соблюдать регламентирующие нормы, если при их нарушении не будет применяться принцип экономии репрессий как выбор оптимальной спортивной ответственности из перечня возможных [13, с. 32].

Далее мы обратимся к вопросу, какие цели (функции, эффекты) должны преследовать меры спортивной ответственности. Несмотря на частноправовой характер отношений между спортивными организациями и субъектами спорта, карательная функция присутствует в нем обязательно [8, с. 35]. Однако мы убеждены, что любая из мер спортивной ответственности не может преследовать единственный карательный эффект, который без предупредительного воздействия повредит предсказуемости поведения субъектов. Действительно, негативное правовое принуждение направлено на то, чтобы субъект осознал:

1 — какое поведение нарушило обязывающие либо запрещающие регламентирующие нормы и защищаемые последними ценности спорта;

⁵ Заметим, что нанесение вреда репутации спорта и репутации спортивной федерации сегодня является относительно распространенным отдельным проступком, охватывающим иные нарушения, посягающие на защищаемые в виде спорта ценности.

⁶ FIFA Code of Ethics. URL: <https://digitalhub.fifa.com/m/4f048486c1f7293c/original/FIFA-Code-of-Ethics-2023.pdf> (дата обращения: 03.09.2025).

2 — факты, влияющие на квалификацию нарушения и на выбор меры ответственности;

3 — объективные последствия применения к нему меры ответственности.

В случае признания исключительно карательной цели в мерах спортивной ответственности, у субъекта-нарушителя формируется искаженное частичное понимание этих трех аспектов, а именно:

1 — какое поведение нарушило обязывающие либо запрещающие регламентирующие нормы (но не ценности, поскольку карательная мера выступает логическим последствием деяния: «нарушил — наказан»);

2 — факты, влияющие на квалификацию нарушения (но не выбор меры ответственности, которую невозможно аргументировать только карательной целью);

3 — объективные последствия применения к нему меры ответственности (но только праволишающего или правоограничивающего характера — что необходимо претерпевать и в течение какого срока).

При этом трудно не согласиться с тем, что наличие карательной функции — это специфический признак, отличающий меры юридической ответственности от мер защиты [10, с. 112]. Вместе с тем мы не являемся сторонниками ограниченного понимания мер спортивной ответственности как средств выражения исключительно серьезных негативных последствий: суровые санкции всегда имеют слабовыраженный предупредительный эффект [7, с. 253].

Дополнительное усложнение в понимание предупредительной цели юридической ответственности в целом привносит ее восстановительная и воспитательная функции, выделяемые в научной литературе [11, с. 521]. Применительно к мерам спортивной ответственности последняя заключается в осознании субъектом содержания нарушения в контексте защищаемых ценностей спорта и поиска способов правомерного поведения. Можно согласиться, что эффективность воспитательного воздействия проистекает из справедливости регулирования [6, с. 616; 9, с. 264], что требует от спортивной организации установления соразмерных обязанностей, запретов и соответствующих мер принуждения. В свою очередь, восстановительная цель спортивной ответственности решает задачи устранения препятствий к реализации права другого субъекта (субъектов) спорта, включая спортивную организацию, утвердившую регламентирующие нормы. Характеристика двух названных эффектов позволяет отделить их от предупредительной функции ответственности.

Превентивная цель спортивной ответственности не компенсирует и не подменяет предупредительные меры принуждения в спорте по двум основным причинам. Во-первых, для предупредительных мер защиты в теории права и государства выделены самостоятельные, проверенные в практике гражданского законодательства признаки. Во-вторых, превентивный эффект от спортивной ответственности возникает при сочетании такового с его противоположностью — карательной функцией. По отдельности ни первый, ни второй (равно как и другие цели юридической ответственности, отмеченные нами ранее) не достигают результативности.

Предупредительные меры принуждения как спортивные санкции

Предупредительные и правовосстановительные меры в спорте с точки зрения общей теории права и гражданского права относятся к так называемым мерам защиты, отличным от юридической ответственности. Так, профессор С. С. Алексеев отмечает, что меры защиты «применяются в отношении обязанных лиц в целях восстановления нарушенных субъективных прав» [1, с. 283]. Аналогичной позиции придерживается профессор А. П. Вершинин, считая, что «защиту прав следует трактовать как деятельность по устранению препятствий на пути осуществления субъективных прав» [5, с. 59]. Следовательно, меры защиты, включающие правовосстановительные и превентивные меры, имеют многофункциональный характер, в котором «отраслевая принадлежность, основания применения и другие обстоятельства» обусловливают, «какая из функций выходит на первый план» [10, с. 112].

Применительно к спортивному праву ответить на вопрос о приоритетной функции мер защиты (предупреждение или правовосстановление) не представляется возможным по двум причинам. Первая: в доктрине сегодня отсутствует как таковое исследование мер защиты в целом либо одного из двух видов мер в частности. Вторая: предупредительные (и правовосстановительные) меры в регламентирующих нормах практически всех международных спортивных организаций, являющихся ориентиром для нормотворчества национальных организаций-членов, присутствуют редко и не системно, а также часто включены в перечень мер ответственности («спортивных санкций»).

Для исследования предупредительных мер в спорте мы используем предложенную в научной литературе классификацию признаков мер защиты [10, с. 111]:

- 1) являются юридическими средствами;
- 2) основаны на государственном принуждении, обеспечиваются или гарантируются государством;
- 3) могут быть закреплены как в «санкциях», так и в диспозиции нормы права;
- 4) реализуются как в процессуальной, так и в непроцессуальной форме;
- 5) основанием их применения выступают разнообразные юридические факты, которые могут быть как правомерными (для реализации основанных на них мер защиты не требуется акт применения права), так и противоправными;
- 6) осуществляются в рамках охранительных правоотношений.

Предупредительные меры в спорте полностью соответствуют приведенным характерным чертам средств защиты, далее мы докажем это с опорой на выбранные регламентирующие нормы.

1. Предупредительные меры всегда являются юридическим средством, закрепленным в регламентирующих нормах спортивных организаций. Можно привести в пример ст. 14 (п. 3) Регламента Российской футбольного союза (РФС) по статусу и переходам (трансферу) футболистов, касающуюся внесения в заявку соответствующего футболиста-профессионала для участия

в профессиональных соревнованиях в порядке исключения вне соответствующего регистрационного периода: «Комитет по статусу игроков по заявлению клуба принимает решение разрешить либо не разрешить внесение в заявку соответствующего футболиста-профессионала в соответствии с настоящим пунктом при обязательном условии наличия действующего трудового договора между футболистом-профессионалом и соответствующим профессиональным футбольным клубом и с учетом фактических обстоятельств и при условии сохранения целостности спортивных соревнований»⁷. Если у названного органа РФС по обязательному досудебному урегулированию споров⁸ есть достаточная убежденность в том, что одно из оснований для внесения в заявку в порядке исключения присутствует, но разрешение будет противоречить «целостности соревнований» (англ. *integrity*) как отраслевому принципу спортивного права [3, с. 60–69], то предупреждается появление для такого клуба преимущества (благодаря новому игроку) в сравнении с другими участниками одного соревнования. Правовосстановительной функции в этой мере защиты спортивной конкуренции нет, поэтому таковая обладает только превентивным характером.

2. Предупредительные меры гарантируются государственным принуждением (в российском законодательстве право утверждения норм, устанавливающих права, обязанности и спортивные санкции: для общероссийских спортивных федераций — ст. 16 (п. 5 ч. 1) Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»; для профессиональных спортивных лиг — ст. 19.2 (ч. 13) названного закона)⁹.

3. Предупредительные меры могут быть закреплены в диспозиции либо в санкции регламентирующей нормы. Думается, что отдельные спортивные организации, не осознавая этого, осуществляют включение меры защиты в санкцию, соединяя ее с карательной целью последней и тем самым нивелируя предупредительный эффект от применения нормы, заменяя его в лучшем случае превентивно-карательной целью «спортивной санкции». Данный подход, вполне очевидно, не соответствует доктрине мер защиты в праве. Ранее нами был приведен пример, в котором предупредительная норма закреплена в диспозиции — ст. 14 (п. 3) Регламента РФС по статусу и переходам (трансферу) футболистов.

4. Реализация предупредительных мер допустима как в процессуальной (правоприменительной деятельности юрисдикционных органов спортивных организаций и третейских судов), так и в непроцессуальной (применяются органами спортивных организаций в порядке текущего управления) форме. Например, в ст. 14 (п. 3) Регламента РФС по статусу и переходам (трансферу) футболистов мера реализуется в процессуальной форме в решении Комитета РФС как органа

⁷ Регламент Российского футбольного союза по статусу и переходам (трансферу) футболистов. URL: <https://www.rfs.ru/subject/1/documents/preview?documentId=1913> (дата обращения: 03.09.2025).

⁸ Далее мы будем также использовать синоним этого термина — «юрисдикционный орган».

⁹ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/ (дата обращения: 03.09.2025).

по обязательному досудебному урегулированию споров в юрисдикции РФС. Имеющая непроцессуальную форму мера защиты представлена в ст. 13 (п. 4) того же регламента: «Футболисты могут быть зарегистрированы максимум в 3 клубах, участвующих в соревнованиях, в течение одного спортивного сезона. Во всех случаях соответствующее внимание должно быть уделено спортивной целостности соревнования. В частности, футболист не может выступать в официальных матчах более чем за 2 клуба, участвующих в одном национальном соревновании или кубке в течение одного сезона, в зависимости от более строгих норм регламентов конкретных соревнований». Решением организатора соревнования (РФС или профессиональной спортивной лигой) будет отказано клубу во внесении в заявку футболиста для участия в соревновании, для которого это будет третий клуб в течение спортивного сезона, равно как и в других случаях, когда целостность соревнований (в данном случае — права других участников соревнования на равное отношение и непредсказуемость спортивного результата) находится под угрозой в результате регистрации футболиста в течение одного спортивного сезона за третий или даже за второй клуб, участвующий в соревнованиях. Мы умышленно привели два близких по содержанию примера регламентирующих норм, чтобы проиллюстрировать, что идентичная цель (защита принципа целостности соревнований) может достигаться благодаря применению мер защиты, имеющих как процессуальную, так и непроцессуальную форму. Закрепление каждой из них во многом является предметом для рассмотрения спортивных организаций в порядке практик лучшего управления¹⁰, но не следствием категорических различий в результатах их применения.

5. Основаниями для применения предупредительных мер выступают как противоправные, так и правомерные факты. Во всех случаях предупредительные меры оказывают принуждение в отношении субъектов спорта для достижения ценностей, защищаемых спортивными организациями. Как показал анализ регламентирующих норм спортивных организаций, необходимые правомерные факты закрепляются в двух вариантах:

- 1) действие субъекта спорта, которое не нарушает регулирование организации, но может представлять риск для защищаемых ценностей спорта;
- 2) действие или бездействие субъекта спорта, создающее угрозу несоблюдения прав других субъектов спорта.

Правомерный факт как основание для применения предупредительной меры возникает в ситуации, когда поведение субъектов спорта не нарушает иные, помимо самой предупредительной меры, нормы спортивной организации, но существует риск несоблюдения фундаментальных принципов права

¹⁰ Например, требуется ли обсуждение применения меры с опорой на юридические принципы-гарантии независимости, объективности и беспристрастности, для чего потребуется включить вопрос в компетенцию органа по обязательному досудебному урегулированию споров в юрисдикции спортивной организации, состоящего из внешних по отношению к ней экспертов.

либо отраслевых принципов спортивного права (к примеру, относящийся к последним принцип «целостность соревнований» дважды фигурировал в приведенных нами примерах регламентирующих норм РФС: ст. 13 (п. 4) и ст. 14 (п. 3) Регламента РФС по статусу и переходам (трансферу) футболистов). Согласно ст. 14 данного акта установление определенных периодов регистрации спортсменов для профессионального и любительского футбола находится во взаимосвязи с закрытым перечнем оснований для включения футболистов в заявки клубов в профессиональных соревнованиях вне периодов либо определении такого порядка регистрации спортсменов для любительских соревнований. Организаторы профессиональных и любительских соревнований по футболу не вправе отказаться от применения периодов регистрации, и поэтому клубы вынуждены соблюдать условия для регистрации игроков вне периода. Срочность периодов регистрации препятствует свободным переходам спортсменов и постоянному доукомплектованию команд, что негативно повлияло бы на защиту принципов справедливости (*англ. fair play*), также относящемуся к принципам спортивного права, и целостности соревнований. Можно ли говорить о справедливости соревнований, когда клубы имеют право постоянно регистрировать игроков на протяжении сезона? Представляется, что нет. Несколько периодов регистрации позволяют сбалансировать проведение соревнования, заставляя команды формировать свой состав осмотрительно и в условиях ограниченного времени, создавая определенную стратегию и следуя ей. Отсутствие периодов регистрации означало бы мгновенное преимущество для клуба, сумевшего получить право включения в заявку высококлассного спортсмена, в сравнении с остальными. Целостность таких соревнований и справедливость участия в них находились бы под сомнением, поскольку спортивная конкуренция была бы заменена конкуренцией финансовых возможностей. Как отметил CAS в одном из решений, «трансферы вне установленных периодов регистрации могут существенно изменить спортивную силу одной или другой команды в ходе чемпионата, что ставит под сомнение сопоставимость результатов команд, участвующих в чемпионате и, следовательно, надлежащее функционирование спортивного соревнования»¹¹.

Правомерные факты, не связанные с риском для принципов права как основания для применения предупредительных мер, также относительно распространены в регламентирующих нормах спортивных организаций. В качестве примера можно привести ст. 6 (п. 6) упоминавшегося выше регламента РФС: «Регистрация трудового договора между клубом и футболистом-профессионалом, изменений и (или) дополнений, дополнительных соглашений (приложений) осуществляется РФС (если иное не будет установлено в соглашении с соответствующей Лигой) по обращению клуба. Каждый клуб обязан представить трудовой договор на регистрацию в РФС в течение 30 календарных

¹¹ Arbitration CAS 2009/A/1957 Fédération Française de Natation (FFN) v. Ligue Européenne de Natation (LEN), award of 5 July 2010, para. 36. URL: <https://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/1957.pdf> (дата обращения: 03.09.2025).

дней с момента заключения трудового договора, внесения в него изменений и (или) дополнений, заключения дополнительных соглашений (приложений) к указанному трудовому договору». Процитированная норма об обязывании клубов представляет собой предупредительную меру, реализуемую на основании правомерного факта — заключения трудового договора, внесения в него изменений и (или) дополнений, заключения дополнительных соглашений (приложений). Преследуемая РФС цель заключается в превенции злоупотреблений клубами-работодателями при вступлении, изменении либо прекращении трудовых отношений с футболистами-профессионалами. Следовательно, нормы спортивных организаций, предоставляющие им контрольные полномочия в отношении субъектов соответствующего вида спорта, также могут рассматриваться в качестве предупредительных.

Противоправный факт как основание для реализации мер защиты в регламентирующих нормах выявить намного сложнее, поскольку неприемлемое поведение всегда охватывается в нормах «спортивными санкциями». Тем не менее если проанализировать перечень мер ответственности, используемых различными спортивными организациями, то некоторые из них возможно преобразовать из «санкций» в предупредительные меры. К таковым мы относим:

- приостановление или запрет на реализацию права либо специального статуса субъекта спорта;
- обязывание к совершению определенного действия.

Во всех случаях цель применения мер — предотвратить возникновение негативных последствий для спортивного правопорядка и соответствующих правоотношений, что преследуется в том числе в случае мер, основанных на правомерных фактах.

6. Предупредительные меры применяются в рамках охранительных правоотношений, обеспечиваемых органами спортивных организаций по текущему управлению, юрисдикционными органами и третейскими судами.

Результаты исследования

Ценность выделения превентивной функции в спортивной ответственности в контексте предупредительных мер заключается в формировании у спортивных организаций (как законодателей и правоприменителей) регламентирующих норм комплексного понимания института правового принуждения в спорте. Меры спортивной ответственности не влекут строго негативные последствия, но должны удерживать как нарушителя, так и других субъектов спорта от повторения неприемлемого поведения. Вероятно, основная роль ожидается от представителей спортивного правосудия, когда выбор меры ответственности и ее размера следует осуществлять с учетом предупредительного эффекта от таковой. Спортивным организациям, использующим максимум нормотворческих возможностей в порядке законодательно гарантированного

принципа саморегулирования¹², потребуется создать условия для гибкости решений. От разработчиков норм и их применителей требуются последовательные и взаимные действия: утверждение предупредительных норм и норм о спортивной ответственности, а также понимание их различающихся и идентичных целей регулирования.

Мы разделяем позиции А. П. Вершинина и С. С. Алексеева, считавших, что мера защиты — это «разновидность признания или присуждения» [5, с. 59], а значит, «принуждение при мерах защиты ограничивается исполнением не выполненной обязанности или устраниением препятствий на пути осуществления субъективных прав и не сопровождается воздействием штрафного характера» [1, с. 283]. Однако поскольку меры защиты включают не только предупредительные, но и правовосстановительные аспекты, то возникает вопрос о разграничении этих видов правовых санкций в спорте. Признание или присуждение права, устранение препятствий к осуществлению права либо исполнение не выполненной обязанности являются правовосстановительными средствами. Как следствие, концепция мер защиты сегодня должна быть дополнена, если придерживаться мнения, что таковые направлены на «пресечение и предупреждение правонарушений, а также на создание безопасных условий для жизнедеятельности человека» [10, с. 112]. Приведенные нами примеры не связаны буквально с созданием безопасных условий для человека, но преследуют цель защиты принципов спортивного права, на которых построены спортивные правоотношения, то есть служат поддержанию равных условий для справедливых соревнований и самореализации спортсменов в их деятельности. Пример, связанный с контрольной функцией РОСК, подтверждает направленность предупредительной меры на пресечение и предупреждение правонарушений, связанных с трудовыми отношениями. Таким образом, предупредительные меры в спорте в первую очередь направлены на:

- создание равных условий для справедливых соревнований и самореализации субъектов спорта в их деятельности;
- предупреждение и пресечение нарушений прав субъектов спорта.

Обе цели превентивных мер достигаются при помощи следующих мер:

1. Перенаправление поведения, оказывающего неприемлемое воздействие на ценность спорта, охраняемую спортивной организацией при помощи фундаментальных принципов права и принципов спортивного права. Ценность спорта не всегда *per se* выражена в регламентирующих нормах, и поэтому возникает пространство для дискуссии: насколько ограничения для определенного поведения субъекта обусловлены разделяемыми всеми в определенном виде спорта (или глобально — во всех видах спорта в целом) ценностями.

2. Поддержание действия норм, которые запрещают определенное поведение субъектов спорта как нарушающее ценности, защищаемые спортивной

¹² П. 3 ст. 3 Федерального закона от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.09.2025).

организацией, но не имеют соответствующих им мер спортивной ответственности.

3. Негативное реагирование на состоявшееся нарушение регламентирующих норм, которое является юридической фикцией отсутствия оснований для спортивной ответственности субъекта.

Профилактика нарушений регламентирующих норм спортивных организаций не связана исключительно с использованием мер спортивной ответственности, имеющих превентивную функцию, но также включает и предупредительные меры защиты. Последние должны выступать в роли универсального инструмента для поддержания ценностей спорта и защиты прав субъектов, но использоваться точечно, в зависимости от их содержания. Очевидно, что не при каждом неприемлемом для спортивной организации поведении субъекта должна последовать предупредительная мера, заменяющая меру спортивной ответственности. Возможна и обратная ситуация, когда внесение фактической превенции в перечень мер ответственности неоправданно лишает или ограничивает конкретного субъекта в спортивных правоотношениях и поэтому является чрезмерным решением в сравнении с возможностью предотвратить при помощи нормы о предупреждении дальнейшие нарушения и снизить риск появления новых негативных последствий. Поэтому следует отказаться от заблуждения о значении спортивной ответственности как универсального средства защиты декларируемых спортивной организацией ценностей и прав субъектов. Сегодня масштаб обращения спортивных организаций к механизму ответственности, при игнорировании мер защиты, видится несоразмерным злоупотреблением ввиду доминирующего статуса создателей спортивного правопорядка.

Применение предупредительных мер в процессуальной и непроцессуальной формах должно идентично соответствовать принципам, применяемым для спортивной ответственности, таким как:

- фундаментальные принципы права, в первую очередь соразмерность и равное отношение (*англ. equal treatment*);
- принципы спортивного права, начиная с целостности спортивных соревнований и спорта.

Поскольку превентивные меры в нашей классификации относятся к спортивным санкциям, то гарантии, распространяемые в их рамках на субъектов спорта, не должны отличаться от спортивной ответственности. Приобретение предупредительными мерами самостоятельного статуса внутри механизма правового принуждения в спортивном праве приведет к формированию в право-применительной практике новых отраслевых принципов, которым должна будет соответствовать превенция в спорте.

Список источников

1. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М.: Юрид. лит., 1981. Т. 1. 359 с.
2. Васильев И. А. Классификация мер принуждения в спортивном праве // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2024. № 3 (55). С. 37–47.

3. Васильев И. А. Принцип целостности спортивных соревнований: в поисках определенности // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8. № 2. С. 60–69.
4. Васильев И. А. Цели спортивных санкций за поведение болельщиков: неоднозначность практики УЕФА в отношении футбольных клубов // Правоприменение. 2023. Т. 7. № 1. С. 93–102.
5. Вершинин А. П. Меры защиты субъективных прав по гражданскому законодательству // Проблемы совершенствования законодательства о защите субъективных гражданских прав: сб. науч. тр. Ярославль: Изд-во Яросл. гос. ун-та, 1988. С. 54–59.
6. Крупник И. А., Огурлу Ю., Онгарбаев Е. А. Совершенствование российского уголовного законодательства о противодействии преступлениям в сфере спорта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12. № 3. С. 604–620.
7. Кури Х., Ильченко О. Ю. Эффективность наказания: результаты международных исследований // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 2 (26). С. 240–256.
8. Липинский Д. А. Взаимодействие функций гражданско-правовой ответственности в предупреждении правонарушений: общетеоретический аспект // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 1. С. 30–40.
9. Липинский Д. А. Об уголовно-процессуальной ответственности // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2010. № 3 (13). С. 261–264.
10. Липинский Д. А., Бессолицын А. Г. О мерах защиты и юридической ответственности // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2010. № 3 (13). С. 109–114.
11. Липинский Д. А., Евдокимов К. Н. Регулятивная функция уголовной ответственности: понятие, структура и взаимосвязь с предупреждением преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 3. С. 520–530.
12. Репьев А. Г., Васильков К. А. «Превенция» как правовая категория: в порядке научной дискуссии // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 2 (133). С. 35–42.
13. Степашин В. М. Содержание принципа экономии репрессии // Lex russica (Русский закон). 2017. № 11 (132). С. 24–37.

References

1. Alekseev S. S. *Obshaya teoriya prava*: v 2 t. M.: Jurid. lit., 1981. T. 1. 359 s.
2. Vasiliev I. A. *Klassifikatsiya mer prinuzhdeniya v sportivnom prave* // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2024. № 3 (55). S. 37–47.
3. Vasiliev I. A. *Printsip tselostnosti sportivnyh sorevnovanij: v poiskah opredelennosti* // Juridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. 2022. Т. 8. № 2. S. 60–69.
4. Vasiliev I. A. *Tseli sportivnyh sanktsij za povedenie bolel'shhikov: neodnoznachnost' praktiki UEFA v otnoshenii futbol'nyh klubov* // Pravoprimenenie. 2023. Т. 7. № 1. S. 93–102.
5. Vershinin A. P. *Mery zashity sub'ektivnyh prav po grazhdanskому zakonodatelstvu. Problemy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva o zashite sub'ektivnyh grazhdanskih prav*: sb. nauch. tr. Yaroslavl: Izd-vo Yarosl. gos. un-ta, 1988. S. 54–59.
6. Krupnik I. A., Ogurlu Yu., Ongarbaev E. A. *Sovershenstvovanie rossiskogo ugolovnogo zakonodatel'stva o protivodejstvii prestupleniyam v sfere sporta* // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2021. Т. 12. № 3. S. 604–620.

-
7. Kuri H., Ilchenko O. Yu. Effektivnost' nakazaniya: rezul'taty mezhdunarodnyh issledovanij // Aktual'nye problemy ekonomiki i prava. 2013. № 2 (26). S. 240–256.
 8. Lipinskij D. A. Vzaimodejstvie funktsij grazhdansko-pravovoij otvetstvennosti v preduprezhdenii pravonarushenij: obshhetorecheskij aspekt // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2019. T. 13. № 1. S. 30–40.
 9. Lipinskij D. A. Ob ugolovno-protsessual'noj otvetstvennosti // Vektor nauki TGU. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2010. № 3 (13). S. 261–264.
 10. Lipinskij D. A., Bessolitsyn A. G. O merah zashhity i yuridicheskoy otvetstvennosti // Vektor nauki TGU. Seriya: Yuridicheskie nauki. №3 (13). 2010. S. 109–114.
 11. Lipinskij D. A., Evdokimov K. N. Regulyativnaya funktsiya ugolovnoj otvetstvennosti: ponyatie, struktura i vzaimosvyaz' s preduprezhdeniem prestupnosti // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2017. T. 11, № 3. S. 520–530.
 12. Rep'ev A. G., Vasilkov K. A. «Preventsija» kak pravovaya kategorija: v poryadke nauchnoj diskussii // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. 2020. № 2 (133). S. 35–42.
 13. Stepashin V. M. Soderzhanie printsipa ekonomii repressii // Lex russica (Russkij zakon). 2017. № 11 (132). S. 24–37.

Статья поступила в редакцию: 18.07.2025;
одобрена после рецензирования: 18.08.2025;
принята к публикации: 05.09.2025.

The article was submitted: 18.07.2025;
approved after reviewing: 18.08.2025;
accepted for publication: 05.09.2025.

УДК 343.8,343.85

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-460-82-93

Л. Б. Смирнов

Российский государственный педагогический университет

им. А. И. Герцена,

Санкт-Петербург, Российская Федерация,

lbs1958@yandex.ru

ПЕНИТЕНЦИАРНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С ОСУЖДЕННЫМИ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Аннотация. Целью статьи является комплексный анализ пенитенциарно-правовых основ воспитательной работы с осужденными, включая историческую эволюцию концепций, современные принципы, направления и формы, а также их нормативное закрепление. Автор исследует нормативно-правовую базу, принципы и методы воспитательной работы, а также их роль в исправлении осужденных. Особое внимание уделяется трансформации концепций воспитательной работы: от дореволюционных нравственно-религиозных моделей и советской идеологово-воспитательной системы до современных гуманистически-адаптационных подходов.

Ключевые слова: воспитательная работа; осужденные; исправительные учреждения; исправление; ресоциализация; уголовно-исполнительное право; пенитенциарная педагогика.

UDC 343.8,343.85

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-460-82-93

L. B. Smirnov

The Herzen State Pedagogical University of Russia,

St. Petersburg, Russian Federation,

lbs1958@yandex.ru

PENITENTIARY AND LEGAL BASES OF EDUCATIONAL WORK WITH CONVICTS IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS

Abstract. The purpose of the article is a comprehensive analysis of the penitentiary and legal foundations of educational work with convicts, including the historical evolution of concepts, modern principles, directions and forms, as well as their normative consolidation. The author explores the legal framework, principles and methods of educational work, as well as their role in the correction of convicts. Special attention is paid to the transformation of educational work concepts: from pre-revolutionary moral and religious models and the Soviet ideological and educational system to modern humanistic and adaptive approaches.

Keywords: educational work; convicts; correctional institutions; correction; re-socialization; penal enforcement law; penitentiary pedagogy.

Введение

Воспитательная работа с осужденными является одним из ключевых элементов пенитенциарной системы, направленным на их исправление и подготовку к жизни в обществе после освобождения. В условиях лишения свободы воспитательный процесс приобретает особую значимость, поскольку он не только способствует коррекции асоциальных установок, но и минимизирует риски рецидивной преступности.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования правовых и пенитенциарных основ воспитательной работы в исправительных учреждениях в контексте современных вызовов, включая рост рецидивов, распространение криминальной субкультуры. Несмотря на наличие значительного научного наследия в области пенитенциарии, многие аспекты организации воспитательного процесса требуют дальнейшей теоретической разработки и нормативного уточнения.

Методы исследования

Методологический подход, примененный в данном исследовании, представляет собой комплексное междисциплинарное сочетание юридического, педагогического и исторического анализа, что позволило рассмотреть воспитательную работу с осужденными в многоаспектном ключе. Историко-правовой метод дал возможность проследить эволюцию концепций воспитательной работы в российской пенитенциарной системе с дореволюционных нравственно-религиозных моделей, советской идеолого-политической системы воспитания и до современных гуманистически-адаптационных подходов. Этот метод выявил как преемственность, так и кардинальные изменения в пенитенциарной педагогике, продемонстрировав прямую зависимость особенностей воспитания от господствующей государственной идеологии.

Сравнительно-правовой метод использован для анализа нормативных актов различных исторических периодов — дореволюционное тюремное законодательство, советские исправительно-трудовые кодексы, современное уголовно-исполнительное законодательство. Такой анализ позволил выявить устойчивую тенденцию перехода от жесткой регламентации к более гибким технологиям при сохранении базовых режимных требований, а также усиление акцента на дифференцированный и социально-адаптационный подход в современной пенитенциарной системе.

Системный анализ применяется для рассмотрения воспитательной работы как сложной многоуровневой системы, включающей нормативно-правовой, организационный и содержательный компоненты. Этот метод позволил исследовать взаимосвязи между различными элементами системы.

Формально-юридический метод направлен на детальное толкование норм Уголовно-исполнительного кодекса РФ (УИК РФ), регулирующих воспитательную

работу, а также на анализ подзаконных актов. Полученные результаты, в частности, легли в основу предложений по совершенствованию законодательства.

Социолого-педагогический подход включает анализ научных трудов ведущих специалистов в области пенитенциарной педагогики для оценки эффективности современных воспитательных практик.

Комплексное применение указанных методов обеспечило всесторонний анализ пенитенциарно-правовых основ воспитательной работы, позволив не только реконструировать историческую динамику ее развития в российской пенитенциарной системе, но и выявить актуальные правовые и организационные проблемы. Полученные результаты обосновывают необходимость дальнейшего развития новых подходов с учетом современных социальных реалий, что имеет существенное значение как для теории уголовно-исполнительного права, так и для практической деятельности по исправлению осужденных.

Основное исследование

Воспитание представляет собой фундаментальный социальный институт, выполняющий ключевую роль в процессе социализации личности и трансляции культурных норм. Как сложный многоаспектный феномен, оно направлено на целенаправленное формирование когнитивных, поведенческих и ценностных структур индивида, обеспечивая усвоение необходимых для общественной жизни компетенций и поведенческих паттернов.

В контексте пенитенциарной системы воспитательный процесс приобретает особую значимость, выступая в качестве важнейшего элемента исправления лиц, осужденных за совершение преступлений.

Историко-культурный анализ показывает, что специфика воспитательной работы в исправительных учреждениях детерминирована господствующими в каждую конкретную эпоху представлениями о природе преступного поведения и возможностях исправления личности.

Современные исследования в области пенитенциарии подчеркивают, что эффективность воспитательных практик в местах лишения свободы напрямую коррелирует с их способностью формировать просоциальные установки и ценностные ориентации, что в конечном итоге способствует снижению рецидивной преступности и успешной реинтеграции бывших осужденных в общество.

В дореволюционный период российские ученые-пенитенциаристы разрабатывали концепции воспитательного воздействия на осужденных, закладывая теоретические основы исправительной системы.

Н. С. Таганцев, анализируя пределы воспитательного потенциала тюрьмы, выделял ее двойственную функцию: общественную охрану через изоляцию преступника и ограниченное исправительное воздействие. Он подчеркивал, что тюрьма способна содействовать гражданско-патриотическому, но не нравственному перерождению, формируя у заключенных дисциплину, трудовые навыки, самоконтроль и расширяя

их интеллектуальный кругозор [13, с. 211]. Центральное место в его концепции занимало нравственно-религиозное воспитание, осуществляемое тюремным духовенством.

И. Я. Фойницкий в труде «Учение о наказании в связи с тюремоведением» (1889) предложил теорию исправительного наказания, акцентируя необходимость индивидуализации воспитательных мер [14, с. 154]. Его подход представлял собой синтез правовых, педагогических и социальных аспектов, знаменуя переход от карательной парадигмы к исправительной. Фойницкий обосновал идею, что тюремное заключение должно не только изолировать, но и исправлять преступника, это стало новаторством для пенитенциарной мысли того времени.

Д. А. Дриль развивал психолого-педагогический подход, рассматривая преступника как объект исправительного воздействия. В работе «Преступность и преступники» (1899) он аргументировал применение медико-педагогических мер, направленных на коррекцию отклоняющегося поведения [5, с. 72]. Его идеи были продолжены С. К. Гогелем, который в «Курсе тюремоведения» (1910) уделял особое внимание профессиональному обучению и нравственному воспитанию как ключевым элементам воспитания [2, с. 203].

А. П. Саломон в «Очерках тюремоведения» (1912) систематизировал воспитательные практики, предложив комплексную модель, включавшую религиозно-нравственное воздействие, общеобразовательное обучение, профессиональную подготовку и трудовое воспитание [12, с. 98]. Его подход отражал стремление к всестороннему развитию личности осужденного.

С. В. Познышев углубил психологическую составляющую пенитенциарной педагогики, акцентируя формирование альтруистических и новых жизненных установок у заключенных [10, с. 27]. Он рассматривал тюремное воспитание как процесс развития качеств, противодействующих криминальным склонностям, через религиозное просвещение, чтение и интеллектуальное развитие.

Таким образом, российские ученые конца XIX – начала XX века заложили теоретико-методологические основы исправительной системы, сочетая правовые, педагогические и психологические подходы. Их идеи отражали эволюцию от карательной к исправительной парадигме, подчеркивая роль воспитания, труда и образования в ресоциализации осужденных. Несмотря на различия в акцентах, их объединяла вера в возможность преобразования личности преступника через систематическое воспитательное воздействие, что оказало значительное влияние на развитие отечественной пенитенциарной мысли.

В советской пенитенциарной системе воспитательная работа с осужденными претерпела значительные изменения, отражая идеологическую и социально-политическую трансформацию государства. Начиная со второй половины 1950-х годов в научной литературе и нормативных актах закрепился термин «политико-воспитательная работа», под которым понимался комплекс идеологических, просветительских, культурно-массовых и физкультурно-спортивных мероприятий, направленных на ресоциализацию лиц, лишенных свободы. Как отмечал М. Г. Детков, данная деятельность представляла собой систему

мер, призванных утверждать политические ценности социалистического общества и формировать у осужденных лояльность к советскому государственному строю [4, с. 77].

Основные задачи политico-воспитательной работы включали искоренение пережитков «буржуазного» и «уголовно-преступного» сознания, воспитание уважения к советским законам, привитие трудовой этики, а также повышение общего культурного уровня осужденных. В более широком контексте политico-воспитательная работа была нацелена на деконструкцию криминальной субкультуры, включая развенчание воровских «законов», борьбу с антисоциальными установками, формирование способности к саморефлексии и раскаянию в совершенных преступлениях.

Методологически политico-воспитательная работа структурировалась по нескольким направлениям, реализуемым через разнообразные формы и средства. К числу наиболее распространенных относились лекции и доклады на политические, правовые и морально-этические темы, читательские конференции, диспуты, радиопередачи, выпуск стенгазет, а также индивидуальные и групповые беседы. Особое значение придавалось культурно-массовой и физкультурно-спортивной работе, которая должна была способствовать эстетическому развитию и физическому оздоровлению осужденных. В исправительных учреждениях широко практиковались клубные мероприятия, кружковая деятельность, библиотечное обслуживание, киновечера, художественная самодеятельность, тематические концерты и выставки.

Таким образом, политico-воспитательная работа в советских исправительно-трудовых учреждениях представляла собой сложный, многоаспектный процесс, сочетавший идеологическую индоктринацию с культурно-просветительскими и спортивно-оздоровительными мероприятиями. Несмотря на существенные различия с дореволюционными подходами, общим оставалось стремление к трансформации личности осужденного, хотя методы и конечные цели этой трансформации кардинально изменились в соответствии с новой государственной парадигмой.

В период либерализации российского общества ключевым ориентиром воспитания стала идея индивидуальной свободы, признания самоценности личности и ее разностороннего развития с опорой на индивидуальные способности и дарования. Эти изменения существенно повлияли на содержание воспитательного процесса в пенитенциарных учреждениях: традиционная политico-воспитательная работа уступила место воспитательным мерам, основанным на либеральных принципах.

Однако, несмотря на смену идеологической парадигмы, институциональная структура и виды воспитательной деятельности сохранили преемственность. Как отмечает В. И. Поздняков, воспитательная работа представляет собой систематическую деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы, представителей государственных и общественных организаций, а также самодеятельных объединений осужденных, направленную на их нравственное, правовое,

трудовое и физическое развитие, что в конечном итоге способствует исправлению и успешной ресоциализации [9, с. 45]. Аналогичной позиции придерживается М. С. Рыбак, определяя воспитательную работу как целенаправленную психолого-педагогическую деятельность, осуществляющую сотрудниками исправительных учреждений и общественными организациями с целью коррекции ценностных ориентаций осужденных, формирования у них правопослушного поведения и устойчивых социально приемлемых установок [11, с. 112].

Таким образом, несмотря на трансформацию идеологических оснований, воспитательная работа в пенитенциарной системе сохраняет свою институциональную устойчивость, оставаясь ключевым инструментом исправления осужденных.

Современные российские ученые вносят существенные коррективы в понимание сущности воспитательной работы в исправительных учреждениях.

Так, В. М. Анисимков рассматривает воспитательную работу как специфический вид социальной практики, сочетающий элементы принуждения и педагогического воздействия, направленный на ресоциализацию личности осужденного [1, с. 78]. Он отмечает, что современная воспитательная система в местах лишения свободы должна базироваться на принципах гуманизма, учитывая при этом требования безопасности и режимные ограничения.

Интересный подход предлагает О. Г. Ковалев, который рассматривает воспитательную работу через призму социального обучения. По его мнению, воспитательный процесс в исправительных учреждениях представляет собой организованную систему социального обучения, направленную на формирование у осужденных навыков законопослушного поведения и социально одобряемых способов удовлетворения потребностей [7, с. 45]. Этот подход акцентирует внимание на практической составляющей воспитания, его прикладном характере.

Другие современные исследователи (И. В. Горобцов, А. А. Романов) особо подчеркивают необходимость комплексного подхода к организации воспитательной работы, который должен включать: психолого-педагогическую диагностику личности осужденного; индивидуальное и групповое воспитательное воздействие; организацию социально полезной деятельности; подготовку к освобождению и постпенитенциарное сопровождение [3, с. 56–59].

Заслуживает внимания концепция воспитательного пространства, разрабатываемая М. Н. Каплуновым. Автор рассматривает воспитательную работу как специально организованную среду, создающую условия для позитивной трансформации личности осужденного через систему педагогически целесообразных воздействий и социальных практик [6, с. 34]. Этот подход подчеркивает важность создания целостной воспитательной системы, а не отдельных мероприятий.

Современные нормативные документы, такие как Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года, отражают эти научные подходы, определяя воспитательную работу как систему педагогически обоснованных мер, направленных на формирование у осужденных правопослушного поведения, профессиональных навыков и социально полезных связей.

Анализ современных научных подходов позволяет определить воспитательную работу в местах лишения свободы как комплексную, многоуровневую систему психолого-педагогического воздействия, сочетающую элементы принуждения и добровольности, направленную на исправление осужденных и их подготовку к жизни в обществе после освобождения. Современные авторы подчеркивают необходимость дальнейшего развития гуманистических подходов в воспитательной работе при сохранении ее специфики как элемента пенитенциарной системы.

Таким образом, в российской пенитенциарной системе сформировалась многоаспектная система подходов к воспитательной работе с осужденными, отражающая как историческую эволюцию, так и методологическое разнообразие. Дореволюционный период характеризовался доминированием нравственно-религиозного подхода, ориентированного на духовное перерождение через дисциплину и трудовое воспитание, и исправительно-педагогического направления, акцентирующего необходимость индивидуального воздействия.

В советскую эпоху утвердилась идеолого-воспитательная модель, где приоритет отдавался политической индоктринации и борьбе с криминальной субкультурой. Современный этап развития пенитенциарной системы основывается на гуманистически-адаптационном подходе, который сочетает задачи ресоциализации с учетом личностных особенностей осужденных и соблюдением режимных требований.

Содержательное наполнение воспитательной работы включает три ключевых аспекта: нормативно-правовой, обеспечивающий законодательное регулирование воспитательного процесса; социально-педагогический, направленный на формирование правопослушного поведения; психолого-коррекционный, предполагающий использование диагностических методик и разработку индивидуальных программ воздействия.

В организационном плане выделяются: системная модель, рассматривающая воспитание как комплексное психолого-педагогическое воздействие; средовой подход, акцентирующий значение специально организованного воспитательного пространства; деятельностьная концепция, делающая упор на практико-ориентированном обучении социально одобряемым формам поведения.

Целевые ориентиры воспитательной работы в местах лишения свободы охватывают три взаимосвязанных направления: исправительное, предполагающее коррекцию ценностных ориентаций и поведенческих моделей; адаптационное, обеспечивающее подготовку к жизни в обществе после освобождения; профилактическое, нацеленное на предупреждение рецидивной преступности через формирование устойчивых антикриминальных установок.

Историческая динамика подходов к воспитательной работе демонстрирует последовательный переход от морально-религиозных концепций к современным комплексным моделям, интегрирующим достижения юридической науки, педагогики и психологии в единую систему пенитенциарного воздействия.

Воспитательная работа с осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы, базируется на двух взаимосвязанных системах принципов: правовых, закрепленных в уголовно-исполнительном законодательстве, и педагогических, отражающих специфику исправительного воздействия.

Правовая основа воспитательного процесса обусловлена общими принципами уголовно-исполнительного права, которые, хотя и не являются исключительными для данного института, приобретают особую значимость в контексте исправления осужденных. К ним относятся общеправовые принципы законности, гуманизма, демократизма и равенства осужденных перед законом; межотраслевой принцип дифференциации и индивидуализации исполнения наказания; отраслевые принципы, такие как соединение наказания с исправительным воздействием, рациональное применение мер принуждения и стимулирование правопослушного поведения.

Вместе с тем воспитательная работа в исправительных учреждениях представляет собой педагогический процесс, требующий учета уже сформировавшихся взглядов, убеждений и поведенческих стереотипов осужденных. В связи с этим в пенитенциарной науке и практике выделяется ряд специфических принципов, направленных на эффективное исправительное воздействие.

Одним из них является принцип минимальной исправимости, вытекающий из положений ст. 9 УИК РФ. Он предполагает, что даже при отсутствии полного нравственного перевоспитания осужденного возможно достижение минимального уровня ресоциализации, выражющегося в законопослушном поведении и адаптации к социальным нормам. Данный принцип исходит из позиции, что не существует абсолютно неисправимых преступников, а потому воспитательная работа должна проводиться в отношении всех категорий осужденных, включая тех, кто отбывает пожизненное лишение свободы.

Важнейшим элементом исправительного процесса выступает принцип сочетания убеждения и принуждения, отражающий диалектическое единство методов воздействия на осужденных. Принуждение, являясь неотъемлемой частью уголовного наказания, не сводится исключительно к карательным мерам, а включает в себя иные формы воздействия, такие как обязательное обучение или трудовая деятельность. Убеждение, в свою очередь, смягчает негативные последствия принуждения, способствуя формированию осознанного правопослушного поведения. Этот принцип находит отражение в нормах УИК РФ, регулирующих применение мер поощрения и взыскания, и подчеркивает, что эффективное исправление возможно лишь при гармоничном сочетании обоих методов.

Принцип комплексности средств исправительного процесса предполагает системное использование всех доступных методов воспитательного воздействия, включая нравственное, правовое, трудовое и иные направления. Такой подход позволяет всесторонне влиять на личность осужденного, способствуя его ресоциализации.

Не менее значим принцип развития общественно полезной инициативности, направленный на формирование у осужденных активной жизненной позиции и стремления к саморазвитию.

Особое место занимает принцип преемственности и непрерывности пенитенциарных и постпенитенциарных мер, который нацелен на обеспечение последовательности воспитательного воздействия не только в период отбывания наказания, но и после освобождения. Это способствует снижению риска рецидива и облегчает процесс социальной реинтеграции.

Принцип подчинения правового регулирования исполнения наказания задаче исправления означает, что вся деятельность исправительных учреждений, включая производственно-хозяйственные аспекты, должна быть ориентирована на достижение основной цели — перевоспитания осужденных. В этом контексте принцип целеустремленности требует планомерного и организованного применения воспитательных мероприятий с учетом индивидуальных особенностей осужденных и условий отбывания наказания.

Ключевое значение в воспитательной работе имеет принцип опоры на положительное, основанный на вере в возможность исправления каждого осужденного. Этот подход предполагает поощрение позитивных изменений в личности и поведении, что способствует формированию мотивации к самосовершенствованию. В то же время важным остается критическое отношение к негативным проявлениям, требующее своевременного педагогического вмешательства.

Таким образом, эффективность воспитательной работы в исправительных учреждениях определяется синтезом правовых и педагогических принципов, обеспечивающих комплексное воздействие на осужденных.

Воспитательная работа, регламентируемая ст. 110 (часть 1) УИК РФ, представляет собой комплексное воздействие, направленное на исправление осужденных через различные аспекты воспитания: нравственное, правовое, трудовое, эстетическое, физическое и иные.

Центральное место в системе воспитательной работы занимает нравственное воспитание, направленное на формирование духовно зрелой личности, обладающей такими качествами, как патриотизм, гражданская ответственность, честность, гуманность и самоуважение.

Без акцента на нравственное и духовное развитие осужденных уголовно-исполнительная система рискует утратить исправительную функцию наказания, сводя его лишь к карательному воздействию.

Важнейшим элементом воспитательной работы является индивидуальный подход, позволяющий учитывать личностные особенности осужденного, его психологические и физиологические характеристики, социальное положение. Это способствует выработке оптимальной тактики воспитательного воздействия, определению его этапов и конечных целей. Особое внимание уделяется искоренению проявлений криминальной субкультуры, включая использование уголовного жаргона, воровской идеологии и иных асоциальных поведенческих моделей.

Правовое воспитание нацелено на формирование у осужденных устойчивой правовой культуры и установки на законопослушное поведение. Оно включает не только передачу юридических знаний, но и развитие уважения к закону как к социальной норме.

В исправительных учреждениях используются различные формы правового воспитания, такие как юридические консультации, лекции с участием адвокатов и представителей правоохранительных органов, правовые школы, а также организация открытых судебных заседаний.

Трудовое воспитание играет ключевую роль в процессе ресоциализации осужденных, способствуя не только приобретению профессиональных навыков, но и формированию ответственного отношения к труду, дисциплинированности, социальной активности и коллективизма. Трудовая деятельность рассматривается не как средство наказания или экономии бюджетных средств, а как важный фактор социальной адаптации, позволяющий осужденным интегрироваться в общество после освобождения. Воспитательный потенциал труда заключается в его способности формировать сознательное отношение к общественно полезной деятельности, развивать самодисциплину и способствовать нравственному оздоровлению личности.

Таким образом, комплексный подход к воспитательной работе в исправительных учреждениях, сочетающий нравственное, правовое и трудовое воздействие, является необходимым условием эффективного исправления осужденных и их подготовки к жизни в правопослушном обществе.

Следует отметить, что в современной пенитенциарной науке неоднократно поднимался вопрос о необходимости четкой правовой регламентации концептуальных основ воспитательной работы как важнейшего элемента уголовно-исполнительной системы [8]. Однако, как свидетельствует анализ действующего УИК РФ, понятие «воспитательная работа» до настоящего времени не получило достаточного нормативного закрепления, что создает определенные правовые лакуны в данной сфере.

Значительным шагом в направлении систематизации и правового оформления воспитательной деятельности в исправительных учреждениях стало принятие приказа Минюста России № 350 от 29 ноября 2023 года, который утвердил порядок осуществления социальной и воспитательной работы с осужденными. Данный нормативный акт, разработанный в соответствии с Федеральным законом «О пробации в Российской Федерации», закрепляет комплексный подход к ресоциализации, социальной адаптации и реабилитации лиц, отбывающих наказание. Особого внимания заслуживает глава IV порядка, посвященная организации воспитательной работы с осужденными к лишению свободы.

Согласно положениям пункта 77 указанного документа воспитательная деятельность в исправительных учреждениях должна осуществляться на дифференцированной основе с учетом типа учреждения, срока наказания и условий содержания. Методический арсенал включает индивидуальные (персональные беседы, аттестации, прием по личным вопросам), групповые (лекционные занятия, дискуссионные формы работы, кружковая деятельность) и массовые формы воздействия (культурно-просветительские мероприятия, спортивные состязания, информационные программы). При этом администрации

исправительных учреждений, в особенности сотрудникам воспитательных служб, предоставляется значительная степень свободы в выборе педагогических методов и технологий, что позволяет творчески адаптировать воспитательный процесс к конкретным условиям, не нарушая при этом требований законодательства и режимных норм.

Результаты исследования

Проведенное исследование пенитенциарно-правовых основ воспитательной работы с осужденными в исправительных учреждениях позволило сформулировать следующие выводы:

1. Историческая эволюция подходов к воспитательной работе демонстрирует переход от религиозно-нравственных моделей (дореволюционная эпоха) и идеолого-политического воспитания (советский период) к современным гуманистически-адаптационным концепциям, ориентированным на ресоциализацию, социальную реабилитацию и индивидуальный подход.
2. Ключевые принципы воспитательного воздействия включают сочетание правовых и педагогических аспектов, что обеспечивает баланс между карательной и исправительной функциями наказания.
3. Основные направления воспитательной работы формируют целостную систему исправления, способствующую формированию просоциальных установок, правовой культуры и трудовых навыков у осужденных.
4. Современные нормативные изменения уголовно-исполнительного законодательства способствуют систематизации воспитательной деятельности, внедрению дифференцированных подходов и расширению методического инструментария, однако требуют дальнейшей детализации и адаптации к индивидуальным особенностям осужденных.
5. Необходимость дальнейшего совершенствования правового регулирования и методик воспитательной работы обусловлена актуальными вызовами, такими как высокий уровень рецидивной преступности, распространение криминальной субкультуры и недостаточная эффективность отдельных средств и форм воспитательного воздействия.

Список источников

1. Белова Е. Ю., Белов В. И. К вопросу об основных направлениях воспитательной работы с осужденными к лишению свободы // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Томск, 27–28 октября 2022 года). Вып. 10. Томск: Томский институт повышения квалификации работников Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. С. 227–232.
2. Детков М. Г. Содержание карательной политики Советского государства и ее реализация при исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы в тридцатые – пятидесятые годы. Домодедово: РИПК работников МВД России, 1992. 156 с.

3. Дриль Д. А. Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. СПб.: Изд. юрид. кн. магазина Н. К. Мартынова, 1899. 348 с.
4. Маликов Б. З. Воспитательная работа в системе основных средств исправления осужденных: современные тенденции // Уголовно-исполнительное право. 2022. Т. 17. № 3. С. 320–325.
5. Познышев С. В. Очерки тюрьмоведения. М.: Г. А. Леман и Б. Д. Плетнев, 1915. 296 с.
6. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции: часть общая: в 2 т. М.: Наука, 1994. Т. 1. 419 с.
7. Тищенко Ю. Ю., Самойлова А. А. Задачи и содержание воспитательной работы с осужденными // Право и государство: теория и практика. 2023. № 11 (227). С. 412–413.
8. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб.: Тип. М-ва путей сообщения, 1889. 504 с.

References

1. Belova, E. Yu., Belov V. I. K voprosu ob osnovnyh napravleniyah vospitatelnoj raboty s osuzhdennymi k lisheniyu svobody // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pedagogika, psikhologiya i pravo: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. (Tomsk, 27–28 oktyabrya 2022 goda). Vyp. 10. Tomsk: Tomskij institut povysheniya kvalifikatsii rabotnikov Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2022. S. 227–232.
2. Detkov M. G. Soderzhanie karatel'noy politiki Sovetskogo gosudarstva i ee realizatsiya pri ispolnenii ugolovnogo nakazaniya v vide lisheniya svobody v tridsatye – pyatidesyatye gody. Domodedovo: RIPK rabotnikov MVD Rossii, 1992. 156 s.
3. Dril' D. A. Prestupnost' i prestupniki. Uchenie o prestupnosti i merakh bor'by s neyu. SPb.: Izd. yurid. kn. magazina N. K. Martynova, 1899. 348 s.
4. Malikov B. Z. Vospitatel'naya rabota v sisteme osnovnykh sredstv ispravleniya osuzhdennykh: sovremennye tendentsii // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. 2022. Т. 17. № 3. С. 320–325.
5. Poznyshev S. V. Ocherki tyur'movedeniya. M.: G. A. Leman i B. D. Pletnev, 1915. 296 s.
6. Tagantsev N. S. Russkoe ugolovnoe pravo: Lektsii: chast' obshchaya: v 2 t. M.: Nauka, 1994. Т. 1. 419 с.
7. Tishchenko Yu. Yu., Samoilova A. A. Zadachi i soderzhanie vospitatelnoj raboty s osuzhdennymi // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2023. № 11 (227). S. 412–413.
8. Foynitskiy I. Ya. Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniem. SPb.: Tip. M-va putey soobshcheniya, 1889. 504 s.

УДК 340.13
DOI: 10.24412/2076-9113-2025-460-94-103

М. М. Степанов

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российской Федерации,
stepanovtao@mail.ru

П. В. Соловьев

Полоцкий государственный университет им. Евфросинии Полоцкой,
Новополоцк, Республика Беларусь,
p.solovjov@psu.by

И. В. Шахновская

Полоцкий государственный университет им. Евфросинии Полоцкой,
Новополоцк, Республика Беларусь,
i.shakhnovskaya@psu.by

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. Цель исследования — рассмотреть текущее состояние нормативного регулирования правотворческой деятельности в России и предложить способы его совершенствования. В современных условиях значение правотворчества существенно возросло. Переход к шестому технологическому укладу и активное внедрение цифровых технологий, в том числе технологий искусственного интеллекта (ИИ), привели к резкому ускорению развития общественных отношений, что требует принципиально новых подходов к их упорядочению. В настоящее время адекватное правовое регулирование подразумевает не только наличие качественных нормативных актов, но и их своевременное принятие. Решение проблемы повышения эффективности и ускорения правотворческой деятельности возможно путем совершенствования ее нормативного регулирования. В связи с этим предлагается принять федеральный закон, регламентирующий основные аспекты правотворчества в России, понятие и систему нормативных актов, а также основные положения отечественной юридической техники. При проектировании российского «закона о законах» следует использовать имеющийся отечественный опыт, а также опыт Республики Беларусь.

Ключевые слова: правотворчество; нормотворчество; правотворческая деятельность; нормативное регулирование; законодательный акт; федеральный закон.

UDC 340.13

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-460-94-103

M. M. Stepanov

Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation,
stepanovtao@mail.ru

P. V. Solov'yev

Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk,
Novopolotsk, Republic of Belarus,
E-mail: p.solovjov@psu.by

I. V. Shakhnovskaya

Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk,
Novopolotsk, Republic of Belarus,
E-mail: i.shakhnovskaya@psu.by

IMPROVEMENT OF NORMATIVE REGULATION OF THE LAW-MAKING ACTIVITIES IN RUSSIA IN MODERN CONDITIONS

Abstract. The purpose of the study is to examine the current state of regulatory regulation of law-making activities in Russia and propose ways to improve it. In modern conditions, the importance of law-making has increased significantly. The transition to the Sixth Technological Order and the active introduction of digital technologies, including artificial intelligence (AI) technologies, have led to a sharp acceleration in the development of public relations, which requires fundamentally new approaches to their streamlining. Currently, adequate legal regulation implies not only the availability of high-quality regulations, but also their timely adoption. The solution to the problem of increasing the efficiency and acceleration of law-making activities is possible by improving its regulatory regulation. In this regard, it is proposed to adopt a federal law regulating the main aspects of law-making in Russia, the concept and system of normative acts, as well as the main provisions of domestic legal technology. When designing the Russian “law on laws”, the existing domestic experience, as well as the experience of the Republic of Belarus, should be used.

Keywords: law-making; rulemaking; law-making activities; normative regulation; legislative act; federal law.

Введение

Правотворчество является одним из основных направлений деятельности государства. Оно представляет собой определенный юридический процесс, процессуально-правовую деятельность, результатом которой является подготовка и опубликование нормативных правовых актов. В современных условиях значение правотворческой

деятельности существенно возросло [7]. Переход к шестому технологическому укладу и активное внедрение цифровых технологий, в том числе технологий ИИ, привели к резкому ускорению развития общественных отношений, что требует принципиально новых подходов к их упорядочению [6; 4; 1]. В настоящее время адекватное правовое регулирование подразумевает не только наличие качественных нормативных актов, но и их своевременное принятие [5; 8]. Решение проблемы повышения эффективности и ускорения правотворческой деятельности возможно различными путями. Одним из них является совершенствование ее нормативного регулирования. Учитывая, что в Российской Федерации отсутствует системная регламентация в этой сфере и процедура правотворчества урегулирована значительным количеством актов, принятых в разное время различными субъектами, их систематизация при минимальных затратах может дать максимальный положительный эффект.

Методы исследования

Методология исследования включает диалектический подход, общенаучные (системный, анализ, синтез, дедукция, индукция и др.) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой и др.) методы.

Основное исследование

Нормативное регулирование правотворческой деятельности уже достаточно длительное время является важным направлением деятельности государства. Можно констатировать, что в системе законодательства формируется самостоятельное структурное подразделение — «законодательство о законодательстве», представляющее собой крупный массив правовых норм. При этом фрагментарное регулирование правотворческих отношений, которое осуществлялось в начале XXI века, уходит в прошлое. В современных условиях ему на смену приходит создание крупных систематизированных законодательных актов, достаточно детально регулирующих правотворческую процедуру.

В Российской Федерации такой закон отсутствует. Правотворческая деятельность регламентируется значительным количеством разрозненных нормативных актов, принятых на различных уровнях публичной власти. Большое их количество принято на федеральном уровне. В первую очередь они направлены на регулирование нормотворчества федеральных государственных органов. Также они закрепляют основы правотворческой деятельности иных субъектов, относящихся к региональным и муниципальным уровням власти.

Базисные положения правотворческой деятельности установлены Конституцией Российской Федерации¹: ст. 104–108 закрепляют основные стадии законодательного процесса РФ [2], а ст. 134–137 — процедуру внесения поправок и пересмотра Основного Закона. Например, ст. 104 осуществляет правовое регулирование первой стадии законотворчества — стадии законодательной инициативы; ст. 105 и 106 закрепляют положения, связанные с принятием и одобрением федеральных законов; ст. 107 устанавливает процедуру подpisания и обнародования федеральных законов; ст. 108 определяет особенности принятия федеральных конституционных законов.

Особенности правотворчества, обусловленные отраслевой принадлежностью законодательных актов, установлены в ряде федеральных законов². Например, разделы V–VII части III Бюджетного кодекса Российской Федерации³ содержат положения о составлении, рассмотрении и утверждении законов о бюджете, ст. 2 — об особенностях внесения в него изменений, приостановлении, отмене и признании утратившими силу его положений, а ст. 83 — о содержании нормативных правовых актов, предусматривающих увеличение расходных обязательств бюджетов, и порядке вступления их в силу.

Акты президента РФ занимают особое место в системе отечественных нормативных правовых актов. Регулирование его правотворческой деятельности осуществляется, прежде всего, Конституцией РФ. В ее ст. 90 закрепляются основные положения, связанные с нормотворческими полномочиями президента РФ, который вправе издавать указы и распоряжения, не противоречащие Конституции и федеральным законам.

На подзаконном уровне важнейшими федеральными нормативными правовыми актами, регулирующими правотворческую деятельность, являются регламенты органов государственной власти и управления⁴.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (дата обращения: 18.07.2025).

² Федеральный закон от 28 декабря 2016 г. № 497-ФЗ «О внесении изменения в статью 3 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 1 (часть I). Ст. 38; Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 266-ФЗ «О внесении изменений в статью 8 Федерального закона “О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации” и Федеральный закон “О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации”» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4392; Федеральный закон от 17 апреля 2017 г. № 69-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон “О введении в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях”» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 17. Ст. 2451.

³ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

⁴ Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 г. № 2134-II ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (ред. от 13.05.2025) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 801; Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской

Отдельное место в регламентации отечественного законодательного процесса занимают утвержденные Государственной думой Федерального собрания РФ Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов (редакция 2021 года)⁵, а также разработанные в 2013 году Аппаратом Государственной думы комментарии к ним⁶. Эти документы содержат важнейшие положения отечественной законодательной техники, а также примеры ее применения. Однако следует отметить, что юридическая природа методических рекомендаций и комментариев к ним не вполне понятна. С одной стороны, данные акты утверждены либо разработаны Государственной думой Федерального собрания РФ. С другой стороны, они не оформлены принятием соответствующего акта и поэтому не имеют общеобязательного характера. В связи с этим они носят только рекомендательный характер, что нередко приводит к игнорированию содержащихся в них положений в законотворческом процессе.

В федеральном законодательстве закреплены и наиболее важные положения правотворческой деятельности субъектов Российской Федерации. Так, Конституция Российской Федерации устанавливает систему отечественного законодательства и место в ней законодательных актов субъектов Федерации (ст. 76). Региональному правотворчеству посвящены ст. 12 и 13 Федерального закона от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»⁷.

Однако основной массив правовых норм, регулирующих нормотворческую деятельность в регионах, содержится в их конституциях (уставах), а также в специально принимаемых актах. Например, в Уставе города Москвы (Закон г. Москвы от 28 июня 1995 г. «Устав города Москвы» (ред. от 25.12.2024))⁸ эти отношения регулируются главой 6 «Законодательная власть города Москвы», в которой ст. 36 непосредственно посвящена регулированию правотворческой деятельности Московской городской думы. В ней рассматриваются особенности законодательного процесса в данном субъекте РФ, его основные

Федерации от 30 января 2002 г. № 33-СФ «О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» (ред. от 17.07.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 7. Ст. 635; Постановление Правительства Российской Федерации от 1 июня 2004 г. № 260 «О Регламенте Правительства Российской Федерации и Положении об Аппарате Правительства Российской Федерации» (ред. от 09.06.2025) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 23. Ст. 2313.

⁵ Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов (редакция 2021 года) (утв. Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации) // КонсультантПлюс. 2025. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_379680/ (дата обращения: 18.07.2025).

⁶ Комментарии к Методическим рекомендациям по юридико-техническому оформлению законопроектов (разработаны Аппаратом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, 2013) // КонсультантПлюс. 2025. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_151219/ (дата обращения: 18.07.2025).

⁷ Собрание законодательства РФ. 2021. № 52 (часть I). Ст. 8973.

⁸ Ведомости Московской Думы. 1995. № 4.

стадии и их содержание. Специальные законодательные акты, закрепляющие порядок подготовки, принятия, опубликования и вступления в силу нормативных правовых актов, приняты в ряде субъектов РФ⁹.

Законы субъектов РФ, регламентирующие осуществляющую в них право-творческую деятельность, несмотря на аналогичный предмет правового регулирования, во многом отличаются по содержанию. Яркий пример — это наличие в законе Краснодарского края (Закон Краснодарского края от 6 июня 1995 г. № 7-КЗ «О правотворчестве и нормативных правовых актах Краснодарского края» (ред. от 03.07.2024))¹⁰ главы, посвященной лоббизму в правотворчестве края (глава 7). Подобные положения отсутствуют в большинстве соответствующих региональных законов. Разнообразие содержания данных законодательных актов, иногда переходящее в противоречие друг другу, обусловлено рядом причин. И дело здесь не только и не столько в региональных особенностях, обусловленных историческими, экономическими, национальными и другими различиями между субъектами РФ. Главной причиной, на наш взгляд, является отсутствие на федеральном уровне базового системообразующего закона, который установил бы в Российской Федерации единые основы правового регулирования правотворческой деятельности. Это позволило бы унифицировать правотворческую деятельность на всей территории страны, повысить ее качество, избежать коллизий между федеральным законодательством и законодательством субъектов РФ, а также между региональными законодательными актами.

Кроме законов, правотворческий процесс в регионах регулируется подзаконными нормативными актами. Важнейшими из них являются регламенты представительных (законодательных) органов, в которых конкретизируется осуществляющая в них правотворческая процедура. Например, в Регламенте Московской городской думы регулированию правотворческого процесса посвящены главы 3, 6 и 6.1, а также ряд статей, находящихся в других его главах¹¹.

⁹ См., например: Кодекс о нормативных правовых актах Чукотского автономного округа от 24 февраля 2009 г. № 25-ОЗ (ред. от 14.04.2025) // Ведомости. 2009. № 8/3(386/3); Закон Санкт-Петербурга от 20 июля 1995 г. № 83-12 «О порядке вступления в силу законов Санкт-Петербурга» (ред. от 05.04.2024) // Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. 1995. № 10; Закон Нижегородской области от 11 марта 2004 г. № 20-3 «О порядке подписания, обнародования и вступления в силу законов Нижегородской области» (ред. от 02.12.2022) // Правовая среда. 2004. № 16 (512) (приложение к газете «Нижегородские новости». 2004. № 49 (2981); Закон Республики Башкортостан от 11 мая 1995 г. № 1-з «О порядке опубликования и вступления в силу законов Республики Башкортостан, актов Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан» (ред. от 02.02.2023) // Ведомости Государственного Собрания, Президента и Кабинета Министров Республики Башкортостан. 1995. № 6 (36). Ст. 195.

¹⁰ Кубанские новости. 1995. № 98.

¹¹ Постановление Московской городской думы от 16 ноября 2005 г. № 320 «О Регламенте Московской городской Думы» (ред. от 19.02.2025) // Ведомости Московской городской Думы. 2005. № 12 (2). Ст. 299.

Ряд положений, касающихся муниципального нормотворчества, закреплен на федеральном¹² и региональном уровнях¹³. Однако основная часть норм, осуществляющих регулирование правотворчества на местном уровне, содержится в принимаемых муниципальными образованиями нормативных правовых актах, прежде всего в их уставах. Например, в уставах внутригородских муниципальных образований Москвы имеется отдельная глава III «Муниципальные правовые акты»¹⁴.

Таким образом, правовое регулирование местного нормотворчества в Российской Федерации осуществляется нормативными правовыми актами, принятymi на различных уровнях власти. При этом, на наш взгляд, несмотря на прилагаемые усилия, достаточно трудно оценить их совокупность как систему, элементы которой согласованы, непротиворечивы, взаимно дополняют друг друга. Причиной этого является явная недостаточность правового регулирования местного нормотворчества на федеральном уровне. Данный пробел заполняется региональными нормативными актами, содержание которых имеет различия в разных субъектах РФ. В свою очередь, это приводит к тому, что муниципальные правовые акты, ориентируясь на региональное законодательство, имеют схожее содержание на территории одного субъекта, но могут в значительной мере отличаться от соответствующих актов, принятых в других субъектах РФ.

На основании изложенного можно констатировать, что в Российской Федерации осуществляется правовая регламентация правотворческой деятельности на всех уровнях власти. Нормативные акты характеризуются: многообразием; различиями (порой существенными) в содержании, структуре, оформлении; фрагментарностью и отсутствием системности правового регулирования вопросов правотворчества и т. д. Единственное, что их объединяет, — это предмет правового регулирования, который составляют отношения, связанные с подготовкой, принятием, опубликованием и вступлением в силу нормативных актов. С точки зрения юридической теории, а также реализации правовых норм (и тем более правоприменения) такое разнообразие, нередко приводящее к коллизиям между соответствующими актами, не способствует повышению

¹² Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 20.03.2025) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822; Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 12. Ст. 1200.

¹³ См., например: Закон г. Москвы от 6 ноября 2002 г. № 56 «Об организации местного самоуправления в городе Москве» (ред. от 16.04.2025) // Ведомости Московской городской Думы. 2002. № 12. Ст. 276.

¹⁴ См., например: Устав внутригородского муниципального образования — муниципального округа Останкинский в городе Москве // Московский муниципальный вестник. 2024. № 28; Устав внутригородского муниципального образования — муниципального округа Коптево в городе Москве // Московский муниципальный вестник. 2024. № 29. Т. 1; Устав внутригородского муниципального образования — муниципального округа Тверской в городе Москве (ред. от 06.11.2024) // Московский муниципальный вестник. 2023. № 30. Т. 1.

эффективности нормотворческого процесса и созданию качественного законодательства, снижает его регулятивный потенциал.

В связи с этим представляется, что наиболее перспективным выходом в сложившейся ситуации является принятие на федеральном уровне законодательного акта, который закрепил бы основные положения правотворческой деятельности в Российской Федерации. Попытки создания такого акта предпринимаются с конца XX века. Активную деятельность в этом направлении ведет Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (ИЗиСП). Им разработан проект Федерального закона «О нормативных правовых актах Российской Федерации», последняя редакция которого была издана в 2021 году [3]. Предпринимались и другие попытки подготовки соответствующего законодательного акта¹⁵.

Представляется, что при создании «закона о законах» необходимо активно использовать имеющийся зарубежный опыт, который указывает на наличие ряда преимуществ и достоинств соответствующих законодательных актов. Например, законы о нормативных правовых актах (правовых актах) приняты в ряде стран ближнего зарубежья¹⁶. В некоторых из них правовое регулирование правотворческой деятельности выведено на уровень конституционных законов. Действующее в данных государствах законодательство в указанной сфере постоянно обновляется и совершенствуется. При этом основной тенденцией стала подготовка достаточно объемных законодательных актов, осуществляющих регулирование широкого круга вопросов, связанных с понятием, созданием, действием, токованием и т. д. нормативных правовых актов.

При изучении зарубежного опыта создания «закона о законах», на наш взгляд, в первую очередь необходимо учесть соответствующую практику Республики Беларусь, где с 1 февраля 2019 года окончательно вступил в действие Закон от 17.07.2018 № 130-З «О нормативных правовых актах»¹⁷. В этом законе был учтен почти двадцатилетний опыт применения его предшественника — Закона Республики Беларусь от 10.01.2000 № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь»¹⁸. Новый закон привнес в правовое регулирование правотворческой деятельности ряд новаций, связанных с развитием законодательства этого государства, а также научных основ нормотворчества. Кроме того, данный закон является существенным шагом вперед в направлении активного внедрения информационных и цифровых технологий в правотворчество.

¹⁵ Проект Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» (подготовлен Минюстом России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 26.12.2014) (разработка проекта прекращена). URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=127365#19jG11V6rLmPpWku2> (дата обращения: 18.07.2025).

¹⁶ Соответствующие законодательные акты, носящие различные наименования, приняты в Азербайджанской Республике, Кыргызской Республике, Республике Армения, Республике Беларусь, Республике Казахстан, Республике Таджикистан, Республике Узбекистан, Туркменистане.

¹⁷ Законодательство стран СНГ: сайт. 2025. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=108640 (дата обращения: 18.07.2025).

¹⁸ Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2000, № 7, 2/136.

Результаты исследования

В современных условиях совершенствование нормативного регулирования правотворческой деятельности в России позволит повысить ее эффективность, а также качество нормативных правовых актов. В связи с этим целесообразность принятия федерального закона, регламентирующего основные аспекты нормотворческой деятельности, понятие и систему нормативных правовых актов, а также основные положения отечественной юридической техники, не вызывает сомнения. При проектировании российского «закона о законах» следует использовать имеющийся отечественный опыт (в первую очередь наработки ИЗиСП), а также опыт Республики Беларусь, где соответствующий законодательный акт уже прошел проверку временем.

Список источников

1. Абрамов Р. А., Пашенцев Д. А. Основные направления влияния современных технологий на развитие права // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2024. № 1 (53). С. 7–13. DOI: 10.25688/2076-9113.2024.53.1.01
2. Абрамова А. И. Современный законодательный процесс Российской Федерации: стадии и проблемы их совершенствования // Журнал российского права. 2007. № 2 (122). С. 14–23.
3. О нормативных правовых актах в Российской Федерации: проект федерального закона / Т. Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров, А. И. Абрамова [и др.]; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Юриспруденция, 2021. 96 с.
4. Пашенцев Д. А. Основные направления и особенности развития законодательства в условиях цифровизации и перехода к новому технологическому укладу // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2021. № 3 (43). С. 31–39. DOI: 10.25688/2076-9113.2021.43.3.03
5. Соловьев П. В. Трансформация содержания нормативного правового акта в условиях цифровизации // Право.by. 2023. № 4 (84). С. 120–127.
6. Степанов М. М. Глобальные изменения социальной реальности и интегративная роль права // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2023. № 3 (51). С. 32–41. DOI: 10.25688/2076-9113.2023.51.3.03
7. Степанов М. М. Современные тенденции правотворчества в России // Правотворчество в XXI веке: эволюция доктрины и практики (к 90-летию со дня рождения А. С. Пиголкина): сб. науч. ст. / отв. ред. В. В. Лазарев. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2022. С. 183–189.
8. Шахновская И. В. Юридические аспекты цифровизации права // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2023. № 3. С. 106–109. DOI: 10.52928/2070-1632-2023-65-3-106-109

References

1. Abramov R. A., Pashentsev D. A. Osnovnye napravlenija vlijanija sovremennoj tehnologij na razvitiye prava // Vestnik MGPU. Seriya: Juridicheskie nauki. 2024. № 1 (53). S. 7–13. DOI: 10.25688/2076-9113.2024.53.1.01

2. Abramova A. I. Sovremennyj zakonodatel'nyj protsess Rossijskoj Federatsii: stadii i problemy ih sovershenstvovaniya // Zhurnal rossijskogo prava. 2007. № 2 (122). S. 14–23.
3. O normativnyh pravovyh aktah v Rossijskoj Federacii (proekt federal'nogo zakaona). / T. Ya. Habrieva, Yu. A. Tihomirov, A. I. Abramova [i dr.]; Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija pri Pravitel'stve Rossijskoj Federatsii. M.: Jurisprudentsia, 2021. 96 s.
4. Pashentsev D. A. Osnovnye napravlenija i osobennosti razvitiya zakonodatel'stva v uslovijah tsifrovizatsii i perehoda k novomu tehnologicheskomu ukladu // Vestnik MGPU. Seriya: Juridicheskie nauki. 2021. № 3 (43). S. 31–39. DOI: 10.25688/2076-9113.2021.43.3.03
5. Solov'ev P. V. Transformatsija soderzhanija normativnogo pravovogo akta v uslovijah tsifrovizatsii // Pravo.by. 2023. № 4 (84). S. 120–127.
6. Stepanov M. M. Global'nye izmenenija sotsial'noj real'nosti i integrativnaja rol' prava // Vestnik MGPU. Seriya «Juridicheskie nauki». 2023. № 3 (51). S. 32–41. DOI: 10.25688/2076-9113.2023.51.3.03
7. Stepanov M. M. Sovremennye tendentsii pravotvorchestva v Rossii // Pravotvorchestvo v XXI veke: jevoljutsija doktriny i praktiki (k 90-letiju so dnja rozhdenija A. S. Pogol'skogo): sb. nauch. st. / otv. red. V. V. Lazarev. M.: IZiSP: Norma: INFRA-M, 2022. S. 183–189.
8. Shahnovskaja I. V. Juridicheskie aspekty tsifrovizatsii prava // Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija D. Ekonomicheskie i juridicheskie nauki. 2023. № 3. S. 106–109. DOI: 10.52928/2070-1632-2023-65-3-106-109

Статья поступила в редакцию: 18.07.2025; The article was submitted: 18.07.2025;
одобрена после рецензирования: 18.08.2025; approved after reviewing: 18.08.2025;
принята к публикации: 05.09.2025. accepted for publication: 05.09.2025.

УДК 34.096

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-460-104-112

А. В. Овчинников

Российская академия образования,
Москва, Российская Федерация,
anatovch2014@yandex.ru

В. П. Сорокин

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация,
sor.vladislav2013@yandex.ru

**ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ПРОЦЕСС
В РОССИЙСКОМ ОБЩЕМ ОБРАЗОВАНИИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945)
(ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ)**

Аннотация. В общем контексте политico-правового процесса развития отечественного образования представлен анализ отдельных нормативных актов, определивших векторы развития общего образования в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Отмечается, что, несмотря на условия военного времени, государство продолжало вести политику, направленную на реформирование образования, и закладывать правовые основы для его дальнейшего развития. Основное внимание уделено документам, которые еще не исследовались специалистами историко-педагогического профиля.

Ключевые слова: образовательная политика; образовательное законодательство; реформирование общего образования; политico-правовой процесс в отечественном образовании; нормативное регулирование общего образования в годы Великой Отечественной войны.

UDC 34.096

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-460-104-112

A. V. Ovchinnikov

The Russian Academy of Education,
Moscow, Russian Federation,
anatovch2014@yandex.ru

V. P. Sorokin

The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration;
Moscow, Russian Federation,
sor.vladislav2013@yandex.ru

POLITICAL AND LEGAL PROCESS IN RUSSIAN GENERAL EDUCATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945) (HISTORICAL AND PEDAGOGICAL CONTEXT)

Abstract. In the general context of the political and legal process of the development of national education, an analysis of individual normative acts that determined the vectors of the development of general education during the Great Patriotic War (1941–1945) is presented. It is noted that, despite the conditions of wartime, the state continued to pursue a policy aimed at reforming education and laying the legal foundations for its further development. The main attention is paid to documents that have not yet been studied by specialists of the historical and pedagogical profile.

Keywords: educational policy; educational legislation; reform of general education; political and legal process in domestic education; regulatory framework for general education during the Great Patriotic War.

Введение

Восьмидесятый юбилей Великой Победы был отмечен в непростых реалиях специальной военной операции, направленной на борьбу с одним из самых агрессивных режимов, когда-либо существовавших в мировой истории, — с фашизмом. И в этой связи богатый исторический опыт, накопленный в годы Великой Отечественной войны (ВОВ), имеет непреходящее значение. В тяжелых, нечеловеческих испытаниях советское государство и граждане страны проявили высокую организованность и единство, которые привели к победе.

Заслуга в этой победе принадлежит всему народу — людям разных возрастов и профессий, в том числе и работникам народного образования, как их называли в то время, которые сплотились для общей борьбы с кровавым врагом.

Подходить к историческому анализу государственной политики в области образования с точки зрения традиционных исследований законодательных актов вряд ли представляется целесообразным, так как действовавшие в то время

нормативные акты далеко не в полной мере соответствовали их современному пониманию. Однако это нисколько не умаляет их важности и эффективности в конкретных исторических условиях военного времени.

Нормативные акты той эпохи имели большую, иногда чрезмерную политическую составляющую. Это обстоятельство было обусловлено сложившимся в стране политическим режимом, сформировавшейся практикой построения нового общества и новой, не имевшей аналогов государственности. Все это, естественно, требовало и новых подходов к законотворческой деятельности, форме и содержанию законодательного акта.

Методы исследования

Особенности формирования советского образовательного законодательства сегодня стали предметом внимания как историков права, так и историков образования — представителей различных методологических подходов и исследовательских традиций.

В данной статье нормативные материалы и принятые в то время политико-организационные решения рассматриваются в общем контексте политico-правового процесса в образовании и его общекультурных оснований [1]. Авторы используют как историко-правовой, так и историко-педагогический анализ.

Основное исследование

Опыт формирования правовых основ нормативного регулирования народного образования в годы ВОВ имеет важное теоретическое и практическое значение. В то время в стране была задумана и начала осуществляться очередная реформа общего образования, у истоков которой стоял нарком просвещения РСФСР В. П. Потемкин. Одна из основных задач реформы состояла в стабилизации отечественной школьной системы, претерпевшей к этому времени бешеный ритм социально-педагогического экспериментирования в 1920-х годах и его достаточно жесткую приостановку в 1930-е годы.

Такие резкие перепады в образовательной политике совсем не способствовали устойчивому формированию целостной и обоснованной системы законодательного регулирования образовательной сферы.

Характеризуя предвоенное образовательное законодательство, необходимо учитывать тот факт, что оно не было сформировавшимся, это было обусловлено особенностями политического развития советского государства.

Со времени принятия Конституции 1936 года с ее трактовкой права на образование (ст. 121) не прошло и пяти лет. Естественно, этого времени было крайне мало, для того чтобы говорить об устойчивости нормативного регулирования образовательных отношений. К этому добавим жесткую политическую, узкоидеологическую обусловленность законотворческого процесса, имевшего формальный характер в советском обществе того времени.

Перестройка работы образовательных учреждений страны в связи с условиями военного времени потребовала оперативной разработки и принятия нормативных актов, способствовавших оптимизации этого важного направления государственной деятельности. При этом политическая власть страны уже с первых, самых тяжелых месяцев ВОВ осознавала временность и вынужденность принимаемых мер, по возможности продолжая реформаторский вектор в образовательной сфере.

В начальный период ВОВ были приняты важные организационно-распорядительные документы, обеспечивающие организацию повседневной работы школ, прежде всего выполнение задач всеобщего начального и семилетнего обучения. В этом контексте важное значение имело распоряжение Наркомпроса РСФСР № Н-106 от 26 октября 1942 года, в котором были перечислены мероприятия, направленные на сохранение контингента учащихся. Указания, содержавшиеся в документе, носили комплексный характер и были направлены на реальное обеспечение посещаемости учащимися школьных занятий. В документе подчеркивалось, что невыполнение требований по реализации задач всеобщего обучения влечет для директоров школ административную и даже уголовную ответственность.

Особое внимание было уделено посещаемости школы. Если ученик не посещал школу более двух дней по неуважительной причине, то директор был обязан сообщать об этом факте в исполнком местного совета. Подчеркивалась необходимость поддержки инициативы учителей Федякинской школы Рязанской области по оказанию материальной и бытовой помощи детям фронтовиков [2].

Государственная власть прекрасно понимала, что главное условие обеспечения эффективного школьного обучения в военное время заключается в твердом и четком руководстве, эффективных управленческих действиях, направленных на достижение поставленных целей.

Вместе с тем это отнюдь не означало полное и безраздельное господство тоталитарных методов руководства. Несмотря на военное время, школьная политика советского государства продолжала, насколько это позволяли политические условия того времени, использовать некоторые демократические элементы в повседневной работе школ. Во всяком случае, о такой необходимости упоминалось в нормативно-правовых актах, издаваемых в военное время.

Особенностью политico-правового процесса в годы ВОВ было то, что его общая направленность, обусловленная стратегическими решениями довоенного времени, продолжала оставаться неизменной, несмотря на тяжелый период. При этом объективно учитывалась специфика военного времени, например, увеличенная текучесть педагогических кадров, а также снижение их профессионального потенциала.

11 ноября 1942 года Наркомпрос РСФСР издал приказ № 1315-м о повышении деловой и политической квалификации учителей. В нем перечислялись конкретные меры, направленные на профессиональное совершенствование учительских кадров в условиях военного времени, которые позволили бы сохранять высокий уровень преподавания в общеобразовательных школах.

Документ обязывал проводить систематическую коллективную и индивидуальную работу по повышению квалификации учителей, тщательно выбирая в каждом конкретном случае ее формы и методы. При этом фактическое отсутствие органического закона, регулировавшего правовой статус учителя, делало необходимым принятие ведомственных нормативных актов, которые эффективно регулировали бы важнейшие элементы общественных отношений, складывавшихся в образовательной сфере [3].

Законотворчество в области образования в годы ВОВ объективно отвечало двум стратегическим задачам. С одной стороны, требовалось сохранить то, что было разработано, но не получило апробации в предвоенные годы; с другой стороны, нужно было законодательно и организационно обеспечить не только сохранение системы образования, но и создать условия для его интенсивного послевоенного развития.

Период ВОВ стал одним из центральных этапов в политико-правовом развитии советского образования. Именно в то время была принята серия нормативных актов, которые на многие годы вперед определили его социально-политический и правовой облик и сохраняли свою актуальность в течение нескольких десятилетий. Идеи и положения, заложенные в этих актах, и в наши дни продолжают оказывать определенное влияние на образ советской школы как одной из эффективных образовательных систем, существовавших в истории Российского государства.

Во второй половине ВОВ велась целенаправленная работа по организационно-правовому и политическому устройству системы российского образования. Важно отметить, что именно российского образования, поскольку в союзных республиках имелись свои особенности. Однако основой практически всегда служила нормативная база РСФСР, особенно при отсутствии как общесоюзного, так и республиканских органических законов, касающихся вопросов народного образования.

Утвержденные нормативно-правовые акты в своем комплексе выстраивали новую архитектуру образовательного пространства. Несмотря на тяжелые условия военного времени, был осуществлен переход к обучению школьников с семилетнего возраста. Это стало крупным политическим, организационным и социальным достижением, поскольку во многом способствовало решению проблемы детской беспризорности, резко обострившейся в годы войны.

Большое значение для развития правовых начал в системе общего образования всегда играло определение правового статуса учащегося. Власть исходила из того, что советскому обществу нужен образцовый человек, которого должна воспитать школа, прежде всего как государственное учреждение, целью которого является воспитание достойного гражданина страны. В этом отношении власть продолжила курс, взятый в середине 1930-х годов на более четкое и эффективное руководство учебно-воспитательным процессом. Постановлением Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР¹ от 2 августа 1943 года № 692 были утверждены Правила

¹ Правительство РСФСР и СССР в 1923–1946 гг. // Большая российская энциклопедия: сайт. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/3589057/ (дата обращения: 14.07.25).

для учащихся и введен ученический билет, который выдавался каждому школьнику начиная с пятого класса [4]. Безусловно, введение Правил для учащихся было возвращением к традициям дореволюционного школьного образования. Они приобрели характер единого для всей страны документа, способствуя формированию единства поведенческих стереотипов школьников.

Логика разработки и принятия нормативно-правовых актов в условиях военного времени состояла в оперативном реагировании на возникавшие потребности общеобразовательной школы. Одна из основных задач состояла в том, чтобы сохранить оставшийся кадровый потенциал и оперативно восполнить громадную убыль учителей, вызванную войной. При этом необходимо было сохранить преемственность кадров, обеспечив нормальное межпоколенческое взаимодействие педагогов.

Большая роль отводилась созданным в 1938 году институтам усовершенствования учителей. 14 января 1944 года СНК РСФСР утвердил положение об этом типе учебных заведений [5]. Важно отметить, что это произошло в период активной нормотворческой и организационной работы по учреждению Академии педагогических наук РСФСР и созданию ее институтов. Данное обстоятельство наглядно показывает, насколько органы государственной власти были заинтересованы в создании эффективно действующей системы научно-методического обеспечения развития народного образования. И хотя норма о наличии ученой степени у директора и заместителя директора по учебной части института носила рекомендательный характер, само наличие такой нормы показывает внимание власти к данному вопросу, желание придать подготовке и повышению квалификации педагогических кадров прочные научные основания.

Политико-правовой процесс в отечественном образовании в годы ВОВ имел две ярко выраженные тенденции. Первая состояла в том, что продолжалось принятие нормативных актов, содержащих достаточно жесткие требования к организации работы школ. Должностные лица учреждений и органов народного образования наделялись значительными полномочиями, имели большой административный ресурс, позволявший им добиваться выполнения требований и реализации поставленных задач. Вместе с тем начиная с 1943/1944 учебного года стала ярко проявляться тенденция к определенной демократизации школьной жизни.

Именно в это время начала претворяться в жизнь установка на активизацию работы общественных организаций. Это, в частности, проявилось в определении статуса педагогического совета как совещательного, постоянно действующего органа при директоре образовательного учреждения. Соответствующее положение было утверждено народным комиссаром просвещения РСФСР 7 апреля 1943 года [6]. До этого времени подобного документа не было. Нормативный акт содержал подробные положения, регулировавшие деятельность этого органа. К этому следует добавить утверждение наркомом просвещения РСФСР 23 ноября 1943 года Положения о родительском комитете начальной, неполной средней и средней школы [7]. В соответствии с этим положением родительский комитет стал органом родительской общественности для содействия администрации и педагогическому коллективу школы в реализации

основных направлений деятельности. По сути, этим нормативным актом была восстановлена дореволюционная общественная структура, наиболее близкая к педагогическим потребностям конкретного образовательного учреждения.

О тенденциях к восстановлению традиций и преемственности различных типов учебных заведений, имевшихся в стране в разное время, хорошо свидетельствует инструкция Наркомпроса РСФСР по проведению в жизнь постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 875 от 11 августа 1943 года [8], на основании которой повышалась заработка плата работникам образования. Приложение № 3 этого акта содержало подробный список учебных заведений, окончание которых приравнивалось к окончанию педагогических училищ, училищских институтов и высших педагогических учебных заведений как в советское время, так и в дореволюционный период. Тем самым подчеркивалась преемственность и неразрывность разных периодов отечественного образования.

Важной особенностью политico-правового процесса в отечественном образовании периода ВОВ было сочетание внимания к педагогическим работникам с высокой требовательностью к дисциплине. Свидетельством тому являются многочисленные распоряжения Наркомпроса, в частности приказ наркома просвещения № 162 от 16 октября 1943 года, посвященный улучшению контроля за работой школ и учителей, постановки учета знаний школьников. Персональная ответственность за реализацию данного приказа была возложена на директоров школ, которым предлагалось усилить внимание за работой учителя и установить тщательное наблюдение за правильностью оценки знаний учащихся [9].

К важнейшим законодательным актам, регулировавшим сферу народного образования, и мероприятиям, существенно повлиявшим на развитие этой важнейшей идеологической и социальной сферы жизни советского общества, следует отнести:

- введение цифровой пятибалльной системы для определения уровня знаний и поведения учащихся;
- мероприятия по укреплению дисциплины в школе.

Принятие этих нормативных актов способствовало более четкому определению статуса основных институтов отечественного образования, повороту политico-правового процесса в области образования к традиционным национальным основам со значительной долей идеологической составляющей.

Результаты исследования

Представляется, что политico-правовой процесс в отечественном общем образовании в годы ВОВ имел в своей основе поиск баланса между практикой реального управления системой образования, сложившейся в СССР к началу войны, и достаточно перспективными начинаниями в реформировании отечественного образования, которые были заложены накануне войны.

В определенной мере в политico-правовом процессе в общем образовании наблюдалась картина, подобная ситуации, сложившейся в конце XIX – начале

XX века. Ее особенность состояла в приоритете циркулярного права, задача которого состояла в оперативной корректировке нормативных актов, действовавших уже достаточно давно. Однако если в дореволюционное время в таких актах преобладало правовое начало, то в советское время в них превалировали идеологический и политический компоненты, которые воспринималась обществом и властью как необходимый атрибут.

Список источников

1. Овчинников А. В. Культурно-исторический контекст политico-правового процесса в области образования в России // Пространство и время. 2014. № 1 (15). С. 153–160.
2. О мерах по осуществлению закона о всеобщем обучении. Распоряжение Наркомпроса РСФСР № Н-106 от 16 октября 1942 г. // Нормативно-правовые акты по вопросам народного образования в СССР в период Великой Отечественной войны. ИЦ «Библиотека им. К. Д. Ушинского» Российской академии образования. М.: Индрик, 2025. С. 19–22.
3. О повышении квалификации кадров народного образования, Приказ Наркомпроса РСФСР № 1315-м от 11 ноября 1942 г. // Нормативно-правовые акты по вопросам народного образования в СССР в период Великой Отечественной войны. ИЦ «Библиотека им. К. Д. Ушинского» Российской академии образования. М.: Индрик, 2025. С. 23–24.
4. О введении ученического билета. Приказ Наркомпроса РСФСР № 58-а от 5 августа 1943 г. // Нормативно-правовые акты по вопросам народного образования в СССР в период Великой Отечественной войны. ИЦ «Библиотека им. К. Д. Ушинского» Российской академии образования. М.: Индрик, 2025. С. 58.
5. Положение об Институте усовершенствования учителей. Утв. Постановлением СНК РСФСР № 33 от 14 января 1944 г. // Нормативно-правовые акты по вопросам народного образования в СССР в период Великой Отечественной войны. ИЦ «Библиотека им. К. Д. Ушинского» Российской академии образования. М.: Индрик, 2025. С. 105–109.
6. Положение о педагогическом совете начальной, неполной средней и средней школы. Утв. наркомом просвещения РСФСР 7 апреля 1943 г. // Нормативно-правовые акты по вопросам народного образования в СССР в период Великой Отечественной войны. ИЦ «Библиотека им. К. Д. Ушинского» Российской академии образования. М.: Индрик, 2025. С. 37–40.
7. Положение о родительском комитете начальной, неполной средней и средней школы. Утв. наркомом просвещения РСФСР 23 ноября 1943 г. // Нормативно-правовые акты по вопросам народного образования в СССР в период Великой Отечественной войны. ИЦ «Библиотека им. К. Д. Ушинского» Российской академии образования. М.: Индрик, 2025. С. 88–90.
8. О повышении заработной платы учителям и другим работникам начальных и средних школ. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 875 от 11 августа 1943 г. // Нормативно-правовые акты по вопросам народного образования в СССР в период Великой Отечественной войны. ИЦ «Библиотека им. К. Д. Ушинского» Российской академии образования. М.: Индрик, 2025. С. 60–66.
9. Об улучшении контроля за работой школ и учителей и постановки учета знаний учащихся. Приказ наркома просвещения РСФСР № 162 от 16 сентября 1943 г. // Нормативно-правовые акты по вопросам народного образования в СССР в период Великой Отечественной войны. ИЦ «Библиотека им. К. Д. Ушинского» Российской академии образования. М.: Индрик, 2025. С. 84–85.

References

1. Ovchinnikov A. V. Kulturno-istoricheskiy kontekst politiko-pravovogo protessa v oblasti obrazovaniya v Rossii // Prostranstvo i vremya. 2014. № 1 (15). S. 153–160.
2. O merah po osushhestvleniyu zakona o vseobshchem obuchenii. Rasporyazhenie Narkomprosa RSFSR № N-106 ot 16 oktyabrya 1942 g. // Normativno-pravovye akty po voprosam narodnogo obrazovaniya v SSSR v period Velikoj Otechestvennoj vojny. IC «Biblioteka im. K. D. Ushinskogo» Rossijskoj akademii obrazovaniya. M.: Indrik, 2025. S. 19–22.
3. O povyshenii kvalifikatsii kadrov narodnogo obrazovaniya, Prikaz Narkomprosa RSFSR № 1315-m ot 11 noyabrya 1942 g. // Normativno-pravovye akty po voprosam narodnogo obrazovaniya v SSSR v period Velikoj Otechestvennoj vojny. IC «Biblioteka im. K. D. Ushinskogo» Rossijskoj akademii obrazovaniya. M.: Indrik, 2025. S. 23–24.
4. O vvedenii uchenicheskogo biletta. Prikaz Narkomprosa RSFSR № 58-a ot 5 avusta 1943 g. // Normativno-pravovye akty po voprosam narodnogo obrazovaniya v SSSR v period Velikoj Otechestvennoj vojny. IC «Biblioteka im. K. D. Ushinskogo» Rossijskoj akademii obrazovaniya. M.: Indrik, 2025. S. 58.
5. Polozhenie ob Institute usovershenstvovaniya uchitelej. Utv. Post. SNK RSFSR № 33 ot 14 yanvarya 1944 g. // Normativno-pravovye akty po vo-prosam narodnogo obrazovaniya v SSSR v period Velikoj Otechestvennoj vojny. IC «Biblioteka im. K. D. Ushinskogo» Rossijskoj akademii obrazovaniya. M.: Indrik, 2025. S. 105–109.
6. Polozhenie o pedagogicheskem sovete nachal'noj, nepolnoj srednej i srednej shkoly'. Utv. narkomom prosveshheniya RSFSR 7 aprelya 1943 g. // Normativno-pravovye akty po voprosam narodnogo obrazovaniya v SSSR v period Velikoj Otechestvennoj vojny. IC «Biblioteka im. K. D. Ushinskogo» Rossijskoj akademii obrazovaniya. M.: Indrik, 2025. S. 37–40.
7. Polozhenie o roditelskom komitete nachalnoj, nepolnoj srednej i srednej shkoly. Utv. narkomom prosveshheniya RSFSR 23 noyabrya 1943 g. // Normativno-pravovye akty po voprosam narodnogo obrazovaniya v SSSR v period Velikoj Otechestvennoj vojny. IC «Biblioteka im. K. D. Ushinskogo» Rossijskoj akademii obrazovaniya. M.: Indrik, 2025. S. 88–90.
8. O povyshenii zarabotnoj platy uchitelyam i drugim rabotnikam nachalnyh i srednih shkol. Postanovlenie SNK SSSR i CK VKP(b) № 875 ot 11 avgusta 1943 g. // Normativno-pravovye akty po voprosam narodnogo obrazovaniya v SSSR v period Velikoj Otechestvennoj vojny. IC «Biblioteka im. K. D. Ushinskogo» Rossijskoj akademii obrazovaniya. M.: Indrik, 2025. S. 60–66.
9. Ob uluchshenii kontrolya za rabotoj shkol i uchitelej i postanovki ucheta znanij uchashhihsya. Prikaz narkoma prosveshheniya RSFSR № 162 ot 16 sentyabrya 1943 g. // Normativno-pravovye akty po voprosam narodnogo obrazovaniya v SSSR v period Velikoj Otechestvennoj vojny. IC «Biblioteka im. K. D. Ushinskogo» Rossijskoj akademii obrazovaniya. M.: Indrik, 2025. S. 84–85.

УДК 349.6
DOI: 10.24412/2076-9113-2025-460-113-120

Е. А. Мотова

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация,
katya.motova.96@mail.ru

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

**Научно-практический комментарий к Водному кодексу
Российской Федерации (постатейный) / О. А. Беляева,
С. А. Боголюбов, Е. А. Галиновская [и др.]; отв. ред.
Д. О. Сиваков; Институт законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской Федерации.
М.: Юридическая фирма «Контракт», 2025. 480 с.**

UDC 349.6
DOI: 10.24412/2076-9113-2025-460-113-120

E. A. Motova

Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation,
katya.motova.96@mail.ru

BOOK REVIEW:

**Scientific and practical commentary on the Water Code
of the Russian Federation (article by article) / O. A. Belyaeva,
S. A. Bogolyubov, E. A. Galinovskaya [et al.];
ed. by D. O. Sivakov; Institute of Legislation and Comparative
Law under the Government of the Russian Federation.
Moscow: Yuridical Kontrakt Company, 2025. 480 p.**

Познание права, подразумевающее определение его генезиса в различных исторических условиях, выявление основных этапов и трансформаций в процессе развития, определение современного состояния и прогнозирование дальнейших тенденций, предполагает применение методологического принципа историзма, требующего «погружения в общий и конкретный исторический контекст» [18, с. 256] происходящих государственных преобразований. Учитывая действующие в истории законы цикличности, особенно важным является обращение к прошлому для глубокого анализа современных государственных и общественных изменений [8, с. 3; 10, с. 28]. В этой связи при исследовании вопросов правового регулирования водных отношений, которые на протяжении более чем столетия привлекают пристальное внимание отечественных ученых [4; 5; 7; 17], следует учитывать исторический опыт и эволюцию подходов к управлению водными ресурсами.

В эпоху Российской империи имели место неполнота и разобщенность законодательного массива, регулирующего водные отношения [14]. Однако в ходе реформы городского самоуправления (1870) ответственность за поддержание надлежащего состояния водных объектов (таких как пруды, каналы, канавы и протоки) была возложена на органы местной власти [2, с. 445]. Это означало усиление контроля и административной ответственности за состояние водных ресурсов и их охрану на муниципальном уровне.

Последующее Городовое положение (1892) предоставляло городским думам право издавать обязательные для местных жителей положения о порядке «сточных труб, каналов, прудов, колодцев, канав и естественных протоков, не исключая и тех, которые находятся на землях, принадлежащих частным лицам, учреждениям и ведомствам»¹.

В период столыпинской реформы (1906–1917 гг.) проявились препятствия для рационального развития водного хозяйства, что негативно сказывалось на эффективности использования водных ресурсов. В некоторых регионах существование мельниц и мельничных прудов значительно затрудняло проведение мелиоративных работ, ограничивая возможности улучшения земельных угодий [14]. К сожалению, ни одна из этих проблем не была решена до 1917 года.

В советский период доминировала государственная (общенародная) собственность, при которой земля, водные объекты и иные производственные активы находились в собственности и под контролем государства. Административно-командная система управления водопользованием являлась причиной возникновения таких проблем, как превалирование ведомственных интересов над экологическими, недостаток квалифицированных кадров, низкое качество работы очистных сооружений. Наряду с этим органы власти имели широкие полномочия в сфере государственного контроля, которыми также обладали

¹ См. главу III «Об участии городского общественного управления в издании обязательных для местных жителей постановлений» Городового Положения 1892 года // Исторический ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова: сайт. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/grd1892.htm> (дата обращения: 28.05.2025).

местные Советы народных депутатов, а с 1960 года функционировала разветвленная сеть государственных инспекций по использованию и охране водных ресурсов по бассейнам водных объектов [11, с. 139].

Однако нормы водного права оставались разобщенными и имели проблемы, существовала насущная потребность в систематизации и упорядочивании правового регулирования использования водных ресурсов во всех отраслях народного хозяйства. Это привело к принятию в 1970 году Основ водного законодательства Союза ССР и союзных республик [1, с. 117].

Впоследствии, в 1972 году, был принят Водный кодекс РСФСР, который закрепил основные принципы советского водного законодательства. Он был призван способствовать наиболее эффективному и научно обоснованному использованию водных ресурсов, их охране от загрязнения, засорения и истощения. Однако на практике водное законодательство в течение многих лет развивалось преимущественно как законодательство о сельскохозяйственном водопользовании [1, с. 117].

Следует отметить, что законодательство советского периода было всецело ориентировано на задачи и потребности народного хозяйства, такие как мелиорация, ирригация, промышленное водопользование. В свою очередь, природоохранные требования оставались на втором плане и были недостаточно проработаны, не получив широкого внедрения [15, с. 10].

Существенные изменения в правовом регулировании природопользования произошли после принятия Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 года, в которой был закреплен принцип государственного регулирования природопользования, включая использование и охрану природных ресурсов. В связи с этим возникла необходимость приведения водного законодательства в соответствии с изменившимися условиями, а заодно и в усовершенствовании некоторых положений отрасли законодательства. Результатом явилось принятие в 1995 году нового Водного кодекса Российской Федерации (далее — ВК РФ) [6, с. 13]. В нем нашли отражения новеллы, связанные с правом собственности на водные объекты, урегулированием разрешительного порядка водопользования, сочетанием административных и договорных способов правового регулирования водных отношений, узаконением практики регулирования водных отношений по основным бассейнам поверхностных вод с помощью бассейновых соглашений, комплексом правил по экономическому регулированию использования, восстановления и охраны водных объектов [6, с. 13]. Исходя из вышеизложенного следует, что основной задачей Водного кодекса РФ 1995 года было обеспечение рационального сочетания охраны водных ресурсов с их комплексным использованием для удовлетворения различных потребностей общества [1, с. 117]².

² На основе положений ВК РФ 1995 года стали приниматься другие федеральные законы, направленные на регулирование различных аспектов использования и охраны водных ресурсов. К таким законам относятся: Федеральный закон от 31.07.1998 № 155-ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации», Федеральный закон от 21.07.1997 № 117-ФЗ «О безопасности гидротехнических сооружений», а также другие нормативные акты, регулирующие вопросы водопользования и охраны водных объектов.

Новым этапом развития водного права становится принятие нового ВК РФ от 3 июня 2006 года № 74-ФЗ. Его главной новеллой, по сравнению с предшествующими этапами развития водного законодательства, заключается в существенном усилении роли договоров водопользования как инструмента правового регулирования. Это произошло на фоне отмены лицензирования водопользования. Если ранее договоры играли второстепенную роль, зависимую от лицензирования, то теперь изменения и расторжения договоров водопользования осуществляются в соответствии с нормами гражданского законодательства: либо по взаимному согласию сторон, либо в судебном порядке при возникновении споров. Рассмотрение вопросов равноправия сторон в договорах водопользования затрагивает более широкую проблему становления и развития предпринимательства, а также устранения административных барьеров для торгово-промышленного класса в России. Это должно было способствовать снижению рисков административного произвола в отношении бизнеса. При этом законодатель допускает применение гражданско-правовых норм об аренде к отношениям водопользования, но лишь в части, не противоречащей положениям ВК РФ. Так, гражданское законодательство предусматривает возможность выкупа арендованного имущества, в то время как ВК РФ устанавливает государственную собственность на водные объекты (за исключением прудов и обводненных карьеров при соблюдении определенных условий) и не предусматривает их выкуп. Следовательно, существуют пределы применения гражданского законодательства к водным отношениям, выход за которые является недопустимым.

Об актуальности водных (общественных) отношений, являющихся основой жизни и деятельности народов [14, с. 24], свидетельствуют не только научные исследования и законодательные инициативы, но и пристальное внимание средств массовой информации (далее — СМИ)³. Наглядным подтверждением остроты и значимости водных правоотношений является широкое освещение в СМИ инцидента, произошедшего в 2024 году, связанного с разливом мазута в Керченском проливе⁴. Согласно оценке научного руководителя Института водных проблем РАН Виктора Данилова-Данильяна, эта ситуация представляет собой наиболее масштабную экологическую катастрофу в России с начала XXI века⁵.

Изложенное показывает, что в условиях возрастающей антропогенной нагрузки [12; 13, с. 35, 37–38] на водные ресурсы и обострения экологических проблем, связанных с их использованием и охраной, а также в свете постоянного

³ См., например: Росприроднадзор признал, что вода в реке Алатырь пахнет канализацией и гнилью. URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/1335272-v-rospprirodnadzore-rasskazali-o-zagriznenii-alatyria-v-ustiakh-melkikh-rek> (дата обращения: 09.06.2025); Минприроды назвало самые загрязняемые реки России. URL: <https://www.rbc.ru/society/10/09/2021/613b548a9a79475d11f17f12> (дата обращения: 09.06.2025).

⁴ Экологическая катастрофа: что известно о разливе мазута у берегов Кубани. URL: <https://rostov.rbc.ru/rostov/21/12/2024/6766d0ab9a794735706cccd89> (дата обращения: 09.06.2025).

⁵ Потребуется постоянный мониторинг курортных берегов. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7433630> (дата обращения: 09.06.2025).

совершенствования нормативной правовой базы в данной сфере возникает необходимость проведения комплексного анализа правового регулирования водных отношений. В этой связи представляется актуальным и своевременным изданный в 2025 году издательством «Юридическая фирма Контракт» [9] научно-практический комментарий к Водному кодексу Российской Федерации.

Ответственным редактором нового комментария к ВК РФ выступил ведущий научный сотрудник отдела экологического и аграрного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (далее — ИЗиСП), кандидат юридических наук Д. О. Сиваков. Под его руководством был создан авторский коллектив, продемонстрировавший глубокое понимание современных экологических проблем. В настоящем комментарии представлен развернутый и аргументированный анализ каждой статьи, с учетом истории ее принятия и современных тенденций развития водного законодательства.

Структура комментария отличается логичностью и последовательностью изложения. Каждая статья ВК РФ рассматривается отдельно, что позволяет читателю легко ориентироваться в материале и находить ответы на конкретные вопросы. Комментарий предусматривает краткое изложение содержания статей; подробный анализ каждого положения, с учетом целей законодателя; сопоставление с другими нормами ВК РФ и иным законодательством Российской Федерации. Такой комплексный подход позволяет читателю получить полное и объективное представление о содержании и смысле комментируемой нормы.

Одним из существенных достоинств работы является высокий уровень научной аргументации и обоснованности выводов. Авторы используют широкий спектр источников, включая научные публикации, монографии, статьи. Они не ограничиваются простым пересказом существующих точек зрения, а предлагают свои собственные интерпретации и решения сложных правовых вопросов, основываясь на глубоком знании современной юридической методологии, водного законодательства и судебной практики, приводя не просто ссылки на судебные решения, но и анализируя их содержание, выявляя тенденции и противоречия. Этот аспект работы имеет особую ценность для практикующих юристов, государственных служащих и представителей бизнеса, которые сталкиваются с необходимостью применения ВК РФ в своей повседневной деятельности.

К сожалению, в рассмотренном научно-практическом комментарии не в полной мере раскрыта проблема диффузного загрязнения поверхностных и подземных вод, которое представляет собой угрозу для водных ресурсов [16, с. 248–249].

Более глубокий анализ этой проблемы в рамках комментария к ВК РФ позволил бы существенно расширить представление о масштабах существующих рисков, выявить недостатки в действующем правовом регулировании и, как следствие, создать основу для разработки эффективных мер, направленных на предотвращение и ликвидацию последствий этого опасного вида

загрязнения. Однако озвученное замечание не снижает положительного впечатления от работы.

Полагаем, что рассмотренный научно-практический комментарий к ВК РФ представляет собой ценный вклад в развитие водного законодательства и заслуживает высокой оценки. Он является полезным пособием для широкого круга читателей, включая юристов, экологов, государственных служащих, представителей бизнеса и граждан, интересующихся вопросами охраны водных ресурсов.

Список источников

1. Будникова Ю. Е. Анализ водного законодательства РФ и выявление пробелов в нем // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2010. № 2. С. 116–123.
2. Ведерников Г. Е., Назарова Е. И. Эволюция права об охране водных объектов в российской империи XIX – начала XX века [Электронный ресурс] // Law Afterknown: право за гранью обыденного: материалы III Международного молодежного юридического форума, г. Тюмень, 16–18 мая 2024 г. / главный редактор С. С. Зенин; ответственный редактор Л. В. Иванова; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский государственный университет, Институт государства и права. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024. С. 441–446.
3. Голиченков А. К. Экологическое право России: словарь юридических терминов: Учебное пособие для вузов. М.: Городец, 2008. 448 с.
4. Дембо Л. И. Основные проблемы советского водного законодательства. Ленинград: Изд-во Ленингр. Гос. Ордена Ленина Университет им. А. А. Жданова, 1948. 136 с.
5. Колбасов О. С. Теоретические основы права пользования водами в СССР: монография / АН СССР. Институт государства и права. М.: Наука, 1972. 227 с.
6. Комментарий к Водному кодексу Российской Федерации / С. А. Боголюбов, В. Г. Емельянова, Ю. Г. Жариков, Л. А. Заславская, О. С. Колбасов, О. И. Крассов, И. Ф. Панкратов, Ж. В. Прокофьева. М.: Юридический Дом Юстицинформ, 1997. 336 с.
7. Корецкий В. И. Вопросы кодификации советского водного законодательства / Таджик. гос. ун-т им. В. И. Ленина. Юридический факультет кафедра гражданского права и процесса. Сталинабад, 1961. 39 с.
8. Момотов В. В. Взаимосвязь общества и власти глазами Б. Н. Чичерина // Российская юстиция. 2023. № 10. С. 3–6.
9. Научно-практический комментарий к Водному кодексу Российской Федерации (постатейный) / О. А. Беляева, С. А. Боголюбов, Е. А. Галиновская и др.; отв. ред. Д. О. Сиваков; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Юрид. фирма «Контракт», 2025. 480 с.
10. Научные концепции развития российского законодательства: монография / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2024. 656 с.
11. Папков С. С. О мерах совершенствования государственного управления в области использования и охраны водных объектов в пределах Российской Арктики // Аграрное и земельное право. 2025. № 1. С. 138–141.

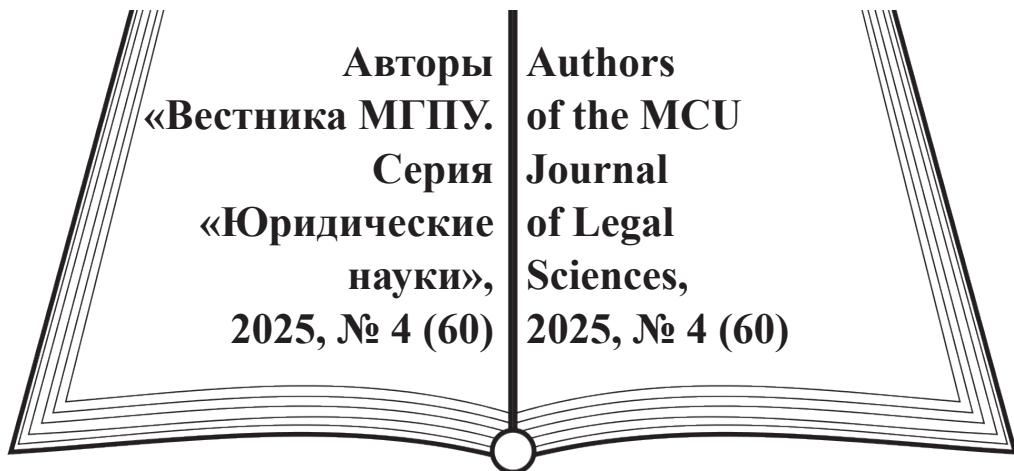
12. Пашенцев Д. А. Антропологическая парадигма в историко-правовой науке // Российская юстиция. 2023. № 12. С. 27–32.
13. Пашенцев Д. А. Антропология государства: очеловечивание правовой реальности как вызов Левиафану // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 3. С. 34–39.
14. Сиваков Д. О. Водное право России и зарубежных государств: монография. М.: Юстицинформ, 2010. 368 с.
15. Сиваков О. Д. Правовое регулирование водопользования: научно-практическое пособие. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Юриспруденция, 2010. 128 с.
16. Теоретико-правовые задачи сохранения природного потенциала России: монография / отв. ред. С. А. Боголюбов, Е. А. Галиновская. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2024. 296 с.
17. Флексор Д. С. Действующее законодательство по водному праву. Систематический сборник узаконений об орошении, обводнении, осушении, судоходстве, сплаве, пользовании водой для промышленных целей, рыболовстве, минеральных источниках и прочем с разъяснениями Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Издание юридического книжного магазина И. И. Зубкова под фирмою «Законоведение», 1912. 512 с.
18. Хабриева Т. Я. Технологические революции и их проекция в праве // Вопросы истории. 2022. № 2-2. С. 256–270.

References

1. Budnikova Yu. E. Analiz vodnogo zakonodatel'stva RF i vy'yavlenie probelov v nem // Trudy' Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. 2010. № 2. S. 116–123.
2. Vedernikov G. E., Nazarova E. I. E'volyutsiya prava ob ohrane vodnyh ob'ektov v rossijskoj imperii XIX – nachala XX veka // Law Afterknown: pravo za gran'yu ob'yednogo: materialy' III Mezhdunarodnogo molodezhnogo yuridicheskogo foruma (Tyumen', 16–18 maya 2024 g.) glavn'yj redaktor S. S. Zenin; otvetstvennyj redaktor L. V. Ivanova; Ministerstvo nauki i vy'sshego obrazovaniya Rossijskoj Federatsii, Tyumenskij gosudarstvennyj universitet, Institut gosudarstva i prava. Tyumen': TyumGU-Press, 2024. S. 441–446.
3. Golichenkov A. K. E'kologicheskoe pravo Rossii: slovar' yuridicheskix terminov: Uchebnoe posobie dlya vuzov. M.: Gorodecz, 2008. 448 s.
4. Dembo L. I. Osnovny'e problemy' sovetskogo vodnogo zakonodatel'stva. Leningrad: Izd-vo Leningr. Gos. Ordena Lenina Universitet im. A. A. Zhdanova, 1948. 136 s.
5. Kolbasov O. S. Teoreticheskie osnovy' prava pol'zovaniya vodami v SSSR: monografiya / AN SSSR. Institut gosudarstva i prava. M.: Nauka, 1972. 227 s.
6. Kommentarij k Vodnomu kodeksu Rossijskoj Federacii / S. A. Bogolyubov, V. G. Emel'yanova, Yu. G. Zharikov, L. A. Zaslavskaya, O. S. Kolbasov, O. I. Krassov, I. F. Pankratov, Zh. V. Prokof'eva. M.: Yuridicheskij Dom Yusticinform, 1997. 336 s.
7. Koretsky V. I. Voprosy' kodifikacii sovetskogo vodnogo zakonodatel'stva. / Tadzhik. gos. un-t im. V. I. Lenina. Yuridicheskij fakul'tet kafedra grazhdanskogo prava i processa. Stalinabad, 1961. 39 s.

8. Momotov V. V. *Vzaimosvyaz' obshhestva i vlasti glazami B. N. Chicherina // Rossijskaya yustitsiya*. 2023. № 10. S. 3–6.
9. Nauchno-prakticheskij kommentarij k Vodnomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejn'j) / O. A. Belyaeva, S. A. Bogolyubov, E. A. Galinovskaya i dr.; otv. red. D. O. Sivakov; Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii. M.: Jurid. firma «Kontrakt», 2025. 480 s.
10. Nauchny'e koncepcii razvitiya rossijskogo zakonodatel'stva: monografiya / pod red. T. Ya. Khabrievoj, Yu. A. Tikhomirova; Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii. 8-e izd., pererab. i dop. M.: Norma, 2024. 656 s.
11. Papkov S. S. O merah sovershenstvovaniya gosudarstvennogo upravleniya v oblasti ispol'zovaniya i ohrany vodnyh ob'ektov v predelах Rossijskoj Arktiki // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2025. № 1. S. 138–141.
12. Pashentsev D. A. Antropologicheskaya paradigma v istoriko-pravovoj nauke // Rossijskaya yustitsiya. 2023. № 12. S. 27–32.
13. Pashentsev D. A. Antropologiya gosudarstva: ochelovechivanie pravovoj real'nosti kak vy'zov Leviafanu // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Jurisprudentsiya. 2020. № 3. S. 34–39.
14. Sivakov D. O. Vodnoe pravo Rossii i zarubezhnyh gosudarstv. M.: Yustitsinform, 2010. 368 s.
15. Sivakov O. D. Pravovoe regulirovanie vodopol'zovaniya: nauchno-prakticheskoe posobie. Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federatsii. M.: Jurisprudentsiya, 2010. 128 s.
16. Teoretiko-pravovy'e zadachi soxraneniya prirodnogo potenciala Rossii: monografiya / otv. red. S. A. Bogolyubov, E. A. Galinovskaya. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federatsii: INFRA-M. 296 s.
17. Fleksor D. S. *Dejstvuyushhee zakonodatel'stvo po vodnomu pravu. Sistematischeskij sbornik uzakonenij ob oroshenii, obvodnenii, osushenii, sudoxodstve, splave, pol'zovanii vodoj dlya promy'shlennyyh tselej, ry'bolovstve, mineral'nyh istochnikah i prochem s raz'yasneniyami Grazhdanskogo Kassatsionnogo Departamenta Pravitel'stvuyushhego Senata*. 3-e izd., ispr. i dop. SPb.: Izdanie yuridicheskogo knizhnogo magazina I. I. Zubkova pod firmoyu «Zakonovedenie», 1912. 512 s.
18. Khabrieva T. Ya. *Tekhnologicheskie revolyutsii i ih proektsiya v prave // Voprosy istorii*. 2022. № 2-2. S. 256–270.

Статья поступила в редакцию: 18.07.2025; The article was submitted: 18.07.2025;
одобрена после рецензирования: 18.08.2025; approved after reviewing: 18.08.2025;
принята к публикации: 05.09.2025. accepted for publication: 05.09.2025.

Александрова Анна Викторовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Пензенского государственного университета.

Aleksandrova Anna Viktorovna — PhD in Law, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of Penza State University.

E-mail: pgu-gpd@yandex.ru

Бабаева Юлия Григорьевна — кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой юриспруденции Московского городского университета управления Правительства Москвы имени Ю. М. Лужкова.

Babayeva Yulia Grigorievna — PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Jurisprudence at the Moscow City University of Management of the Moscow Government named after Yu. M. Luzhkov.

E-mail: babaevayg@ks.mos.ru

Васильев Илья Александрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета.

Vasiliev Ilya Aleksandrovich — PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of St. Petersburg State University.

E-mail: i.vasilev@spbu.ru

Вяткин Андрей Николаевич — старший советник юстиции в отставке, старший преподаватель кафедры криминалистики, соискатель на степень кандидата юридических наук Уфимского университета науки и технологий.

Vyatkin Andrey Nikolaevich — Senior Counselor of Justice, retired, Senior Lecturer of the Department of Criminalistics, Candidate for the degree of Candidate of Legal Sciences of Ufa University of Science and Technology.

E-mail: van-88888@yandex.ru

Зудов Юрий Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права МГЮА имени О. Е. Кутафина.

Zudov Yuri Valerievich — PhD in History, Associate Professor of History of Law and State Department Kutafin of Moscow State Law University.

E-mail: yury.zudov@mail.ru

Метшин Ильсур Раисович — кандидат юридических наук, глава администрации города Казани.

Metshin Ilsur Raisovich — PhD in Law, Head of the Kazan City Administration.

E-mail: gorduma.kazan@tatar.ru

Мотова Екатерина Андреевна — кандидат юридических наук, младший научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Motova Ekaterina Andreevna — PhD in Law, Junior Research assistant of the Department of Legal Theory and Interdisciplinary Legislative Studies at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

E-mail: katya.motova.96@mail.ru

Николаев Андрей Игоревич — старший преподаватель Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета.

Nikolaev Andrey Igorevich — Senior Lecturer at the Institute of Economics, Management and Law of the Moscow City University.

E-mail: nikolaevai@mgpu.ru

Овчинников Анатолий Владимирович — член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, научный руководитель лаборатории сравнительной педагогики и истории образования Центра развития образования Российской академии образования.

Ovchinnikov Anatoliy Vladimirovich — Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogical Sciences, Scientific Director of the Laboratory of Comparative Pedagogy and History of Education of the Center for Education Development of the Russian Academy of Education.

E-mail: anatovch2014@yandex.ru

Смирнов Леонид Борисович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена.

Smirnov Leonid Borisovich — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Herzen State Pedagogical University.

E-mail: lbs1958@yandex.ru

Соловьев Павел Витальевич — кандидат юридических наук, декан юридического факультета Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой.

Solovyov Pavel Vitalievich — PhD in Law, Dean of the Faculty of Law of the Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk.

E-mail: p.soloviov@psu.by

Сорокин Владислав Петрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики, «Высшая школа правоведения» факультета государственного и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства.

Sorokin Vladislav Petrovich — PhD in Law, Associate Professor of the Department of Legal Support of Market Economics, Higher School of Law at the Faculty of Public and Municipal Administration of the Russian Academy of National Economy.

E-mail: sor.vladislav2013@yandex.ru

Степанов Михаил Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Stepanov Mikhail Mikhailovich — PhD in Law, Associate Professor, Leading Researcher of the Department of Theory of Law and Interdisciplinary Research of Legislation at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

E-mail: stepanovtao@mail.ru

Шахновская Ирина Викторовна — кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой конституционного и уголовного права Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой.

Shakhnovskaya Irina Viktorovna — PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional and Criminal Law of the Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk.

E-mail: i.shakhnovskaya@psu.by

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Редакция просит авторов при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ. Серия „Юридические науки“», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы:

1. Используемый шрифт — Times New Roman, кегль — 14, межстрочный интервал — 1,5, поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании; греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Содержание статьи должно отражать следующие обязательные структурные элементы:

- введение (постановка проблемы, определение цели и задач исследования, актуальность, новизна и значимость);
- анализ существующих подходов к решению поставленной проблемы, степень научной разработанности;
- исследовательская часть (включая доказательную базу и научную аргументацию);
- результаты исследования;
- библиография.

3. В публикации должны быть приведены все источники финансирования исследований, включая прямую и косвенную финансовую поддержку.

4. Объем статьи, включая список литературы, постраничные сноски и иллюстрации, не должен превышать 40 тыс. печатных знаков (1,0 а. л.).

5. В начале статьи должна быть представлена следующая информация:

- классификационные индексы Универсальной десятичной классификации — УДК (выравнивание по левому краю);
- инициалы и фамилия автора (полужирный шрифт, выравнивание по левому краю);
- сведения об авторе (выравнивание по левому краю);
- заголовок (полужирный шрифт, выравнивание по центру);
- аннотация к статье (объем не менее 100 слов, оформление по образцу);
- ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний, разделенных точкой с запятой).
- благодарности (при необходимости) организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помочь в подготовке статьи, сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации статьи, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья.

Требования к аннотации: объем не менее 100 слов (100–120 слов). Из содержания аннотации должно быть возможно получить целостное представление о статье, ее методологии и теоретической значимости.

Структура аннотации: цель статьи, методология, основные результаты, теоретическая значимость.

Ключевые слова: 5–7 ключевых слов или словосочетаний в единственном числе и именительном падеже, разделенных точкой с запятой.

6. Статья снабжается пристатейным списком литературы, составленным в алфавитном порядке на русском языке и транслитерированным, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

Примеры оформления:

Иванов А. А. Психология. 2-е изд. СПб.: Наука, 2001. 530 с.

Набоков В. Собр. соч.: в 4 т. / отв. ред. и сост. В. В. Ерофеев. М.: Правда, 1990. Т. 1. 414 с.

Викулова Л. Г., Троепольская Ю. Б. Туристический каталог в публичном медийном пространстве // Человек в информационном пространстве: сб. науч. тр. Ярославль: ЯГПУ, 2016. С. 80–87.

Плотникова С. Н. Дискурсивные технологии и их роль в конструировании социального мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия «Право». 2015. № 3 (714). С. 72–83.

Курбанова М. Г. Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Волгоград, 2015. 23 с.

7. Ссылки на литературу из пристатейного списка приводятся в тексте в квадратных скобках, например: [3, с. 57] или [6, т. 1, кн. 2, с. 89].

Ссылки на интернет-ресурсы, архивные документы и нормативные источники помещаются в тексте в круглых скобках или подстраничной сноской по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

Пример оформления:

Члиянц Г. Создание телевидения [Электронный ресурс] // QRZ.RU: сервер радиолюбителей России. 2004. URL: <http://www.qrz.ru/articles/article260.html> (дата обращения: 21.02.2006).

8. В материалах может быть использована подстрочная ссылка для выражения авторской позиции и (или) авторского комментария на фрагмент текста. Подстрочной ссылкой оформляются также используемые нормативные правовые акты с указанием данных о доступе. Оформление подстраничных сносок и примечаний в статье должно быть однообразным, нумерация сквозная.

9. В начале статьи (после аннотации на русском языке) приводятся на английском языке сведения об авторе, название статьи, аннотация и ключевые слова.

10. Рукопись статьи подается в редакцию журнала в электронной форме по адресу: pashencevda@mgpu.ru (в формате doc, docx).

11. К рукописи прилагаются отдельным файлом сведения об авторе (Ф. И. О., ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

12. На первичное рассмотрение рукописи на предмет ее соответствия тематике издания и требованиям к оформлению отводится 14 дней. В случае несоблюдения какого-либо из настоящих требований автор по требованию главного или ответственного редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки. Редакция не вступает в полемику с автором в случае его несогласия с принятым решением.

13. Журнал публикует только оригинальные работы, соответствующие требованиям журнала по соблюдению этики научных публикаций.

14. Все статьи, предназначенные для публикации в «Вестнике МГПУ. Серия „Юридические науки“», проходят процедуру рецензирования и утверждения редакционной коллегией журнала и редакционным советом Института права и управления МГПУ.

15. Подача статьи в редакцию журнала означает согласие авторов с изложенными правилами и согласие на размещение полной версии статьи в сети Интернет на официальном сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, на сайте МГПУ (раздел «Наука») в свободном доступе, с использованием представленных личных данных в открытой печати.

16. Публикация в журнале для авторов бесплатна. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ

УДК 340.13

Д. Д. Пашенцева

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация
...a@yandex.ru

Нормотворческие полномочия органов городского общественного управления Российской империи после реформы 1870 г.

Аннотация. В статье поставлена задача проанализировать природу актов, принимавшихся органами городского общественного управления Российской империи после городской реформы 1870 года. Использованы формально-юридический и исторический методы. На основе норм Городового положения 1870 года выявлены особенности этих актов, влиявшие на их место в системе права Российской империи. Проведено разграничение нормативных и ненормативных актов, принимавшихся городскими думами. Выявлена взаимосвязь данных актов с полномочиями органов городского общественного управления, а также с разграничением функций городских дум и городских управ. Сделан вывод, что полномочия городских дум по изданию как нормативных, так и ненормативных актов вытекали из функций и обязанностей, непосредственно закрепленных в Городовом положении 1870 года, а также из модели их взаимодействия с городскими управами и правительством.

Ключевые слова: городское общественное управление; Российская империя; городская дума; Городовое положение; нормативный акт.

Научный журнал / Scientific Journal

Вестник МГПУ.

Серия «Юридические науки»

MCU Journal of Legal Sciences

2025, № 4 (60)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
ПИ № ФС77-82091 от 12 октября 2021 г.

Главный редактор:

доктор юридических наук, профессор *Д. А. Пашенцев*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Т. П. Веденеева

Редактор:

Т. Е. Михайлова

Корректор:

К. М. Музамилова

Перевод на английский язык:

М. В. Лебедева

Техническое редактирование и верстка:

А. В. Бармин, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36.

https://www.mgpu.ru/centers/izdat_centre/

Подписано в печать: 19.12.2025 г.

Формат: 70 × 108 1/16. Бумага: офсетная.

Объем: 8 печ. л. Тираж: 1000 экз.